

63.3(2)622
Т 16
К-41769

П.П.Таллеров

ЛЕГЛА НА ПЛЕЧУ...

k-041769

This image shows a blank sheet of handwriting practice paper. It features five vertical columns created by four vertical lines. Each column contains ten horizontal lines, providing a grid for practicing letter formation and alignment. The paper is otherwise empty of any text or markings.

63.3(2)622

Т16

П.П.ТАЛЛЕРОВ

ЛЕГЛА НА ПЛЕЧИ...

кр.

Чебоксары
«Новое время»
2005

63.3(2)622.78

УДК 908

ББК 63.2(2Рос/Чув)

Т 16

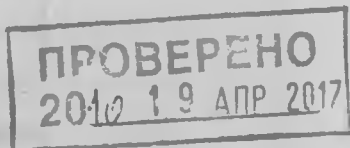
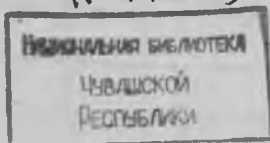
Таллеров П.П.

ЛЕГЛА НА ПЛЕЧИ... — Чебоксары: «Новые время», 2005. — 200 с.

Очерки о ратных подвигах участников Великой Отечественной войны в разные годы войны.

Книга издана на личные средства автора.

К-41769

© Таллеров П.П., 2005

Я БЫЛ СОЛДАТОМ ОТЧИЗНЫ

*Говорят, что было трудно
Всем солдатам на войне...*

Эшелон из товарных вагонов, оборудованных для перевозки людей, и из платформ с закрепленными на них автомашинами, гусеничными тракторами, 152-миллиметровыми орудиями ярким солнечным утром медленно подходил к железнодорожной станции Брянск.

Бойцы и командиры, столпившиеся у открытых дверей вагонов, напряженно вглядывались в возникавший в отдалении город. Конечный ли это пункт их долгого железнодорожного путешествия или эшелон пойдет дальше?

Прошло ровно месяц с начала войны, как 207-й корпусной артиллерийский полк Резерва Главного Командования (РГК), в котором я командовал штабной батареей, начал боевые действия в составе 18-й армии Южного фронта.

До 6 июля под Каменец-Подольским, занимая позиции на направлениях вероятных ударов противника, полк вел огонь по средоточению вражеской пехоты и танков.

9 июля по приказу Ставки, мы погрузились в эшелоны и уже две недели находились в пути.

Состав, громохая на стыках рельс, потянулся к высокой каменной платформе. Все облегченно вздохнули, приготовились выйти на перрон.

Засидевшиеся в вагонах бойцы быстро взобрались на платформы, снимали крепления. Водители заводили автомашины и трактора. В небе появились немецкие самолеты. Отрывисто застучали зенитные пушки, накрывая станцию пятнистым зонтом разрывов. Самолеты, уходя от разрывов, скрывались за большими сизо-серыми облаками с белыми рваными краями. Неожиданно выскакивая в голубые промежутки между ними, бросали бомбы. На путях и станционных постройках поднялись столбы дыма.

Но разгрузка не прекратилась. С платформы съехали машины, сползли трактора с орудиями. Колонна двинулась по высокой дамбе, обсаженной ветлами, пересела по мосту Десну, въехала в город и остановилась в липовой роще возле стадиона.

Разместив штабные машины и взводы батареи, организовав связь с дивизионами и охрану, я направился в штабную палатку. За складным столом сидел начальник штаба полка капитан Петр Максимович Рыбкин, рослый, широкоплечий, темным от загара лицом, коротким, чуть тронутым сединой ежиком волос. Перед ним лежала развернутая карта.

Выслушав доклад всех прибывших офицеров, Рыбкин сказал:

— Получен приказ на марш на место будущих позиций. Я буду читать приказ, вы садитесь за карту и наносите маршрут. Вам поручено уточнение на местности район огневых позиций и наблюдательных пунктов. Выезд через час, следовать по маршруту, указанному на карте. По выполнении задачи, ждите прибытия полка.

Объездив весь указанный район, офицеры наметили на карте места будущих позиций. Местность благоприятствовала скрытному размещению артиллерии: леса, перелески, рощи, поляны. Орудия можно было везде поставить так, чтобы они были незаметны ни с земли, ни с воздуха. Труднее обстояло с наблюдательными пунктами. Левый, низкий, берег реки зарос кустарником, постепенно переходившим в лес. Правый берег, наоборот, был возвышенным, приходилось долго искать места, с которых хоть немного просматривалась бы в будущем глубина расположения противника.

В указанном районе я выбрал место для штаба и штабной батареи на сухой площадке под мачтовыми соснами. Рядом находилась вырубка, заросшая высоким кустарником, удобная для укрытия машин. Тут же мод мшистого камня бил веселый родничок с вкусной прозрачной водой.

Полевые укрепления, подготовленные гражданским населением, позволяли войскам быстро организовать оборону на рубеже реки и длительное время успешно отражать атаки врага.

Командир разведывательной роты дивизии старший лейтенант Григорьев Алексей Иванович в тот погожий весенний день 1943 года выглядел очень усталым, не только оттого, что порядком измотался во время изнурительных оборонительных боев на Северском Донце. Он еще не при-

шел в себя после недавней контузии — вражеская мина разорвалась рядом, чудом остался жив. Глаза его выдавали: воспаленные от хронического недосыпания.

— Ты пойми, Кикин. я с удовольствием взял бы тебя в роту. Однако сам посуди, что за разведчик без нюха, да к тому же полуглухой?! По мне бы, тебя в чистую списал бы...

Сергей был худенький, невысокого роста. Стоял перед ротным навтыжку, при последних его словах весь подался вперед и хрипло выкрикнул:

— Вы не имеете права, товарищ старший лейтенант! Я почти два года разведчиком прослужил, у меня опыт...

— Не кипятись, не кипятись, сержант, — повысил командир роты. — Никто твои заслуги не отрицает.

Командир беспомощно развел руками. После ранения, как стало ясно, что сержант не мог служить в разведке.

Сергей горько усмехнулся и, не говоря ни слова, вышел из штабной землянки. После выписки из медсанбата, он был направлен в артиллерийский дивизион. По его просьбе, его направили в батарею.

Командир орудия старшина Галкин принял его на своем месте. Вскоре Кикин познакомился с составом второго расчета, в котором ему отныне предстояло служить наводчиком. Подчиненных у него было двое: замковый рядовой Черников и заряжающий Чугунов Миша.

Кикин с особым усердием принялся овладеть специальностью наводчика. Он не расставался с наставлением по устройству и боевому применению 45-миллиметровой пушки, состоявшей тогда на вооружении истребительно — противотанкового дивизиона, в которую входила батарея.

Орудие было неказистое на вид — приземистое, с довольно коротким стволом небольшого калибра. Разрушительная сила снаряда невелика, весом до двух килограммов, а мог пробить броню около сорока миллиметров.

Но были у этой пушечки и свои достоинства. Несложная по устройству и надежная в эксплуатации, она отличалась высокой маневренностью на поле боя, ее легко было замаскировать.

О достоинствах пушки Кикин впервые услышал от лейтенанта Комарова, командира артиллерийского взвода.

— Конечно, против тяжелых танков врага сорокапятка слабовата, но ведь и других целей для нее предостаточно, — говорил он. Был взводный совсем молод, и форсист. Внешне даже несколько легкомысленный, со своим роскошным чубом, буйно выбивающимся из-под пилотки, но дело свое знал, и до самозабвения был влюблен в артиллерию.

Лейтенант не уставал повторять, что при умелом владении сорокапяткой, при мастерской стрельбе ни один враг ей не страшен. Можно выйти победителем из любого поединка с самым грозным противником.

Наводчик не замечал, как скептически усмехается во время таких разговоров командир орудия. А однажды тот не без подковырки спросил:

— Вам, товарищ лейтенант, лично приходилось подбивать танки из наших пушек?

— Лично мне, товарищ сержант, не приходилось, — как бы не замечая иронии, серьезно ответил лейтенант. — Но нашей батарее в одном из боев удалось поджечь три немецких танка. Причем одного из них — «пантеру» — поджег расчет орудия, которым вы в настоящее время командуете. Неужели об этом не слышали?

— Слышать-то слышал, да верится трудом, ведь у «пантеры» броня чуть ли не сто миллиметров, — не унимался Галкин.

— Командир расчета сержант Панин, как и другие настоящие артиллеристы, полагался не только на бронебойную силу орудия, но и на свое мастерство, — пояснил командир батареи. Его расчет стрелял снайперски. Он вначале перебил гусеницу танка, а в тот момент, когда танк закружился волчком, всадил ему снаряд в моторное отделение. «Пантера» запыхала за милую душу. Почитайте об этом в нашей дивизионной газете. Там все очень подробно описано.

В то время на их участке фронта установилось затишье. Артиллеристы пополняли боеприпасы, приводили в порядок материальную часть, получили новую амуницию и обмундирование. Кикин использовал это время для того, чтобы основательно изучить затвор, изучил прицел и тренировался в работе у орудия не только в качестве наводчика, но в качестве других номеров расчета. Лейтенант похвалил его.

Заряжать орудие он научился довольно быстро. Снаряд пушки был не тяжелый. Едва получив его из рук подносчика,

Кикин тотчас посылал острое веретено в зияющий пустотой патронник орудия, затвор с металлическим звоном подскакивал вверх, и снаряд оказывался плотно закрытым в стволе, а боек затвора взведенным, то есть готовым для удара по капсуле снаряда. Стоило только нажать на спуск, гремел выстрел...

Бои шли упорные. Несмотря на мощную артиллерийскую подготовку, атаки наших стрелковых частей захлебывались на половине пути к переднему краю вражеской обороны. Дивизион получил задачу: выдвинуться как можно ближе к нашей пехоте и поддержать ее наступление огнем прямой наводкой.

На следующий день утром проведена разведка боем одним из батальонов дивизии, во время которой наблюдатели засекали цели — артиллерийские и пулеметные точки противника — и вели по ним огонь в пределах своих секторов обстрела.

Увидев, как повалился навзничь Черников, сержант Кикин тот час же бросился к нему на помощь. В те минуты опасности у Сергея все внутри словно бы напружинилось, а голова работала с какой-то особенной четкостью. Он успел заметить, откуда ударила вражеская пушка: справа от того места темнела свежая бомбовая воронка. Надо было подавить эту цель, но раньше надо было помочь раненому. Заряжающий помог перенести раненого в ровик, который был выкопан позади орудия. Затем передали его подбежавшим к огневой позиции санитарам.

От волнения Кикин не сразу справился с маховиками вертикальной и горизонтальной наводки и все же двумя выстрелами он взял вражеское орудие в вилку, а третьим заставил его замолчать.

С этого дня Кикин почувствовал еще большую уверенность в своих силах и умении. На последующих боях он действовал также отлично и хладнокровно, метко поражая огневые точки и живую силу врага.

В одном из боев Сергей был ранен в ногу и отправлен в медсанбат.

Когда, подлечив прострелянные ноги, Кикин вернулся в свою батарею, комбат направил его в прежний расчет, которым командовал теперь старшина Рыжиков.

— Куда Галкин делся? — удивился Сергей.

— Выбыл по ранению, — хмуро сказал комбат.

На следующий день командир дивизиона Парков сообщил Кикину, что он представлен за прошлые бои к награде — медали «За отвагу».

Больше всех обрадовался его возвращению командир огневого взвода лейтенант Климов. Он долго тряс руку Сергея, поздравляя его с возвращением в строй, потом представил личному составу расчета пушки.

— Орудие у тебя прежнее, старое же, а все люди и командир орудия новые, достаточного опыта боев не имеют. Придется тебе помочь командиру орудия и сплотить людей, добиваться нормальной работы.

Не успел Сергей порадоваться своей удаче, как по щиту его орудия будто кто-то стальной палкой пробарабанил. Это справа из лозины ударил фланкирующим огнем фашистский пулемет. Он стрелял трассирующими пулями. Они-то и помогли Кикину определить огневую позицию замаскировавшегося на небольшой высоте пулеметного расчета фашистов.

— Товарищ сержант, — доложил наводчик командиру расчета, — ориентир три, справа пятьдесят — вражеский пулемет.

— Вижу, — отозвался командир орудия и нерешительно добавил: — Но это цель — не в нашем секторе огня...

— Так ведь она от нас хорошо видна, — сказал Кикин. — Надо только развернуть орудие немного правее, и я накрою пулемет.

— Командир орудия, развернуть орудие право! — приказал командир взвода. Он, видимо, только что подошел и услышал, о чем переговаривались командир орудия и наводчик. — По фашистскому пулемету, снаряд осколочный...

Расчет развернул орудия, и после второго выстрела вражеский пулемет замолчал от прямого попадания нашего снаряда.

— Ну, кажись, теперь отдохнем, — говорил, орудия саперной лопатой, Шухин. — Вот наведем порядок и дадим храпака минут шестьсот.

— А если фашисты пронюхают? — возразил Бубнов.

— Да хоть и пронюхают, что толку? Мы дали им, как следует, посопатке, теперь они долго будут в своих норах раны зализывать...

— Так-то оно так, — подумал Кикин, — но расхолаживаться не стоит.

Противник превосходил нас по численности и вооружению во много раз, но командование решило выбить противника и восстановить утраченное положение.

Цепи атакующих составляли пять-шесть метров. Двигались молча, шепотом передавая по цепочке необходимые команды. Наша артиллерия методически вела рассредоточенный огонь по всей позиции, сопровождая атаку. То впереди, то сзади атакующих вздымались темные кусты снарядных разрывов, временами совсем близко, со свистом проносились осколки. С дружным криком «Ура!», ведя огонь на ходу из автоматов и карабинов, мы ринулись на врага. Подбежав поближе к фашистам, забросали их ручными гранатами. Гитлеровцев охватила паника. Минуту-другую они метались из стороны в сторону.

Вражеская оборона ожила, хоть до этого казалось, что она была полностью подавлена нашим артиллерийским огнем. Сначала по нашей пехоте ударили орудия и минометы, потом застрочили пулеметы. Наводчик отмечал на планшете цели, обнаруженные в секторе огня своего орудия. Плотный огонь вынудил наших пехотинцев залечь. Тогда на вражескую оборону обрушилась артиллерия, в том числе и наш дивизион. Он вел огонь прямой наводкой по ранее разведанным и только что засеченным целям врага

— Ориентир три, правее двадцать, — скомандовал командир орудия, — по вражескому пулемету... Огонь!

— Выстрел! — через секунду отозвался наводчик, и пушка резко вздрогнула от дульного среза до сошников, со звонким выхлопом посылая снаряд в сторону врага.

Вторым снарядом подавили пулемет врага, с третьего выстрела заставили замолчать дзот противника. Когда наша пехота и танки прорвали передний край фашистской обороны, расчет Кикина подбил вражеское орудие, позднее самоходку. Но расчет нес потери.

Первым выбыл из строя водитель тягача. Его отправили в медсанбат. Комбат Кузьмин пришел к расчету с новым водителем Куликовым.

— Будете служить в расчете сержанта Грачева, — приказал комбат. — Примите машину и берегите ее как зеницу ока...

Однажды в полдень передовой отряд был остановлен сильным пулеметным огнем с двух придорожных высоток. Командир орудия сержант Грачев подыскал подходящую лошадку. Отцепив орудие, выкатил его по пологому скату чуть вперед на площадку, удобную для ведения огня прямой наводкой и вместе с тем заслоненную от противника колючим низкорослым кустарником.

Три роты одновременно двинулись условленными путями к позициям противника. Однако фашисты отреагировали на это не так, как предполагал комбат. Немецкие пулеметы молчали, а ударили за высоты легкие минометы. Они вели огонь то в одно место, то в другое, то в третье.

Командир орудия Грачев терпеливо засекал огневые позиции вражеских пулеметчиков. Он приказал расчету сделать два пристрелочных выстрела, потом ввел поправку и открыл огонь. Пулемет замолчал. Потом подавил еще одну огневую точку.

Оставшись без надежного огневого прикрытия, фашистский заслон был вынужден отойти назад. Командир орудия засек вражескую батарею. С тремя выстрелами наблюдательный пункт фашистов был уничтожен полностью с прислугой.

За эти бои наводчик Кикин был награжден орденом Красной Звезды. Расчет в полном составе был награжден медалями «За боевые заслуги».

Дивизия была выведена на пополнение людьми, техникой и оружием, снаряжением.

Дивизион получил на вооружение взамен основательно потрепанных сорокопятак более мощные 76-миллиметровые орудия. Разговоры о них ходили давно.

Когда прибыли на место, на торжественном построении дивизиона Кикину, — теперь уже командиру орудия, был вручен паспорт на новое орудие, а потом и само оно — новенькое, сверкающее зеленой краской, густо смазанное там, где положено, желтоватым солидолом.

К тому времени расчет Кикина был укомплектован. Наводчиком стал Павлов, младший сержант из пополнения. Это был скромный и деловой парень. Он и до этого служил в расчете 76-миллиметровой пушки, не плохо знал и помогал командиру в обучении других номеров орудия. Водителем

стал рядовой Гладков, пришедший из другой батареи. Из «старичков» никого не осталось.

Жестокие схватки с врагом следовали одна за другой. Все слаженнее действовал на поле боя новый расчет Кикина, все лучше овладел новой пушкой. В одном из боев был ранен наводчик Павлов, которого в расчете полюбили все, кто успел его поближе узнать. Командир, пожалуй, больше всех других переживал это несчастье. Уж очень ему Павлов пришелся по душе, особенно своей одержимостью своей и знанием его. Он хорошо сознавал, что такого наводчика, какой сейчас, в разгар наступления, трудно, скорее всего, невозможно найти.

Новый наводчик орудия рядовой Антон Грызунов был родом из Сибири, воспитывался в детдоме. Он оказался добродушным на вид парнем богатырского сложения. Взглянув на него с высоты своего роста (он был, чуть ли не на голову выше Сергея), Грызунов сразу заявил, что никому не позволит на себя орать, а тем более на себе ездить. Поскольку «дальше фронта не пошлют и меньше пушки не дадут».

Кикин усадил наводчика напротив себя на орудийную станину и как можно спокойнее спросил:

— А что, ты везде службу с ультиматумов начинаешь?

— Не с ультиматумов, — насупил белесые брови Антон, — просто говорю, чтоб знали.

— Так вот запомни, — жестко сказал Кикин. — Без нужды никто на тебя кричать не будут. А делать станешь то, что прикажу, не меньше и не больше других.

— Орудие на позицию! — приказал командир и, когда расчет дружно выполнил эту команду, продолжил:

— По «тигру», бронейным...Огонь!

Первый же выстрел оказался удачным. Снаряд, пробив бортовую броню, видимо, угодил в бак с горючим. Всплески дыма и пламени заплесали над кормой «тигра». Танк начал разворачиваться в сторону нашего орудия, но Грызунов успел послать в уязвимое место «тигра» еще один снаряд. Раздался взрыв. Бронированная машина окончательно замерла. Когда все стихло, Антон подошел к командиру орудия, пожал ему руку:

— Ну, командир, умно воюешь!

Дивизия занимала оборону по правому берегу Немана. Здесь расчет пополнился людьми, получили боеприпасы.

Вновь наступление. Командир батареи получил приказ по уничтожению огневой точки противника, которая мешала продвижению нашей пехоте.

— Так вот, Кикин, — продолжал комбат, и темные глаза его смотрели с грустью. — Лучший расчет в нашей батарее — твой. Это известно всем. Но, поскольку он у нас и без того в каждой дырке затычка, ты должен сам решить — идти тебе или нет. Заваруха там ожидается к ночи. Еще один расчет с другой батареи пойдет. Обороняет высоту батальон известного тебе капитана Буркова.

— Приказывайте, товарищ капитан, — сказал сержант. — Я готов!

На высоту прибыли под вечер, иначе бы помешала немецкая артиллерия, которая пристреливала все подходы к ней. Да и сейчас, то и дело вокруг рвались снаряды и мины. Высота была опоясана окопами и траншеями.

Капитан Бурков коротко ввел Кикина и командира другого расчета в обстановку. Сообщил последние данные разведки.

— Видите впереди темнеют черепичные крыши? — говорил комбат Бурков. — Справа и слева от него леса. В них-то и притаились гитлеровцы. Днем немцы что-то вроде разведки боем провели. Прощупывали нас. Ночью же, видимо, попытаются прорваться из окружения. А за спиной у нас — станция наведения наших самолетов, бомбящих Кенигсберг. Так что сами понимаете, от вас многое будет зависеть в бою.

Кикин выбрал огневую позицию для орудия правее Коровина, уступом в глубь обороны стрелкового батальона, на самой вершине высоты. Командир приказал расчету окопаться в центре своеобразной седловины. Но не успели бойцы расчистить от камней площадку для орудия, как со стороны немцев послышался рокот танковых двигателей.

Тут уже было не до окапывания! Пришлось сошники разведенных станин упереть с стену полуразрушенного блиндажа, чтобы предотвратить откатывание орудия при выстреле, — на этом оборудование огневой позиции закончилось.

— К бою! — приказал командир орудия. Расчет к этому времени занявший свои места у орудия, стал быстро заряжать пушку. Танки противника шли на позицию артиллеристов.

Наводчик не пропустил нужный момент, он нажал на спуск именно тогда, когда танк, задрав нос на взгорке, обнажил самое уязвимое место — днище. Снаряд легко вошел в него и, видимо, рассыпался на мелкие осколки внутри боевой части, поразив весь экипаж.

Не успел расчет закончить с первым танком, как правее застывшей громады стали вырастать другие. Самоходка также была остановлена первым выстрелом и вскоре загорелась дымом. В дрожащем свете этого зловещего факела было видно, как уползали в темноту остальные танки, самоходки.

Потом наступило недолгое затишье. Очень скоро на высоту снова обрушился огненный шквал огня, а за ним из темноты стал надвигаться нарастающий рокот моторов и лязг гусениц.

На этот раз противник предпринял обходный маневр и атаковал высоту с левого фланга. Поэтому Кикину пришлось почти девяносто градусов разворачивать орудие. И вновь расчет выиграл единоборство с танком, который попытался прорваться на наши позиции.

Но и артиллеристы понесли потери. Им туго бы пришлось при следующей атаке танков. И как они обрадовались, когда к пушке подполз Егоров — заряжающий из другого расчета. Лицо и руки солдата были в крови, он плохо слышал за контузию, заикался, но, несмотря на это, сам попросился в расчет. Подносить снаряды согласились два легко раненные солдата из пехоты.

В этом составе расчет подбил вражеский танк и самоходку. После чего орудие Кикина вышло из строя — был разбит механизм наката ствола.

Уцелевшая горстка наших артиллеристов во главе с Кикиным заняла круговую оборону. Бои продолжались до рассвета, когда их сменили подоспевшие на выручку свежие силы подразделения.

За эти бои весь расчет орудия был награжден орденом Славы 3 степени, а командир орудия получил орден Красного Знамени.

А война продолжалась. И дальше шел по ее огненным дорогам артиллерийский расчет во главе со своим неустрашимым командиром. Не один еще вражеский танк был подожжен отважными бронбойщиками. Не один десяток огневых точек подавлен их меткими выстрелами, прежде чем был завоеван долгожданный мир.

Они шли на запад...

КАЖДОГО ПОМНИТЬ ПОИМЕННО...

Солдатом стать — высоту взять...

Заканчивался лето 1942 года. Я был вызван в военкомат для получения повестки на мобилизацию на защиту Родины. Военкомат гудел, как встревоженный улей. Народу было много, но мы направились в третью комнату, где нам вручили повестку.

Через три дня я прибыл на место сбора. Вскоре раздалась команда строиться. Нас быстро распределили по ротам. Временным командиром нашей роты был назначен щеголеватый, подтянутый старшина М.И.Захаров. Он разбил роту на три взвода, в одном определил старшим Семена Николаева. Рослый, крепко сложенный, малоразговорчивый. На сборном пункте было много народу. Все они уезжали на фронт. Их провожали жены, невесты, матери, отцы, а многих детишки. Слезы, песни, причитания, звуки причитания, звуки гармошек.

На одном из разъездов увидели эшелон, который попал под бомбежку. Многие вагоны были покорежены. Выяснилось, что бомбили эшелон на станции, расположенной впереди километров в сорока.

Мы притихли, чего греха таить, стало жутковато. Однако ту станцию миновали благополучно, под бомбежку попали на рассвете следующего дня. В теплушке царило тягостное молчание. Конечно, бомбежка и обстрел, раненые и убитые — все это не было для нас неожиданностью. Каждый хорошо понимал, куда он ехал, но лишь теперь война приняла зримые, вполне реальные черты.

Разгрузились мы на следующий день на станции Маевка, сразу же отправились в путь, засветло добрались до места дислокации.

На большой солнечной поляне, куда привел роту Захаров, нас встретила небольшая группа командиров и сержантов. Старшина роты отдал рапорт высокому, худощавому лейтенанту с орденом Красного Знамени на груди:

— Товарищ лейтенант! Рота пополнения прибыла в ваше распоряжение! В пути следования эшелон подвергся бомбежке. Потерь в личном составе нет!

После приветствия лейтенант скомандовал:

— Вольно! — и сообщил: — Я буду командовать вашей ротой. Моя фамилия Евгеньев Иван Сергеевич.

Затем он представил старшину роты Тимофея Ивановича Ефимова и командиров взводов. Командиром нашей роты был назначен Иван Петрович Замков.

26 августа после завтрака, батальон обмундировали, построили для принятия присяги, а вечером мы вступили в поход. Шли ночами, делая за один переход по сорок километров. Днем укрывались в лесах и отсыпались. Я никогда не думал, что снаряжение у пехотинца входит такая уйма всякого имущества, то растерялись, и не могли сообразить. Как правильно разместить на одном человеке винтовку, противогаз, саперную лопату, подсумки с патронами и две гранаты, флягу, котелок, шинельную скатку, да еще набитый под самую завязку вещевой мешок, в котором уместились и запасная пара белья, портянки, мыло, махорка, запас продовольствия и многое другое, необходимое в походной жизни.

Фашистские танки я видел впервые, и меня поразило, что у них такой длинный корпус, раза в три длиннее, чем у наших танков. И только тогда, когда они подошли поближе и стали видны в полупрофиль, я понял, что вражеские машины тащили за собой прицепы с пехотой. Примерно в пятистах метрах от нашего переднего края танки отцепили десант и устремились на позиции второй роты, а пехота, развернувшись в цепь, быстрым шагом направилась прямо на нас.

Расстояние неумолимо сокращалось. Уже можно было разглядеть их мундиры мышинного цвета. Фашисты, вооруженные автоматами, шли в полный рост. А у нас автоматы имели лишь командиры, да и то не все.

И вдруг с завыванием и скрежетом ударили «катюши». Прогремели два залпа — и сплошная черная пелена дыма и пыли накрыла атакующие танки и пехоту. Тут же ударила наша артиллерия. Все кукурузное поле покрылось фонтанами вздыбившейся от разрывов земли. Казалось, на нем не осталось ничего живого. Когда стрельба затихла, дым рассеялся, а пыль улеглась, я с удивлением увидел, что, несмотря на потери, атака гитлеровцев продолжалась.

Непрерывно строчил «максим» наших пулеметчиков. Я положил на бруствер СВТ, поймал в прорезь прицела мун-

дир мышинного цвета. Фриц споткнулся и завалился на бок. «Есть один!» — радостно подумал я и стал целиться во второго. Однако скоро стало не до прицельной стрельбы. Фашисты почти вплотную подошли к нашему переднему краю. В дело пошли гранаты.

И вдруг наступила тишина. Бой закончился.

Пока шли ожесточенные бои, пули и осколки миновали меня, но когда наступило относительное затишье, меня зацепило осколком.

В госпитале провалялся недолго, поскольку рана была не слишком серьезной, но после выписки, вопреки желанию, попал дальше от линии фронта.

Запасной учебный стрелковый полк размещался в старинных, дореволюционной постройки, казармах. Военный городок был ухоженным, широкие аллеи обсажены деревьями, уже покрытыми первой листвой. Казарменные помещения удивили нас невиданной доселе чистотой и порядком. Особенно поразили наше воображение кровати, самые обыкновенные железные, односпальные, от которых мы уже успели отвыкнуть.

Старшина роты Алексей Мелков, среднего роста крепыш, коренастый, с густыми черными бровями, стоял перед нами в отутюженном обмундировании с аккуратно подшитым белоснежным подворотничком, в надраенных до зеркального блеска сапогах. Он критически оглядел наши заросшие волосами, небритые лица.

— Сейчас пойдем в баню. Документы, деньги, награды сдадите дежурному у входа в баню. Перед мытьем всем постричься наголо и побриться. Вопросы есть?

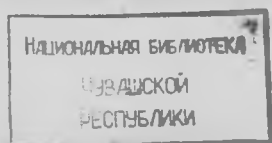
— Справа по одному в баню марш!

Что ни говорите, а баня великое изобретение. Особенно она хороша и любя тем, кто, как мы, больше месяца не видел горячей воды, не держал в руках мочалки, не говоря о венике. А тут — вода, мыла вдоволь и настоящая парилка.

После бани нас одели во все новенькое, с иголки, обмундирование.

Так прошел первый день в учебном полку. О многом он заставил задуматься, многое мы поняли, на многое заглянули другими глазами.

Прошло время учебы. Прибыла комиссия для приема экзаменов. Остались волнения перед экзаменами, и нас вы-

K-41769

строили перед развернутым полковым знаменем. Его алое полотнище трепетало на теплом весеннем ветру, как будто посылало нам прощальный привет перед скорым расставанием.

На рассвете 8 июля нас поднял сигнал боевой тревоги. Мы погрузили в эшелон оружие, боеприпасы, имущество. На другой день полк полным составом ушел на фронт.

Разгружались мы на станции Сухиничи. Полк влился в состав стрелковой дивизии. На месте сосредоточения, как и все подразделения, тут же переформировали. Часть сержантов и офицеров распределили по другим полкам дивизии.

Меня распределили в отдельный батальон связи, в роту, которой командовал Максим Петрович Сергеев. Необыкновенный, немногословный, он слыл классным специалистом своего дела. Говорили, что своих подчиненных оценивал, главным образом, по профессиональной подготовке, по деловым качествам. Среднего роста, подвижный, всегда подтянутый, он и в зной, и в стужу не снимал плащ-палатки, которая сидела на нем горделиво и строго, словно чапаевская бурка, а не свисала бесформенным мешком, как у большинства из нас.

Выслушав мой доклад о прибытии, он сказал:

— Служить будете во взводе старшего лейтенанта Кривова на должности старшего телефониста. Можете идти!

— Разрешите вопрос, товарищ капитан?

— Разрешаю!

— По званию, я младший сержант, по военной специальности — пулеметчик. Почему меня назначают в подразделение связи, да еще на должность рядового?

— То, что вы младший сержант, я вижу по вашим знакам различия. То, что вы пулеметчик, мне известно из вашей красноармейской книжки. Что касается назначения на должность старшего телефониста, то вам как младшему командиру следовало бы знать: военную службу несут там, куда назначают, а не там, где хочется. Есть еще вопросы?

В блиндаже, где размещался, взвод телефонистов, стоял густой запах керосина. Они перематывали кабель, пропуская его через разогретый озокерит, чтобы изоляция, потерявшая от частого употребления, вновь обрела эластичность и водостойкость.

Я прибыл во взвод в самый разгар этой работы, которой руководил командир с суровым, сильно обветренным, но симпатичным лицом. Доложил о прибытии для прохождения дальнейшей службы.

Старший лейтенант Кривов познакомил с командиром отделения сержантом Ильиным.

— С остальными товарищами по вашей службе познакомьтесь сами, надеюсь, подружитесь. Задание получите у командира отделения, — приказал мне командир взвода.

Обедали в блиндаже. На фронте полевая кухня располагалась в тылу батальона, все доставлялось прямо к передовой в термосах.

Нашей относительно мирной жизни пришел конец. 11 сентября дивизия получила приказ перейти в наступление. На рассвете 12 сентября, Ильин поднял с солнцем, кромка горизонта едва обозначалась серой полоской нарождающегося рассвета.

— Потянем связь на НП артиллеристов, — объяснил он. — Максимов — первый номер, Буйнов — второй. Павлову взять три катушки, а остальным по две.

Из этого я понял, судя, по количеству катушек, до НП восемь километров. Мне впервые предстояло давать связь в реальной обстановке.

Мы размотали почти все восемь катушек, когда вышли на небольшую лесную опушку, где между тремя соснами, почти у самых крон, саперы заканчивали сооружение прочного дощатого настила.

Дивизия уже вышла на исходный рубеж для форсирования реки Каталка. Наше отделение должно было давать связь полку, которым командовал майор Карасев.

Вся река была усеяна лодками, плотами, плотиками, на которых переправлялись бойцы с минометами, пулеметами.

Когда мы прибежали к реке, нас уже ждала лодка, возле которой стояло отделение. Сержант прокладывал линию связи, я сидел на веслах. Немецкая артиллерия не жалела снарядов и била по всему участку реки, где шло форсирование. Разрывы ложились вокруг нашей лодки, и нас несколько раз накрывало фонтанами вздыбленной воды. Когда до берега оставались считанные метры, лодку сильно подбросило, я очутился в воде и тут же потерял сознание. Сколько я лежал

не знаю. Все лицо было залеплено грязью, меня душил кашель, а тело ныло от тупой, изнуряющей боли. Я был контужен...

Бой гремел, наступление развивалось, и нам работы хватало. Лишь ночью, когда полк вывели во второй эшелон дивизии, мы вернулись в роту. После краткого отдыха начали приводить в порядок свое хозяйство, и тут ко мне подошел старший лейтенант Кривов.

— С боевым крещением вас, товарищ младший сержант, оно, как я слышал, что прошло по всем правилам...

Дивизия стремительно наступала. Расширив плацдарм на западном берегу реки, она обеспечила ввод в бой механизированных частей корпуса, которые устремились к границе с Белоруссией.

По несколько суток мы не смыкали глаз, поддерживая связь КП дивизии с контрольными пунктами, через которые проходила вся эта громада войск. Войска рвались вперед, а за ними спешили и связисты нашей дивизии.

Комбат пригласил меня в блиндаж к себе. Доложил по уставу.

— В штаб дивизии за наградой! Когда получите, вернетесь ко мне.

Награды вручал командир дивизии полковник Бубнов. Офицер из отделения вызывал награжденных по списку, те выходили из строя, полковник вручал, и сам лично прикреплял награду к груди награжденного.

Дошло очередь до меня. Когда назвали мою фамилию, я словно во сне сделал три шага вперед, волнение затуманило голову, и почти не почувствовал, как полковник привинтил орден к моей гимнастерке.

После окончания процедуры награждения, полковник еще раз поздравил нас и разрешил возвращаться в подразделения.

Как на крыльях летел я в ротную землянку, радость распирала грудь.

— Товарищ капитан! Старший телефонист младший сержант Максимов, представляюсь по случаю вручения мне медали «За боевые заслуги».

Шел четвертый месяц гигантской битвы за Днепр. Начиная с сентября, не было ни одной политинформации, ни

одной сводки Совинформбюро, в которых бы не сообщалось о ней. В начале октября 1943 года битва за Днепр развернулась и на территории Белоруссии в районе города Лоев, в междуречье рек Днепра и Сожи. Линия фронта медленно, но уверенно продвигалась на северо-запад в направлении Жлобина и Рогачева.

8 декабря дивизия сменила части, занимавшие до нее оборону севернее города Жлобина, и получила задачу готовиться к форсированию Днепра в районах озер Тростинного и Осушного.

До КП соседней дивизии было более десяти километров открытой, поросшей мелким кустарником местности. Через кустарник линию вели, прокладывая кабель по толстым сучьям, в открытом поле прорывали канавку на ширину и глубину штыка лопаты. В нее через каждые два метра устанавливали чурбачки и по ним прокладывали кабель. На прокладку линии уходило все светлое время.

Январь 1944 года был на исходе. Уже второй месяц дивизия занимала оборону на Днепре. Подразделения вели непрерывное наблюдение за действиями противника на противоположном берегу. Активно действовала разведка, регулярно проводя поиски с целью захвата пленных.

НП полка находился как раз в том окопе, откуда разведчики уходили в поиск. Связь к нему уже была подведена. Наша задача была вести связь от НП вслед за стрелковым батальоном.

Рассвет еще не обозначался, а пехота уже начала попластунски передвигаться к вражескому берегу. Всем было понятно, что после действий нашей разведки противник примет меры к усилению обороны и наблюдения.

Едва первая рота выбралась на крутой берег, как вся прибрежная полоса осветилась сотнями ракет и поднялась бешеная пулеметно-артиллерийская стрельба. Этого и добивалось наше командование. В первой траншее нашей обороны и в боевом охранении десятки артиллерийских наблюдателей засекли огневые точки противника. За головной группой, уже не маскируясь, ринулся весь батальон. Бойцы сорвались с места стремительно, как спортсмены со старта, и, не открывая огня в линии взводных колонн, понеслись к вражескому берегу. Быстро взлетели на крутой откос и, словно

раскрывающийся веер, начали разворачиваться широким фронтом в боевой порядок. За ними двинулись и мы, тоже на лыжах, таща за собой нарты с кабелем и аппаратурой.

Батальон уже захватил фашистскую траншею и повернул вправо, громя оборону противника и продвигаясь в направлении железнодорожного моста, ведущего на город. Но фашисты начали контратаку, и батальон залег.

Противник открыл ураганный артиллерийский огонь, но нашу пехоту укрывали вражеские окопы, которые мы успели захватить. Зато, нам связистам, пришлось туго. То и дело рвалась связь, мы метались по линии до изнеможения...

У нас сменился командир взвода. Старший лейтенант Кривов был переведен в другую дивизию с повышением в должности, а взвод принял лейтенант Каликов. Воевать начал недавно, сразу после окончания училища, но дело знал и любил. От подчиненных требовал того же, любовного отношения к порученному заданию. Он отлично стрелял из пистолета, впоследствии взвод начал стрелять отлично.

Наши войска далеко продвинулись вперед южнее и севернее Ковеля, но гитлеровцы сосредоточили в городе много войск и прочно укрепили подступы к городу, чтобы прикрыть стык двух крупнейших своих группировок.

Дивизия заняла исходные позиции для форсирования реки Стоход. Нам предстояло обеспечивать связь с стрелковым полком. Дивизионная разведка на нашем участке переправилась на западный берег реки, завязала там бой, захватила пленных и установила, что все мосты и переправы через реку взорваны. На другой день во вражеский тыл пошла разведгруппа нашего полка. Ей удалось уточнить начертание переднего края обороны противника, нащупать в ней брешь, и в ночь на 10 марта разведгруппа, усиленная стрелковым взводом, незаметно для противника переправилась через реку южнее деревни Смоляры и, внезапной атакой отбросив противника, зацепилась за ее западную окраину.

Мы продержались на плацдарме пять дней. 16 марта на западный берег реки переправились все части дивизии и с ходу овладели небольшим городком Уховец. Противник начал отходить к Ковелю. Это было не паническим бегством. Они отходили с боями, цепляясь за каждый пригодный для обороны рубеж или участок.

Батальоны бросились к городу, ведя огонь на ходу, благо ракеты освещали не только нас, но и передний край вражеской обороны. Как только наши подразделения завязывали бой с охраной врага, наша артиллерия, стоявшая на самой опушке сосновой рощи, перенесла огонь по вражеским батареям.

Передышка была недолгой. Едва день вступил в свои права, как бой возобновился и принял еще более ожесточенный характер. Теперь, когда наши части зацепились за окраину города, боевые действия велись за каждый дом, за каждое строение. Продвижение вперед измерялось метрами, и каждый метр приходилось брать с боем. К исходу дня дивизии удалось охватить город в полукольцо.

26 июня фронт перешел в решительное наступление. Уже на другой день Совинформбюро сообщало, что войска нашего фронта вышли на реку Березина, через два дня Москва отсалютовала за освобождение Бобруйска, наконец — 3 июля — Минск.

С рассветом противник предпринял контратаку. Ее отражение заняло несколько часов, всем было ясно, что враг не смирится с потерей города Ковеля. За это время разведгруппа доложила, что бой ведут только подразделения прикрытия, главные силы поспешно отходят на запад. Вскоре полк сломил сопротивление врага и перешел в преследование.

22 июля части дивизии вышли к государственной границе.

Дружное и раскатистое «Ура!» раздалось в ответ политу. Многие из тех солдаты, что встретили врага здесь, на границе, в начале войны, плакали, не скрывая слез.

Вторую неделю шли мы по территории Польши. Не удержавшись на Западном Буге, противник отходил в направлении Варшавы. Отходил с боями от рубежа к рубежу, сопротивлялся жестоко и стойко. Дивизия прошла с боями уже около трехсот километров, освободила десятки больших и малых населенных пунктов.

На рассвете 13 января 1945 года землю и небо потрясли громовые раскаты. Пронзительные завывания реактивных установок слились с громоподобными залпами ствольной артиллерии в один непрерывный грохот. Весь противоположный

берег затянуло сплошной пеленой дыма и земли, которая поднималась все выше и выше, и вскоре приняла облик черной стены, высотой в шестиэтажный дом.

Артподготовка продолжалась около часа. Вот к берегу устремились колонны саперов. Бойцы несли толстые бревна. Для усиления прочности льда из бревен скобами сбивались пути для танков и тяжелой артиллерии.

Взвилась серия разноцветных ракет, и артиллерия умолкла. Сразу же ожил берег. Из укрытий вырвались танки и двинулись по проложенным колеям через Вислу. Обгоняя их, по льду пошла пехота. Вся эта лавина, достигнув противоположного берега, веером развернулась в боевой порядок. Ринулась к городской окраине, которая стала проявляться сквозь дым и гарь, поднятых разрывами наших снарядов.

Бои за столицу Польши продолжались четыре дня. 17 января Варшава была полностью освобождена. После взятия столицы дивизия повернула почти строго на запад, преследуя врага вдоль левого берега Вислы в направлении Цеханув.

30 января мы выбили противника из последнего польского населенного пункта, дивизия вступила на территорию фашистской Германии.

Германия встретила нас жестокими боями. Не только населенные пункты, но и каждое отдельно стоящее строение были подготовлены к долговременной обороне: даже хозяйственные постройки, не говоря уже о домах, выложенные из камня и кирпича и имеющие надежные стены, были оборудованы как пулеметно-пушечные доты.

Уже месяц мы вели бои на германской земле. Настроение у всех приподнятое, как будто мы шли не от боя к бою, где нас на каждом шагу подстерегала смерть, а на большой праздник.

В начале марта дивизию вывели в резерв армии в районе Пиритц, небольшого городка на берегу красивого озера, километрах в двадцати юго-восточнее Штеттина. Полки получали пополнение, доукомплектовывали подразделения и занимались боевой подготовкой. Почти ежедневно несколько рот выполняли задачи по ликвидации блуждающих по лесам вооруженных групп гитлеровцев.

В ночь на 12 апреля мы совершили ночной марш и еще затемно сменили части стрелковой дивизии, занимавшей плацдарм на западном берегу Одера. Форсировать эту водную преграду нам не пришлось. Стало известно, что дивизия в составе армии будет штурмовать Берлин. Радость и ликование охватили всех нас.

16 апреля начался штурм Берлина. Утром 17 апреля мы на своем участке прорвали первую полосу обороны на всю ее глубину.

21 апреля фашисты собрались с силами и перешли в контратаку. Уже к вечеру стало известно, что несколько дивизий нашей армии завязали бои на его северной окраине. Полковые радисты приняли радиogramму: «Наши у стен Берлина!».

Утром 30 апреля после короткой, но сильной артподготовки прозвучал сигнал к атаке. Неожиданно оборонительная полоса на подступах к городу была прорвана быстро, без особых потерь, и уже во второй половине дня наш полк завязал уличные бои. Штурмовые группы действовали четко и активно, отбоявывая дом за домом, квартал за кварталом. Улицы в Брандербурге значительно уже берлинских, и при переносе НП или КП в следующий квартал мы просто перебрасывали провод через улицу и выводили его в нужный пункт кратчайшим путем — прямо по крышам домов.

К полуночи бой стал затихать. Перед самым рассветом командиру полка доложили, что противник оставил позиции и отошел к каналам.

Утро 1 мая выдалось серым, хмурым. Непрерывно сеял мелкий, как пыль, нудный дождь. Едва рассвело, полки двинулись вперед. Противник отвечал редким огнем. Вскоре разведка установила, что бой ведут лишь подразделения прикрытия. К полудню Бранденбург был полностью очищен от врага.

Смолкли пушки, заглушили двигатели своих машин танкисты.

9 мая мы радостно отметили праздник Победы.

И тех, кто погиб, каждого помним поименно...

СУДЬБА ВОЙНОЙ ПОДКАТИЛА ПОД НОГИ...

*Уходят солдат за солдатом,
Прижав автоматы к сердцам.
И машет девчонка платком,
Вослед уходящим бойцам...*

Не свертывая карты, на которую только что была нанесена обстановка боя, капитан Стрельцов связался с командиром полка и попросил помощи. Уточнил время, договорился о взаимодействии с артиллеристами и через несколько минут вновь отдавал боевой приказ командиру второй роты.

— Готовь атаку на десять тридцать. Артиллерийский налет будет пять минут, начнется в десять двадцать пять. Справа подниму четвертую роту. Деревню взять, закрепить на западной окраине. Повтори приказ.

Стрельцов выслушал командира роты, немного успокоился и, передав телефонную трубку связисту, приподнялся над бруствером окопа, в котором разместилась ячейка управления. Глянул вокруг. Над головой гудели мины, с резким хлопком рвавшиеся где-то позади, в районе полковых тылов.

Бой начался с артиллерийского налета. Однако передовые ряды залегли.

— Что там у вас? Почему залегли? Деревню надо взять. Обязательно надо взять!

Комбат капитан Стрельцов кричал в телефонную трубку сердито и требовательно. Он пытался заглушить своим охрипшим голосом разноголосый шум боя, разгоревшегося за небольшим бугром на подступах к деревне.

— Что там случилось? Почему не наступаете? — повторял капитан один и тот же вопрос.

Ему обязательно надо узнать, почему вторая рота залегла. Он обеими руками прижал к уху черную трубку телефона, дважды чертыхнулся и стал терпеливо слушать.

— Понимаю. Так. Два пулеметных гнезда, у крайней хаты, минометы в саду. Дзот у развилки дорог. Да вижу, поможем, попрошу у «хозяина» огурцов, позвоню...

Осенью 1941 года сложилась тяжелая обстановка на фронтах под Ленинградом, под Москвой и на юге. Фашистские полчища в ноябре заняли Ростов-на-Дону. Недолго лютовал в городе, около недели. Наши войска, перейдя в

контрнаступление, выбили из города. Враг закрепился по реке Миус, и на Южном фронте вновь разгорелась яростная битва.

Фронт грохотал взрывами снарядов и мин, подходил все ближе и ближе к городу на Дону. К переправе тянулись колонны повозок с детьми, месили степную землю стада овец и коров, шли тракторы, а за ними, словно жирафы, кланяясь длинными шеями, не спеша, двигались комбайны.

Хмурые, злые, промокшие под осенними дождями люди из районов, занятых фашистами, шли за реку Дон.

За рекой Доном началась солдатская жизнь Сергея. Сначала подружился со старшиной стрелкового батальона, пожилым человеком по фамилии Сергеев. Тот пригрел юношу, Михаил выполнил несколько поручений старшины, удивив его расторопностью, смекалкой.

Вскоре в списках батальона появилась фамилия красноармейца Сергея Михайловича Седойкина, 1925 года рождения, комсомольца. Старшина раздобыл ему ботинки, обмотки, гимнастерку с брюками, пилотку с красной звездочкой.

В тяжелых боях давалась воинская наука, обретались солдатские качества. Винтовка, врученная старшиной, была велика и тяжела. Когда он закидывал ее на правое плечо, она болталась, больно била по лопаткам и сползала, мешая ходить. И все-таки привык к винтовке молодой солдат.

Трудные бои шли под Сталинградом летом 1942 года. Били советские бойцы фашистов, но и наших polegло немало. Это казалось ему противоестественным. Человек только что жил и вот уже лежит на дне окопа, а под ним все шире растекается бурое мокрое пятно. Нет человека!

Как-то под вечер фашисты пошли в очередную атаку. Сначала в небе появились «юнкеры». Они высыпали на передовые позиции кассеты мелких осколочных бомб. Потом над степью разлилось урчание танков и бронетранспортеров. Загудела земля от взрывов мин и снарядов.

В окопе стало неуютно, одиноко. Сергей присел на пустой патронный ящик, смолк. Старшина будто преобразился, стал торопливо протирать диски, туго набитые патронами. Он поминутно приподнимался над бруствером, оглядывая цепким взглядом поле боя.

— Пошли, дьяволы, идут, гады... — тихо проговорил старшина, комментируя ход завязавшегося боя. — Ишь, расхрабрились, идут как на параде. Пьяные, шнапса хватили...

Сергею захотелось увидеть это самому, и он высунулся из окопа. Сразу понял, откуда доносится гул танков, заметил небольшие черные фигуры врагов, цепями бегущих за танками. Они подходили все ближе и ближе. Казалось, нет силы, которая остановила бы их, и в сердце Сергея заползли тревога и страх.

— Чего же по ним не стреляют? — спросил он старшину.

— Экономят патроны, как же иначе, каждый диск на счету.

Вот и в цепях атакующих стали вырастать столбы дыма — разрывы наших минометов и пушек. Залегла одна цепь, другая.

— Не нравится, гады. Залегли, — весело крикнул Сергей, но старшина не разделял его оптимизма. Он сказал, что это только начало, настоящий бой еще впереди.

— Танки! С ними придется горя хлебнуть, — сказал старшина Сергеев, поглаживая рыжую щетину, обрамлявшую лицо.

Он оказался прав. Танки ворвались на наши передовые позиции и начали свое черное дело. Они давили гусеницами пулеметные гнезда, утюжили окопы, жгли огнем обороняющихся. Несколько машин горело, две-три застыли с перебитыми гусеницами, но с десятков упрямо двигались дальше, приближаясь к пункту боепитания, где находился старшина со своим помощником.

Забыв о страхе, Сергей неотрывно следил за полем боя. Один из фашистских танков, оставляя за собой серую копну пыли и дыма, мчался прямо на окоп Сергеева. Ствол пушки ритмично качался вверх и вниз, словно высматривая цель. Черный крест на лобовой броне казался зловещим призраком, несущим смерть.

— Ложись на дно, — коротко приказал Сергею старшина. Сам торопливо вставил капсулы в две противотанковые гранаты. Одну из них старшина опустил на дощечку, что лежала рядом, другую взял в правую руку, приподнялся над бруствером, выждал секунду-другую. Сергей краем глаза увидел, как взмахнул старшина правой рукой и швырнул гранату, навстречу приближающемуся танку.

Где-то там, наверху, раздался грохот взрыва. На окоп наваливалась тяжкая громада, и стало темно. На мгновение показалось, что рушится земля. Стало трудно дышать — песок забил ноздри, набился в рот.

Сергей собрал оставшиеся силы, стал выкарабкиваться из-под завала. Это ему удалось. Старшина лежал, оглушенный взрывом гранаты, а может быть и танком, проутюжившим окоп. Фашистский танк грохотал уже сзади окопа. Медлить было нельзя, это отчетливо понял Сергей, быстро схватил гранату, что положил на дощечку старшина. Докинуть бы до кормы, угодить бы под гусеницы танка!

Впереди раздался вновь грохот. Сергей обернулся и увидел еще один танк с черным крестом на броне, мчался по следу первого. Что делать? Снова лечь на дно окопа?

А что, если как старшина, встретить танк гранатой? Только подпустить поближе, чтобы наверняка бросить ее под гусеницу.

Решение принято. И вот Сергей еще раз смотрит вперед, а когда до лязгающих гусениц танка осталось не больше десяти метров, метнул гранату. Раздался взрыв. Сергей бросился на дно окопа, и как тогда, после броска гранаты старшиной, стал ждать, что вот-вот стальная громада снова закроет небо, но черная махина не появлялась.

Прошла минута, две. Сергей приподнялся. Увидел, что подбитый танк стоит неподвижно. Не сразу понял, что это — дело его рук. Когда понял, потянулся к винтовке, очистил ее от песка и, приладив к плечу, нацелился на люк танка: если покажется враг, то уничтожит его.

Так родился солдат, в семнадцать мальчишеских лет...

Батальон таял не по дням, а по часам. Когда в ротах осталось по семь-десять человек, полк вывели в тыл на переформирование. Ночью передали окопы подошедшим из тыла подразделениям и тронулись в путь. Еще было темно, успели выйти к реке Волге, переправиться на другой берег. Двое суток бойцы отсыпались на соломе в сарае — бывшей совхозной конюшне, потом ходили в баню.

Постриженные, побритые, помолодевшие встали воины в строй. Командир полка майор Волков, приняв рапорт, прошелся вдоль жиденькой шеренги. И надо же было ему остановиться возле Сергея!

— А это кто?

— Красноармеец второго батальона Седойкин, — отчеканил Сергей.

— Сколько лет?

— Восемнадцатый идет, — чуть слышно выдохнул Сергей.

— Отчислить, — коротко бросил майор.

— Товарищ майор...

Сергея Седойкина не отчислили из стрелкового батальона. Оставили сначала при батальонном пункте боепитания, потом он стал выполнять отдельные поручения комбата.

Бои шли упорные, тяжелые. Обстановка часто менялась, приходилось от наступления переходить к обороне, чтобы измотать врага.

По приказу командира полка ему поручили вести информацию, зазвенел голос Сергея в окопах и блиндажах, как агитатора батальона. В сводках сообщалось о том, что делается на Сталинградском фронте, как идет расчленение и уничтожение окруженной группировки врага. Так он ходил от одного блиндажа к другому, рассказывая о победах Красной Армии на всех фронтах.

Это был первый шаг молодого агитатора. И был сделан твердо, с чувством внутреннего удовлетворения и радости от сознания, что его труд очень нужен каждому бойцу батальона.

Парторг долго смотрел вслед удалявшемуся агитатору, и глаза его лучилось доброй улыбкой. Родился еще один боец идеологического фронта, солдат, разящий врага штыком и словом партийной правды.

В первых числах февраля 1943 года смолк гул битвы на Волге. В Сталинграде среди руин состоялся парад воинов-освободителей. В меховых полушубках, шапках-ушанках, валенках шли по центральной площади советские солдаты.

В это время, далеко за Доном, шли передовые наступающие части Юго-Западного фронта, в составе которых была дивизия, где воевала Сергей Седойкин. Им было нелегко: противник вводил в бой резервы, контратаковал, пытаясь сбить темп наступления.

Ломая сопротивление врага, двигались наши полки на запад. Позади остались волжские степи, на пути Сергея Седойкина и его однополчан стали появляться остатки сел и деревень — недавно цветущих населенных пунктов.

Дни бежали своим чередом. Полк после боев на Северном Донце был выведен в тыл, принял пополнение, опять завязал тяжелые бои на правобережье Северного Донца, нацелившись наступать на Донбасс. Фашисты контратаковали наши наступавшие войска, и после кровопролитных боев части остановились на несколько месяцев, удерживая некоторые плацдармы за Северным Донцом.

В те месяцы Сергей стал заправским бойцом стрелкового батальона. Научился хорошо стрелять из автомата. Участвовал в боях, как и все. Наступал, с боем прорывался к Северному Донцу. Лежал под бомбежками, привык к вою мин, к дробному стуку пулеметов. Комсомолец Седойкин стал все чаще выполнять поручения парторга батальона. Проводил политинформации, обучал стрелять бойцов стрельбе из автомата, обращению с «лимонками».

На Северном Донце после весеннего затишья с наступлением летней жары разгорелись бои. Наши войска южнее Харькова с плацдармов, расположенных за Северным Донцом, стремились прорвать вражескую оборону.

Конфигурация фронта была очень заманчивой, чтобы устроить врагу новый «котел». Каждый солдат знал, что если ударить из районов Изюма строго на юг, то, пройдя чуть более сотни километров, можно выйти к Азовскому морю в районе Жданова и отрезать всю южную вражескую группировку. Понимали это и немецкие генералы. Враг жестоко сопротивлялся. Голая Долинка, Сухая Каменка. Здесь захлебнулось несколько атак наших танкистов, пехотинцев. Сотни храбрых бойцов сложили в зеленых балках свои головы. И не случайно Голую Долину бойцы 8-й гвардейской армии, герои Сталинградской битвы, прозвали «долиной смерти».

Здесь бои шли не на жизнь, а на смерть. Когда наши бойцы вклинились в первую полосу вражеской обороны, они натолкнулись на железобетонные колпаки. Ими были усеяны все высоты, превращенные врагом в узлы сопротивления. В бетонных укрытиях находились пулеметчики. Эти стальные колпаки наши солдаты прозвали «черепами смертников».

Довелось столкнуться с такими «черепами» и Сергею. Батальон пытался занять две важные высоты, но закрепился лишь на их обратных скатах. На гребне одной высот чернело мрачным глазом амбразуры бетонное сооружение. Из

амбразуры гремели пулеметные очереди, и понадобилось сделать по «черепу» немало выстрелов из полковой пушки, прежде чем огневая точка врага замолчала. С криком «Ура!» бойцы батальона овладели высотой.

В числе солдат, атаковавших фашистский дот, был Сергей Седойкин. После успешной атаки бойцы с интересом осматривали бетонный колпак. Внутри было сумрачно, даже темно. Только сквозь амбразуру проникал свет, и Сергей не сразу увидел мертвого пулеметчика. Он лежал на полу, закинув за голову левую руку. На запястье пулеметчика поблескивал стальной наручник, от которого шла длинная цепь.

В те дни Сергей тоже не знал покоя. Вместе со всеми участвовал в боях, а в короткие часы затишья выпускал боевые листки, готовил молодых бойцов к приему в комсомол, подбирал метких стрелков в школу снайперов, проводил о положении на фронтах.

Голая Долина оказалась действительно «долиной смерти». Немало захлебнулось наших атак, немало полегло в пожухлую траву бойцов нашего полка в те дни. Потери воспринимались с тяжелой болью. В этих условиях надо было вселять в сердца бойцов веру в скорую и окончательную победу. Именно на это обращали главное внимание в воспитательной работе командиры, политработники, партийные и комсомольские активисты, в числе которых был Сергей Седойкин.

В батальоне его знали все. Вскоре настал день, когда его назначили на должность комсорга батальона.

Кончились тяжкие оборонительные бои на плацдармах за Северным Донцом. Настал предутренний рассвет нового дня большого наступления. И рванулись наши полки в глубь Донбасса. Не помогли фашистам ни «пантеры», ни «тигры», ни «черепашки». В рядах атакующих с автоматом в руках шагала комсомольская дружина батальона Седойкина, по должности командир отделения автоматчиков.

Сотни километров прошагал от Северного Донца в боевом строю своего полка старший сержант Седойкин. Воины шли дорогой великого наступления в глубь Украины, и в колоннах бойцов все чаще стало слышно заветное слово: Днепр!

23 сентября полки дивизии стремительно вышли к реке Днепр, сбивая противника с его промежуточных рубежей.

Перед нашими воинами стояла очень трудная задача — форсировать реку с ходу.

Широк Днепр на участке полка, где предстояла форсировать эту водную преграду. Разведчики заранее установили характер оборонительных сооружений фашистов на правом берегу. Выявили огневые точки, минные поля, позиции артиллерии и минометов, места расположения резервов. Командование разработало четкий и смелый план форсирования. Теперь все дело зависело от мастерства и отваги бойцов, их готовности до конца выполнить долг.

Вот уже лодки одна за другой отплывают от прибрежной отмели. Катера приглушенно гудят, словно пытаются сохранить тишину. Все дальше и дальше уходил «свой» берег, где в кустарниках затаились артиллеристы и минометчики, готовые в любую минуту прийти на помощь десанникам. Все ближе враг, все отчетливее сквозь предутренний туман вырисовываются изгибы траншей, пулеметные гнезда, в которых дремлют дежурные вражеские пулеметчики.

Лишь только лодки стали подходить к берегу, ночную мглу разорвала серия осветительных ракет, и в ту же минуту тишину прорезали первые пулеметные очереди. Бой начался.

Вражеский огонь не был для солдат неожиданным. Он учитывался заранее разработанным планом боя. В ответ с левого берега ударили наши пушки, минометы. Артиллеристы стреляли прямой наводкой по заранее разведанным целям, а корректировали огонь по вспышкам выстрелов. Они сумели подавить некоторые вражеские огневые точки.

Автоматчики-комсомольцы имели специальное задание, от выполнения которого многое зависело. Седойкин, чувствуя большую ответственность, заметно волновался. Он вывел свою группу на берег, и, не ввязываясь в бой, отвел ее под укрытие берегового обрыва. Солдаты подошли к извилистой балке. Затаились. Вскоре сюда подошла ячейка управления батальоном. Седойкин доложил комбату Стрельцову о готовности к бою.

— Тяжело ранен командир роты автоматчиков. Твой взвод — направляющий, тебе и принимать командование ротой, старшина Седойкин.

- Старший сержант, — уточнил Сергей.
- Старшина Седойкин, подтвердил свое решение комбат. — Принять роту.
- Есть, товарищ капитан.
- По сигналу красных ракет поведешь роту в атаку, вон на те высоты. Задача согласно приказу.
- Будет выполнена, товарищ капитан.

Взвились красные ракеты. Раздалось дружное «ура». Воины-комсомольцы ринулись вперед на штурм вражеских укреплений.

В низине перед атакующими бойцами возникло препятствие — враг поливал свинцом из дзота все пространство, обнесенное проволочным заграждением. На проволоку полетели шинели. По ним побежали бойцы. Раздалось громкое «ура», и группа храбрецов ворвалась во вражеские траншеи.

— Вперед, за мной, — властно крикнул старшина Седойкин, первым продвигаясь по узкой траншее.

Из крутого поворота траншеи выскочил гитлеровский офицер. В его руках блестела в лунном свете вороненая сталь пистолета. Почти не целясь, наугад, он сделал несколько выстрелов. Пули просвистели рядом, а одна зацепила плечо Сергея. Он дал ответ очередь из автомата, и фашистский офицер свалился на дно траншеи.

— Гранаты! — коротко приказал командир автоматчиков и, первым бросив гранату в следующий изгиб траншеи, побежал вперед...

Занялась утренняя заря. Девять дней подряд длились бои на плацдарме. Сорок атак врага отбиты бойцами за эти дни. Многие автоматчики получили ранения, но своего места в боевом строю не покинули.

Трудные бои прошли почти в весь октябрь. Во второй половине октября полк был выведен на левый берег Днепра, на отдых. Седойкина вызвал к себе начальник политотдела дивизии полковник Глотов А.А., поздравил с успехами в бою и сказал:

— Посылаем вас, товарищ Седойкин, на курсы политработников при политуправлении Третьего Украинского фронта. Желаю успехов в учебе.

Собрал Сергей свои солдатские пожитки, уехал на курсы. Только учиться ему довелось всего две недели. Новые боевые задачи заставили его вернуться в родной полк.

Опять комсорг Седойкин организовывал штурмовые группы и в числе первых с автоматом в руках врвался на правобережные кручи. Снова звучали призывные возгласы неутомимого комсорга.

Не знал тогда Сергей, что в штабе дивизии на него уже было подготовлено представление к награждению орденом Красного Знамени. Вот что в нем было написано:

«26 сентября 1943 года в 4.00 старший сержант Седойкин с группой бойцов-комсомольцев переправился на правый берег Днепра с задачей взять плацдарм и обеспечить высадку главных сил десанта.

Не доплыв до берега 70 метров, катер был обстрелен и поврежден. Старший сержант Седойкин первым бросился в воду и с криком «ура» повел комсомольцев вперед. Совершив бросок на берег, бойцы бросили гранаты во вражеские траншеи и после ожесточенной схватки заняли их, чем обеспечили высадку десанта...

Старшину Седойкина на фронтовые курсы политработников послали вторично. На этот раз он учился по полной программе до октября 1944 года.

После окончания курсов, Сергей был направлен в другой полк, куда он прибыл незадолго до будущих боев, и был назначен комсоргом полка. Обстановка сразу потребовала конкретных дел, полк стал получать одну за другой боевые задачи.

Говорил он просто и убедительно, окидывая собеседника внимательным взором чуть прищуренных глаз. Побывал у автоматчиков, побеседовал с пулеметчиками, артиллеристами, минометчиками, со связистами, и все они сходились на одном:

— Этот дело знает!

Вечерело. Спускались мокрые, туманные сумерки — обычные ноябрьские вечера этих мест. В эту ночь перед боем Седойкин побывал в нескольких подразделениях и всюду видел, как люди, уставшие от долгих боев и походов, изнедавшие тяжесть отступлений, побывавшие не раз в госпиталях, снова рвутся в бой.

С трудом, прорываясь сквозь густые темные тучи, утренний свет начал обрисовывать контуры близлежащих предметов. А когда день властно вступил в свои права, роты были уже далеко впереди, они смяли противника в первых укреплениях, прошли через тылы и залегли возле села — крупного опорного пункта врага.

В эти часы комсорг лейтенант Седойкин шел вместе ротой бронбойщиков. Под самым селом случилась заминка. Солдаты устремились по голому полю туда, где скрывались за изгородями и за углами немецкие пушки и пулеметы.

Сергей увидел, что правофланговые отделения залегли. Трескотня автоматов и пулеметов, раздававшаяся со всех сторон, дезориентировали бойцов. По звуку невозможно было определить, откуда бьют немецкие пулеметы.

Выстрел, другой. Снова выстрел. Бронбойщики торопились поразить цели.

Танки, с ревом проскочив через цепь пехоты, мчались по полю, намереваясь выйти в район огневых позиций артиллерии, деморализовать наши боевые порядки. Головной танк мчится под углом к бугру, видны его боковые части — вьется непрерывная лента гусениц, звенят стальные траки. Сергей делает знак бронбойщику — выстрел! Наспех перезаряжает и тут же стреляет вторично. Танк разворачивается, точно ужаленный, крутится на одном месте.

— Попал, товарищ лейтенант! — восторженно кричит бронбойщик. Выстрел — еще танк закрутился на месте...

— Вперед! Комсомольцы, вперед! Не сбавляя темпа, на глазах беспорядочно бегущих гитлеровцев, бойцы ворвались в село.

С утра начались яростные контратаки противника. Еще ночной мрак висел над Дунаем, когда бойцы заметили шедшие от противоположного берега десантные баржи врага. Пулеметчики открыли огонь. Над водой запели длинные очереди, будоража предутреннюю тишину. Оттуда, с баржи, фашисты ответили яростным огнем.

Разгорелся бой. В первой же минуте, бойцы потопили две баржи противника вместе с десантом. Все же немцам удалось высадиться на берег и начать борьбу за расшире-

ние плацдарма. Бойцы отбивались одними пулеметами и автоматами — артиллерия не имела боеприпасов, тылы отставали. Весь день шел бой. К вечеру бойцам удалось блокировать десантников и, зажав их в тиски, начать бой на уничтожение.

Три дня грохотал тяжелый бой. Враг сумел, подбросив свежие силы из тыла, потеснить соседние части и вклиниться в расположение наших боевых порядков. Обстановка усложнялась. В те дни и ночи Седойкин без устали ходил по подразделениям и всюду слышал от бойцов одни и те же вопросы:

— Почему наша артиллерия молчит?

— Патронов мало, гранаты все вышли, почему не привезли?

Четыре дня дрались солдаты полка на высотах, что вытянулись вдоль Венского шоссе. Несколько десятков атак отбили они, отстаивая занятые рубежи. Вдоль шоссе и на его асфальтовой глади застыли кучи горелого, развороченного железа — разбитых и сожженных танков и самоходок противника. У берега торчали из воды носы потопленных десантных барж — печальный результат второй попытки врага высадить десант. Однако противник продолжал наступать. Десятком километров южнее шоссе ему удалось, потеснив полк, занять ряд населенных пунктов. Создалась угроза окружения бойцов. Требовалось срочно закрыть образовавшуюся брешь и остановить врага, устремившегося к Будапешту.

Полк непрерывно вел тяжелые бои в районе озера Балатон. Сдерживая яростный натиск новых вражеских сил, переправившихся через Дунай в Комарно, бойцы успешно удерживали позиции, несмотря на численное превосходство врага в живой силе и особенно в танках. Противник пустил в ход очередную новинку, так называемый «королевский тигр». Это была новая машина — с усиленной броней, и в первые дни среди нашей пехоты и у артиллеристов вновь появилась излеченная ранее болезнь — танкобоязнь.

— Что собой представляет «королевский тигр»? — говорил Седойкин. — Это тот же «тигр», которого мы укрощали не раз и видели, как они горят. «Королевский» покрепче будет, но ведь его тоже можно жечь.

Утром, чуть проглянула заря, рванулись в атаку немецкие танки. Смяли справа и слева и взяли в железное кольцо взвод Никитина. Туго пришлось бойцам, находившимся на высоте. Два часа длился тяжелый бой, но все высоту удержали.

Снарядов осталось мало.

— Товарищ командир, снова танки, — сказал с тревогой в голосе автоматчик, и показал рукой вправо, на бугор. Оттуда, не спеша, выползали тяжелые танки. Первым шел приземистый, грохочущий исполин. Головной танк шел, не останавливаясь по ложине. Вот он развернулся на одной гусенице и круто полез вверх, по склону высоты. Он двигался медленно, без единого выстрела, и было в этом что-то зловещее, устрашающее.

— Два снаряда, — приказал командир орудия. Тот не заставил ждать. Дрогнув, откатился назад ствол пушки, блеснуло пламя, и через мгновение черный столб дыма взметнулся перед носом немецкого танка. Медленно рассеялся дым, и снова появился танк. Он шел, не сбавляя скорости, цел и невредим.

— Дай твои гранаты. — Смотри, как он сейчас запылает. — Никитин выхватил две противотанковые гранаты и, сложив их вместе со своими, мигом выскочил из траншеи. прижимая связку к груди, бежал к немецкому танку. Никитин застыл на месте, пошатнулся и медленно, с трудом переставляя ноги, пошел на танк. Вот их разделяют каких-нибудь десять, пять. Никитин бросился под гусеницу. Раздался огромной силы взрыв, и через секунду все заволкло дымом. На этот раз «королевский» не вышел из густого дыма. Черное облако росло с каждым мгновением, ширилось, поднималось вверх, в центре его заиграли золотые языки пламени.

«Королевский тигр» горел! Простой русский парень Федор Никитин ценой жизни доказал, что горят любые машины врага, нет у фашистов такой силы, которая могла бы устроить русского солдата.

Словно шквал, бросились бойцы в атаку. Они дружно кричали «ура», остервенело хлестали по врагу из автоматов, подбежали вплотную ко второму немецкому танку, и забросили его гранатами. Показала спины фашистская пехота, удирая от яростного натиска неудержимых бойцов.

Десяток бойцов сумел прорвать кольцо врага, обратить в бегство немецкую пехоту. Такова сила примера бессмертного подвига солдата.

— Не умрешь ты, Федор Никитин, — дал клятву комсорг полка. — Ты навеки останешься в полку, и имя твое будет символом мужества для всех, кому доведется служить под Знаменем полка.

Начало очередной атаки застало Седойкина в тот момент, когда он возвращался в штаб полка. За спиной, совсем рядом, земля содрогалась от непрерывных взрывов снарядов и мин. На переднем крае повис густой дым, смешанный с пылью и грязью. В такие минуты, если глядеть со стороны, кажется, что на том месте, где рвутся снаряды, не останется ничего живого, будто шквал огня и металла беспощадно сровняет с землей все живущее на ней.

Шла артиллерийская подготовка, предшествующая атаке противника. Комсорг ускорил шаг, и через несколько минут, запыхавшийся и потный, стоял в политчасти перед майором Шатиловым. Тот только что звонил в батальоны.

— Пока продолжается артподготовка. Обработывают все три батальона сразу. Но, кажется, второму достается больше всех, — сказал он Седойкину, прочитав на лице комсорга безмолвный вопрос. — Нам тут делать нечего. Пойдем на КП, там мы нужнее.

На переднем крае уже кипел бой. Фашистские танки были встречены огнем пушек из глубины обороны. Ожили стрелковые ячейки. Едва стихла артподготовка, как начали выбираться из полуразваленных окопов пулеметчики, бронбойщики, стрелки. Они стряхивали с себя комья земли, наспех подранивали обвалившиеся брустверы окопов и открыли огонь по видимым целям.

Немецкие танки свирепствовали. Едва обнаружив нашу пушку или пулеметное гнездо, они останавливали свои машины и делали три-четыре прицельных выстрела. Потом танки снова мчались вперед на наши окопы.

Батарея переживала тяжелые минуты. Только что прямым попаданием было разбито второе орудие.

— Снаряды зажигательные, по фашистским танкам, огонь! — скомандовал командир орудия сержант Чайкин. Подбитый танк окутался дымом. С одним покончено. Седойкин еще раз глянул в сторону горящего танка, потом

оглядел крепкую фигуру сержанта Чайкина, кавалера орденов Славы двух степеней и подумал: «Этот выстоит. Тут мне делать нечего».

И пополз по полю к другому расчету. Танки утюжили окопы наших бойцов. Вот многотонная громада наскочила на пулеметную точку, круто повернулась на месте и вдавила в землю пулемет тех, кто не успел во время увернуться. Сровняв с землей пулеметное гнездо, танк двинулся дальше. И все же враг не ушел от возмездия: на мгновение из земли появилась фигура солдата. Под танк полетела связка гранат. Взрыв!

Чихнув густой смесью дыма, заглох мотор...

Фашисты открыли по высоте огонь. Высоко в небо взметнулись кустистые взрывы. Один из снарядов угодил в блиндаж комбата. Повалился на земляной пол телефонист, судорожно сжимая трубку. Охнул и упал в угол землянки другой телефонист. Остальных оглушило, присыпало землей.

Да, батальоны несли потери, большие потери. Сержант Чайкин уже остался у своего полуразбитого орудия. Один! Оглушенный взрывом, он смутно, точно сквозь сон, видел, как, неловко подвернув голову, упал на землю его наводчик, тихо шевеля губами, медленно умирал замковой. Шатаясь, точно в бреду, Чайкин зарядил пушку и выстрелил. Потом еще...

Снова, как и накануне, быстро втянулись в жаркую огневую битву все виды оружия. Гитлеровцы вновь и вновь бросились в атаки. Особенно яростно штурмовали они небольшую пологую высоту. Дым и копоть заволокло небо, и казалось, что нет ни конца и ни начала этой огромной черной туче, которую то и дело прорезывали языки пламени.

Славно дрались наши бойцы в тех боях. И выстояли! Немецкие танки не прошли через высоту, не выбрались на оперативный простор.

В тот день полк уничтожил пять вражеских танков, более двадцати бронетранспортеров и около двухсот солдат и офицеров противника.

За эти бои многие солдаты и офицеры получили достойные награды. Сержант Чайкин получил орден Красного Знамени, комбат — орден Отечественной войны первой степени, рядовые Мамкин и Васин были награждены орде-

ном Славы 3 степени, комсорг полка орденом Красной Звезды.

Осунувшийся и похудевший, с впавшими глазами, Сергей по-прежнему неумоимо работал в ротах и батальонах. Тяжелые потери понес в этих боях полк. Геройски погибли лучшие комсомольцы. Комсорги рот и батальонов, тяжело вздыхая, передавали комсоргу уже не одну пачку пробитых пулями, окровавленных комсомольских билетов.

...Наступление началось сразу в нескольких местах. Рванулись в неудержимую атаку наши бойцы, затрепал по швам оборона фашистов. Внизу, у подножия, плескался Дунай, а вправо и влево расстилались поля, изрытые черными воронками, глубокими нитками траншей, возле которых торчали остовы сгоревших танков.

А сколько крови пролили здесь русские солдаты, сколько боевых друзей не досчитались после жестоких боев! Сергей вспомнил сержанта Никитина и многих других, кто навечно остался лежать в далеком чужом краю, губы его чуть слышно прошептали:

— Прощайте боевые друзья! Вечная вам память! И каждого будем помнить поименно, прошедших сквозь свинец, огонь и дым, но не дожившихся до Победы...

Солдаты шли на Вену...

ЖИЗНЬ КОРОТКАЯ, НО ПАМЯТЬ ВЕЧНАЯ...

*Потому не пала Россия,
Что сыны пали ее в бою...*

Как ворвалась в наши дома война?

По-разному...

Неизменно одно: каждый вспоминает в разговорах в тот день, о последних часах перед войной с какой-то особенной теплотой. Не только потому, что стояла летняя пора цветения и белых ночей. Так уж отложилось в людской памяти: 22 июня сорок первого года война внезапно нарушила нашу спокойную жизнь, принесла советским людям неисчислимые беды, горечь тяжелых утрат...

Как мы начинали воевать?

По-разному.

На приграничных заставах, одни, едва ощутили этот кровавый барьер. Их глаза успели увидеть ясное предрассветное небо а что стало потом, они так и не узнали, пав в первом, неравном бою. Другие продолжали отчаянно сражаться с врагом дни, недели, в том же приграничье, среди развалин крепости, которую потом назовут легендарной.

Наскоро собирали нехитрые пожитки и поспешили в ближайший военкомат третьи. Не дожидаясь призывной повестки. Понимая, что защищать свою страну нужно всем — и тебе, и твоему соседу по дому.

Тем, кто проходил действительную армейскую службу далеко от государственных границ, сигнал тревоги в утро показался привычным. Боевые тревоги и раньше заставляли быстро вскакивать с коек или нар, торопливо скатывать шинель, прихватить винтовку, противогаз, занимать свое место в строю или бежать к орудиям, танкам, самолетам. После доклада о готовности к «бою» оставалось отсчитывать время до желанной команды: «Отбой!».

После июньской тревоги в сорок первом эту команду пришлось ждать тысячу четыреста восемнадцать дней и ночей...

Какие письма с фронта в тыл — родным, близким, друзьям?

Разные...

Они, эти письма, и поныне бережно хранятся рядом с потускневшими медалями в домах бывших фронтовиков. Только достают и перечитывают эти «треугольники» и конверты со штампом «Просмотрено военной цензурой» редко: слишком тяжело ворошить в память прошлое.

Уже состарились и начали сесть дети тех, кто воевал и кто писал письма, пошли в школу их внуки. И надо, чтобы и они узнали лучше, что такое война, какие испытания принесла она нашему народу, какой ценой завоевали мы Победу. Узнали не только по романам и кинофильмам — по живым свидетельствам, сохраняемым в конвертах с обратным адресом «Полевая почта»...

Думаю, что эти человеческие документы тоже нужны. Они станут частичкой летописи Великой Отечественной войны. Они помогут будущим поколениям представить себе, как воевали советские люди, как победили фашизм...

Так и сложился этот очерк, в основе которого — часть писем фронтовика, часть воспоминаний. Используя эти документы, не пришлось перепроверять, уточнять, при этом ничего не приукрашивать.

Отдаю себе отчет в том, что очерки очень легко критиковать: и об этом в нем не сказано, и не отражено, а многое покажется знакомым по иным опубликованным воспоминаниям.

Тут уж ничего не поделаешь: документ есть документ, заново старые письма не перепишешь и не допишешь...

Ноябрь 1939 года. Серым морозным утром, когда де-ревня просыпалась от сна, в доме Ивановых готовились про-воду сына Сергея в действительную службу. Около ворот стояла подвода, которой увезет его в райвоенкомат. Дядя Иван вынес котомку с пожитками, положил на место, зашел домой и сказал:

— Пора, давайте выйдем за околицу, там уже ждут люди.

Прощавшись с земляками, Сергей уселся на подводу и двинулись в сторону районного центра.

Во дворе собрались призывники, ждали команду «По машинам!»

Из ворот райвоенкомата выехала автомашина с при-зывниками и по шоссе направилась в сторону Канаша. На

досках, перекинутых от борта к борту, устроившись удобнее, и поглядывая на других, сидели ребята. Еще безусые, в старенькой одежонке, в телогрейках. Сидели тихо, друг с другом познакомиться еще не успели, присматривались.

«Новобранцы» прибыли на территорию сборного пункта. Тут их построили и сводили в баню. Накормили гороховым супом и кашей гречневой с мясом. К вечеру рассадили по теплушкам длинного эшелона.

Темнеет в эту осеннюю пору рано. Как только состав тронулся, двери теплушек велели задвинуть плотнее. Поэтому бросить прощальный взгляд на просторы родной земли им уже не довелось. Многим же так и не суждено было увидеть их...

В Европе война уже громыхала.

В сентябре 1939 года гитлеровская Германия напала на Польшу, захватив до этого Чехословакию.

30 ноября начались военные действия между Финляндией и СССР. Организовав на нашей границе несколько вооруженных провокаций, тогдашнее реакционное правительство объявило Советскому Союзу войну. Развернулись тяжелые, упорные бои в заснеженных лесах, среди болот Карельского перешейка...

Вот в какое грозное время увез эшелон из родного края Сергея на службу в рядах Красной Армии. Да и призыв был особенный.

Эшелон двигался на восток. Остались позади города Свердловск, Новосибирск, Чита...

В вагоне-теплушке нары в три этажа. Растопили печурку-временку. Сергей пристроился на ночлег на втором этаже у задней стенки. С непривычки на голых досках жестковато, но ничего. Спал и даже снов не видел. Ночью миновали Читу. Накормили горячей пищей из солдатской кухни.

На следующий день были на месте. Построили и отправили в баню. Поснимали с себя гражданскую одежду и оделись в военную форму. Все сразу подтянулись и перестали узнавать друг друга. Строем пошли в столовую. Оттуда строем на плац, где распределили по ротам. Сергей оказался вместе с ребятами из своего района.

...Прошла неделя. Жизнь курсантов постепенно вливается в нормальную, строго регламентированную распорядком

дня колею. Подъем: нужно очень быстро одеться и построиться на зарядку. Это довольно трудно — не отстать от остальных, не проваляться на койке лишние секунды. Не одевая шинелей, в гимнастерках и в шлемах, выходим на плац. Пройдемся, пробежимся, сделаем несколько упражнений.

Потом в казарме заправка коек. Чуть не так, приходится перестилать. После утренней проверки (смотрят, чистый ли подворотничок, все ли пуговицы на месте) — завтрак, потом занятия. На строевую подготовку отправляемся на плац, возвращаемся с песней, под нее шагается легко.

Час отдыха: заставляют лечь на койку. Затем снова занятия. До вечерней проверки остается время. Кто пишет письма, играют в домино, шашки, шахматы. Перед отбоем — прогулка, конечно, строем с песнями. До границы относительно близко.

Начали изучать пушку. Особенно трудновато беспрекословно исполнять приказания непосредственного начальника — младшего командира взвода. Фамилия его — Чмуров. Он внешне мягкий, спокойный, но требовать умеет здорово.

Раздалась команда: «Первый взвод, становись!» Мы отправляемся получать винтовку, каждому выдали по «боевой подруге». Чистили их, смазывали, поставили в пирамиду. Теперь обязанностей прибавилось — приводить в порядок винтовки надо каждый день.

Вскоре «обновили» их: ходили в тренировочный поход на пять километров. Погода испортилась, валил снег, пурга. С винтовками на плече шагали быстрым темпом. Идти трудно, сколько — взмокли...

В выходной день учебных занятий нет. Но только мы собрались выйти в город, нас посадили на машины и увезли на станцию разгружать вагоны. Поработали на славу...

В Ленинской комнате есть щит. На нем отражена биография полка, в котором мы будем проходить службу, когда мы станем младшими командирами. Мы гордились тем, что попали в часть с богатыми и славными традициями. Об этом всегда говорил наш командир взвода.

У нас в клубе до потолка возвышается украшения пахучая елка, словно мы ребяташки какие-то. 31 декабря на общем собрании курсантов начальник школы рассказал о

дальнейших планах занятий. Впереди два этапа: зимний — до мая, и второй — до октября. После этого нам предстоит сдавать экзамены на звание младшего командира.

Занятия не страшат, хотя изучать и знать надо многое и экзаменовать нас будут не так, как учителя на гражданке, — конечно, построже. А летом в лагеря, учебные стрельбы — это посерьезнее. Тут все для нас неведомое и новое. Перед любым экзаменом по теории можно подналечь, позубрить лишний раз.

Отбой в этот день дали попозже. В 12 ночи нас поздравили, пожелали всего хорошего в нашей курсантской жизни.

Принимали военную присягу. Сначала все проходило торжественно, присутствовало командование. Поскольку наш первый взвод, то мы были первыми. Волновались. Начальник школы и политрук поздравили нас с этим важным моментом армейской службы.

Жизнь идет своим чередом. Ходили на караульную службу. Мы — артиллеристы, но учимся стрелять из винтовки. Недавно отправились на стрельбища, дали три выстрела по мишени. Выбил из тридцати возможных двадцать шесть, получил оценку «отлично».

Много занимаемся. Главный предмет — материальная часть орудия, то есть, изучаем пушку, все ее составные части и их взаимодействие. На спецподготовке учимся приводить орудие из походного в боевое положение, работаем на нем, управляя различными механизмами. Затем военно-инженерная подготовка (окопы и прочие), топография, военно-химическая, тактическая — вот сколько надо знать командиру пушки.

23 февраля в школу приезжал корпусной комиссар (три ромба в петлицах), беседовал на международное положение, интересно рассказывал о боевых действиях в Финляндии.

Сдавали зачеты. По материальной части, спецподготовке, по физической подготовке получил оценки «отлично».

Выехали в летний лагерь. Сразу принялись за устройство палаточного городка. Здесь уже имеется палаточные остовы. Расчистили, и посыпали песком «линейку» — дорожки между палатками и позади них, оборудовали класс — врыли в землю скамейки, и получилось что-то вроде парт. Начались занятия.

Изучать спецдело отправляемся на ближайшую батарею. В перерывах толкуем о ближайшем будущем — как станем командирами, разъедемся по батареям. Возможно, в моем отделении окажутся красноармейцы старше меня. Еще не представляю, как ими буду командовать.

После того, как была объявлена «Тревога!» отправились на полигон стрелять по танкам. Все возбуждены, но не страшно, стрелять хочется.

Первый расчет — из четырех снарядов два попадания — хорошо. Второй — четыре попадания — отлично. Вот команда: «Третий расчет, к бою!». Срываемся с места и бежим к орудию. Снаряды готовы к стрельбе. Трос натянулся — трактор потащил подсакивающий на кочках фанерный «танк». Выполняю обязанности командира орудия, я команду: «По танку — шрапнелью!».

Быстро подают снаряд заряжающему, «танк» идет прямо на нас.

— Огоны! Танк подпрыгнул. Еще два выстрела, все оглохли — рот открывать, как учили бывалые солдаты, в спешке забыли.

Побежали к макету, видим три рваные пробоины — пробило самое основание, стрельба выполнена на «отлично».

В палатке начсостава уже лежат списки распределения по батареям. Всех волнует, кто на какую попадет, с кем вместе окажется — ведь уже привыкли друг к другу, грустно расставаться. После сдачи всех экзаменов присвоят воинские звания и выпустят из школы. Потом начнется новая для нас командирская жизнь...

Командиры разместились на сцене. Собрание открыл полковник: «Сегодня в нашу среду командиров Красной Армии вливается новый отряд младших командиров. Начальник штаба сообщил о результатах экзаменов и зачитал приказ о присвоении воинских званий».

На следующий день занялись прикреплением «треугольников» к петлицам. И весь строй, направляющийся на завтрак, — чудно смотреть — оказался сплошь из командиров.

Был зачитан приказ о распределении. Меня назначили на батарею вместе с Анатолием Петровым, с которым подружился. Батарея располагалась в том же здании, где находился штаб.

С новой обстановкой еще не совсем освоился, хотя с расчетом начал заниматься. В роли младшего командира чувствую себя пока не очень уверенно. Дальше надо будет действовать решительнее. У меня в отделении молодое пополнение.

Снова рабочие будни. Состоялся тактический поход. Выбрались на дорогу. Бойцы расселились по машинам, я тоже пристроился в кузове и задремал. Очнулся уже на месте. Мы заступили на дежурство. Тут котлованы готовы — быстренько закатали в них пушки, подготовили к бою по всем правилам.

Позади год службы в армии. Какое это коротенькое слово год, а как долго он тянется!..

Испытание предстоит выдержать ответственное. По тому, как на зимних стрельбах выполнит поставленные задачи мой оружейный расчет, командир батареи будет судить, справляюсь ли с командирской должностью.

Начали готовиться к стрельбам. Тренируемся, поджидая сигнала для открытия огня.

Отстрелялись на «отлично». Мне было присвоено звание сержанта, сдал все экзамены и зачеты на «отлично».

22 июня 1941 года. Все было спокойно до четырех утра. Прошло несколько часов после того, как нас подняли по тревоге.

Когда под утро бежали к орудиям, никто не знал, что началась война. Думали, что снова предстоят учебные стрельбы...

Батарея за батареей закатывают орудия на открытые платформы. Наступила наша очередь — приводим пушки в походное положение, погрузились все составы полка.

Эшелон постоял часа три, потом выехал на запад. Напряженно прожили первые дни войны. Бессонные ночи, над головой завывание моторов вражеских самолетов.

Анатолию уже двадцать лет. У сержанта крупное, чуть продолговатое лицо, жесткие выщипанные волосы. Он широкоплеч и коренаст. Обычно немногословный и обстоятельный, сейчас Толя особенно неразговорчив. Вчера он похоронил своего друга Валерия Никодимова.

Хоронили Валерия на высоком берегу Днепра. Вся батарея провожала его в последний путь. Горестные хлопоты выпали на долю Анатолия — он и гроб для него сколотил и пирамиду деревянную поставил, и звезду из жести вырезал.

Покрасил красной краской звезду, а под ней в углублении портрет улыбающегося Валерия прикрепил и прикрыл его от непогоды стеклом.

Этот портрет нарисовал еще сам Валерий. Он любил рисовать, особенно ему удавались портреты, в них умел он передать живые черты и характерные особенности человека. Он рисовал своих товарищей, а они отправляли его рисунки родным. Мечтал Валерий стать художником.

Он рассказывал Анатолию про себя, про свою жизнь. Рос он сиротой, потом учился в ремесленном училище. Вместе с ним училась девушка, которую он любил. Кто знает, как бы сложилась судьба Валерия, кем бы он стал — рабочим, инженером или художником, если бы не война, на которую ушел паренек.

И вот больше нет Валерия. Остался со своей улыбкой на берегу Днепра...

Вещевой мешок Валерия отдали Анатолию, как другу погибшего. Не сразу решился Толя раскрыть его. Ночью батарея переходила на новые позиции, потом маскировали ветками орудия. Толя, волнуясь, взял в руки солдатский вещмешок Валерия и с разрешения командира отошел неподалеку на лесную поляну, выходящую к реке.

Сел на землю и задумался:

«Эй, друг Валера, ты хотела художником стать, а стал солдатом. Какой же мести достоин лютый враг, оборвавший мечту твою, любовь, жизнь?..»

А вокруг такая тишина, словно и нет никакой войны. Осень раскидала щедрые краски, и лес в этот утренний час мирно дремал под солнцем. Кажется, попряталось все живое. Но это лишь кажется. Снуют по ниточкам — тропинкам лесные труженики — муравьи, тянут хвоинки в свой муравейник. Ящерка блеснула бусинками глаз и скрылась в узлах корневища. А вот и еж прошуршал пожухлыми листьями.

Днепр синий-синий под безоблачным небом, был величественным. Река спокойно несла свои воды, омывая большие и маленькие острова.

На западном берегу Днепра немцы создали мощный оборонительный рубеж, как сами они называли «неприступный

восточный вал». Говорят, что даже Гитлер побывал в штабе фельдмаршала Манштейна и дал приказ остановить советские войска на Днестре, остановить любой ценой.

Правый берег Днестра. Словно хорек зарылся в землю враг, готовясь огнем встретить советских солдат и убивать их, как друга Валерия.

Толя не торопился развязывать осиротивший вещевой мешок друга. Он пытался разобраться в своих мыслях, распутать непонятный клубок.

Валера есть Валера, говорить лишнего не любил, все делает основательно, как надо. Он не щадил себя. Один у орудия остался, а стрельбу не прекратил. В упор бил по фашистским танкам. Трех танков остановил. Кончились снаряды — за гранаты схватился. Кинулся танку навстречу, и тут-то вражеская пуля заставила его согнуться и упасть. Но и раненый, Валера полз к танку. Вместе и взорвались...

Немудренное солдатское богатство, кому отсылать? Девушке? А как она поймет это?

Сверху лежало расшитое украинское полотенце. Из него выпал тонкий белый платочек, обвязанный алым шелком. По углам платочка были вышиты птицы с конвертиками в клювах.

На широкой ладони Толи лежал томик Пушкина. Молодой солдат, будущий художник, взял с собой на фронт книгу любимого поэта.

Но не хочу, друзья мои, умирать:
Жить хочу, чтоб мыслить и страдать.
И ведаю, мне будет наслажденье
Меж горестей, забот и тревоженья!
Порой опять гармонией дивлюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть, на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной...

Сложив в вещмешок все это, он встал и пошел к орудию. Потом этот мешок отдал механику машины своего орудия, попросил все это сохранить до конца войны...

В ночь на 23 сентября 1943 года, наш артиллерийский полк, в котором служил сержант Анатолий Краснов, готовился к переправе на правый берег Днестра. Пехота уже была на том берегу и вела ожесточенные бои. Враг яростно

контратаковал наступавших, стремясь опрокинуть их в реку. Стало известно, что немцы перебрасывают на этот участок самоходные орудия. Нависла угроза потери плацдарма, завоеванного огромной ценой. Артиллерию можно было оставить только артиллерией...

Днепр мутный, в масляных пятнах, нес в быстрых волнах обломки лодок, куски одежды, прибывал к берегу трупы солдат. Казалось, вода кипит от разрывов снарядов и мин. Майор Серников, командир полка, обходил расчеты.

— Я надеюсь на вас, орлы, — говорил он. — Если понадобится, вы бесстрашно встретите смерть!

— Береженного бог бережет, — думал Толя. — Умереть — дело нехитрое. Надо выжить.

К берегу подошли катера, из укрытий выдвинули лодки, паромы. Солдаты, подтянув трапы, втаскивали орудия. Все делалось быстро, уверенно. Катера, покачиваясь, двинулись к правому берегу, туда, где шли тяжелые бои, навстречу огневому валу. Била вражеская артиллерия. А сверху на катер кругами заходили фашистские самолеты. По палубе стучал град осколков. Раздались стоны раненых. Сильно взрывной волной потрянуло катер. Орудия, установленные в носовой части, ушли под воду. Падали сраженные насмерть солдаты. Могут вот-вот взорваться ящики со снарядами, и тогда всем конец. На палубе катера, где уже тлели ящики с патронами, неожиданно появилась фигура солдата. Он, не обращая внимания на огонь, стал сбрасывать ящики в воду. Один за другим. Шинель на нем дымилась, волосы разметались. Он упал. Стащить в воду последний ящик у него, видимо, не хватило сил, а может быть, ранило его. Солдат покачнулся и упал на палубу тонущего катера...

А бой шел. Анатолий подобрал винтовку, «одолжил» у погибшего солдата пару гранат и пошел искать своих. Вымокший и продрогший, он мог остаться у пехотинцев до конца боя. Кто что скажет? Но ноги несли его вдоль берега к тому месту, где должен был пристать катер с его орудием. Где-то рядом послышалась немецкая речь. Он изловчился и кинул гранаты. Немцы замолчали. Сразу же раздался громкий звук «Ура!». Новые силы высаживались на правый берег Днепра.

Катер пристал к берегу. Послышалась команда, что надо спустить орудия.

— Как поднимать орудия на такую кручу? — По щучьему велению, что ли? — раздались голоса.

— По моему приказу!

Он зацепил канатом дерево. И под дружный «раз — два — взяли!», артиллеристы стали вытягивать орудия наверх. Помогла и пехота. «Бог войны» хоть и бог, а не помощи вовремя ему, и он не поможет.

Одно за другим заговорили орудия. Солдаты едва успевали подносить снаряды. Фашисты не ожидали советской артиллерии в этом непригодном для ее высадки месте. Тем губительнее был огонь фашистов, понимавших, что, только уничтожив наши орудия, они смогут сбросить пехоту в воду.

Двенадцать раз атаковали немцы батарею, двенадцать раз вынуждены были откатываться назад. Трупы усеяли поле боя, вспаханное разрывами снарядов и мин.

Анатолий, оставшийся один в своем расчете, едва стоял на ногах. Он присел на станину орудия, чтобы перевести дыхание. В голове гудело. Губы пересохли. Хотелось пить. Глаза заливал едкий пот.

Толя попросил пехотинцев выдвинуть орудие вперед, на открытое место, откуда фашисты не ждут огня. Когда немцы поднялись в атаку, он, собравшись с последними силами, сам заряжал, сам наводил, сам бил противника...

Погибших при форсировании Днепра хоронили в братских могилах...

Потом были бои за освобождение Украины. В тех боях командир орудия Анатолий был ранен. Лежать в госпитале в самый разгар боев, летом — очень тяжело. А тут — едва посветлеет в небе — готово, перед тобой уж и леса в густой зелени, излучины речки, сверкающей чешуйками воды.

В окно видно правое крыло больничного корпуса, стоящего напротив. Широкие мощные колонны, словно каменные богатыри, подпирают его белый многоярусный карниз. Под карнизом на ближней к окну Толи колонне ласточки свили гнездо. Когда он впервые его заметил, в нем была лишь одна птичка. Она изредка покидала гнездо и тут же возвращалась, видно, высиживала птенцов. А теперь их двое, не зная устали, спуют они от гнезда к лесу и обратно.

Нет, жалеть Толю не надо. В жизни ему выпала славная доля — только можно позавидовать. В первые дни войны принимал участие в боях под Москвой. Досталось тогда фашистам, хвастливо кричавшим на весь мир о «молниеносной» войне с Россией. Выстоял советский солдат и в жестоких боях за Сталинград, и на Курской дуге — выстоял и продолжал идти вперед. Дважды был ранен и оба раза вернулся после госпиталя в свою часть.

Вот друг по госпиталю, Юрий, принес ему свежую газету, отдал ему в руки.

— Знаешь, что пишет газета «Красная Звезда» о тебе?

— Пока не читал, почитаю, узнаю.

Он стал читать газету, нашел статью о себе, где рассказывали о его подвигах, что он награжден тремя орденами: двумя орденами Красной Звезды, Отечественной войны 2 степени, и двумя медалями «За боевые заслуги» и «За отвагу».

В статье написано, что рядовой Корнилов Анатолий проявил редкие находчивость и выдержку в битве с хваленными «тиграми» и «фердинандами». За первые два дня непрерывных боев взвод уничтожил одиннадцать танков противника.

Отложив газету в сторону, Толя стал вспоминать те бои. Перед глазами проплывали, сменяя друг друга, картины прошлого, такие близкие и дорогие сердцу. Шли ожесточенные бои. На их позиции стали надвигаться немецкие бронетранспортеры с солдатами. Толя пересчитал их — двенадцать ползучих чудовищ, в каждом по двадцать вооруженных немцев.

Но тут же послышалась команда:

— Орудие — к бою!

Фашисты, как на параде, шли ровной колонной. Снаряд пушки Анатолия точно угодил в лобовую броню пестро раскрашенной машины, которая неслась впереди, вздымая гусеницами снопы снега. Брызнули языки желтоватого пламени, послышался взрыв такой оглушительной силы, что другие звуки кипевшего вокруг боя — выстрелы, разрывы снарядов, гул канонады на какие-то мгновения исчезли.

Между тем в воздух взлетели еще две машины: славно стреляли ребята из взвода. Враг пустился наутек, свернув в низину. Пушки стреляли ему вдогонку.

Послышалась команда взводного:

— Оставить! Посмотреть влево.

Тут все увидели, что на них во весь опор, словно разъяренные быки, мчатся восемь танков. Даже у повидавшего виды Толи дрогнули колени. Но трусить в такое время нельзя. Чуть поддался слабости — пиши, пропал. Надо хоть криком подавить испуг. И Анатолий закричал, не узнавая своего голоса, обращаясь к расчету:

— Бронебойный...прямой наводкой... Огонь!

Пушка, словно обрадовавшись смелости и находчивости своего командира, подскочила, выплюнула в снег раскаленную гильзу, окутанную в сизый дым, приняла новый «гостинец» и, нацелившись на фашистского «тигра», рывкнула грозно. Неизвестно, как поспедал наводчик Перинов, только сержант Корнилов командовал все чаще и чаще: «Огонь! Огонь!»

Уже четыре из них в черных клубях дыма, а остальные четыре пытаются вывести из строя по-снайперски метко стреляющие пушки. Снаряды падают все ближе и ближе. Не остается ничего другого, как отступить на другую, заранее приготовленную позицию. НО противотанковая пушка — вещь не маленькая. Фашисты засекли их. Враг пытался прорваться к ним в тыл: место как раз удобное. Но на пути их — пушки. Перестрелка становилась все яростней. Расчет Анатолия таял на глазах. Вот уже возле орудия всего два человека — сам командир и наводчик Перинов. Кончились снаряды. Нужно было подтащить новый ящик. Смерть пощадила их на этот раз — вражеский снаряд разорвался рядом с грудой холостых гильз. Пушка, дымилась, обиженно скособочившись, припав на разбитое колесо, — она, казалось, не могла простить, что оставили ее одну в трудный момент.

— Перинов, давай к другому орудию!

Они побежали, спотыкаясь о мерзлые комья земли. Парни из расчета остались лежать там, где настигла их смерть. Они убрали их в сторону. Гул моторов становился все громче. Нет, враг тогда не прорвался в тыл!

Молодого, красивого лейтенанта Толя, как родного братишку, бережно положил в могилу, вырытую под старой сосной, у которой отсекло снарядом верхушку. Срезав кору, вывел на стволе химическим карандашом имя и фамилию. Хорошо, если весенние дожди не смыли надпись. После войны, если останется живым, придет сюда, и разыщет эту могилу под сосной, срезанными верхушками. Как знать...

Враг, не выдержав натиска советских войск, все катился на запад, хотя и сопротивлялся яростно. По специальному приказу гитлеровского командования немцы, отступая, сжигали и взрывали все, что было возможно и доступно...

Январь 1944 года. Разбитая машинами и танками промерзшая колея большой дороги. По обочинам — искореженная снарядами техника. На повороте дороги поваленный столб с указателем на немецком языке. В нескольких шагах от дороги чернеет могильный холмик. Огромного роста широкоплечий парень в солдатской шинели вбивает последний гвоздь в только что сделанную им скамью, садится. Тяжело вздохнув, зябко трет ладонью о ладонь, сдвигает на затылке шапку и свертывает солдатскую самокрутку. У парня высокий лоб, густые брови, чистое, белое лицо.

Благодарная человеческая память. Сколько имен она хранит, сколько должна сохранить. Прошлое как живое встает перед глазами и не дает покоя. Перед Анатолием проходят военные судьбы людей своего взвода, день за днем, кадр за кадром.

Дорога... Немой свидетель прошлого и настоящего. Если бы ты вдруг обрела речь, о чем бы ты поведала нам?

Что слышала ты, что видела, к примеру, в третий год забываемой войны, когда наши войска гнали врага, освобождая родную землю?..

Где-то здесь, на этом километре, на высоте 89,6, не однажды упомянутой в военных донесениях, должна быть солдатская могила. Должна быть... Должна быть...

Неужели и следа не осталось? Не может того быть... Хотелось крикнуть: «Память о тех, чьей кровью пропитана земля, нетленна! Нетленна!»

...Дымится после недавних боев многострадальное поле, изрезанное окопами, издали напоминающими дорожки, прорытые под скирдой мышами. Нависли над окопами разбитые танки, повалились набок искалеченные пушки. Смотрит на следы битвы Анатолий. Жаркая схватка была здесь, пока он в госпитале лежал. И, глядя на мертвое железо, покрытое копотью и окалиной, глядя на израненные ветки придорожной ивы, ему просто не верится, что над головой голубое небо и ясное солнце. Красота рядом со смертью — мыслимо ли это?

Фронтowej дорогой на запад спешат машины. Лица солдат сосредоточены. Их глазам не привыкать к картине недавнего боя. Мысли их о завтрашних боях, а не голубом небе и всей красоте зимнего дня...

Эх, было бы перед кем излить душу, глядишь, и легче стало бы ему, но, если правду сказать, неразговорчивый Толя. Глаз у него острый, сердце чуткое, а на слова он скуп...

Толя, придя в штаб полка, доложил о себе дежурному, и тот пропустил его в штаб.

Он поправил шапку-ушанку, подтянул шинель и четким шагом подошел к столу, где сидел новый командир полка, который ничего не знал о нем.

Так состоялась у него встреча с новым командиром полка. Докладывая о своем прибытии, он стал ждать приказа. Но полковник молчал, потом достал из папки газету, развернул и стал читать статью о нем. О нем слышал от начальника штаба майора Потемкина В.А. Потом вызвал адъютанта, приказал его отвести в родной полк...

Вечером на КП состоялось вручение наград. Первым наградили его тремя орденами и двумя медалями. Все ребята тепло поздравили своего боевого друга. Но и он был рад за товарищей по взводу: Малин Виктор получил орден Красной Звезды, наводчик Тимаков Василий — медаль «За отвагу».

Всем, кто получил награды, полковник пожелала успехов в бою и скорейшего возвращения домой.

Войну Анатолий закончил на Эльбе...

Тот, кто прошел многотрудными дорогами войны, и поныне хранит в своем сердце память об этих 1418 днях суровых испытаний. Память о нерасторжимом единстве фронта и тыла. Память о фронтовом товариществе и братстве, о том, как в самое напряженное время кровопролитных боев объединяла, сплавляла воинов — от солдата до маршала — святая вера в грядущую нашу Победу.

Каждый, кто пережил войну, кто видел войну своими глазами, знает, какой ценой советский народ отстоял право мирно трудиться на своей земле, строить новые города, выращивать сады. Но после завершения этой справедливой освободительной битвы уже выросло целое поколение. Ему, этому поколению, и молодым людям, только- только всту-

пающим в жизнь, надо отчетливее осознать величие свершенного подвига, яснее увидеть, что помогло нам выстоять, выдержать, победить.

История, как речка через сеть,
Прошла сквозь их, а что осталось?
Шрамы, свинца немалые граммы,
Рубцы инфарктов, и морщинок сечь.

МЫ БЫЛИ ПЕХОТОЙ ...

*В гремящие славою годы
Родился наш полк боевой.
Мы помним былые походы
Суровой военной тропой.*

Все дальше и дальше уходят от нас героические дни Великой Отечественной. Время идет, а люди все не могут забыть войну. 1418 дней и ночей шла битва не на жизнь, а на смерть, и каждый ее час — это кровь, боль и горечь утрат, чудеса бесстрашия, мужества и доблести. Путь к Победе был полит горячей кровью наших солдат. Многие из них не вернулись домой.

Когда кончилась война, мы, оставшиеся в живых, дали солдатскую клятву чтить память погибших, воздвигнуть им памятники и в летописи описать их героические подвиги.

Идут годы, подрастают новые поколения. Все меньше становится тех, кто с оружием в руках отстаивали наше будущее. И наш солдатский долг не унести все это с собой.

И ничего удивительного в том, что даже через более 50 лет после окончания войны, мы снова и снова обращаемся к тем героическим дням и стремимся запечатлеть в книгах.

Эти длинные тысячи фронтовых километров солдаты нашей дивизии прошагали по снегу, грязи, топям болот, с тяжелыми боями, ломая хребет врагу. И во всем этом пути, как вехи — памятные места, высоты, реки, озера, села и города, за которые дивизия вела тяжелые бои.

Читатель увидит на страницах воспоминаний людей необычно храбрых, беззаветно преданных своей Отчизне, живущих единым стремлением, как можно скорее разгромить ненавистного врага, полюбит этих скромных, простых людей, которых было немало на путях войны.

Время безжалостно. Уходят ветераны, не оставив ненаписанных от руки двух-трех страниц воспоминаний. Желтеют фотографии, ветшают вырезки из фронтовых газет, истлевают письма в семейных архивах — бесценные свидетельства героической поры.

А что сделал я? Неужели все сделал, чтобы оставить потомкам память о бессмертном подвиге их дедушек и бабушек?

Увы, нет! Оставляю свои воспоминания о войне. Написано в шестидесятых годах, потом долго лежал в архиве моем, нашелся такой человек, которому было интересны эти записи. И я свои записи выслал этому молодому человеку, с которым познакомился на встрече ветеранов 9 МАЯ, с надеждой, что эти страницы прочитают молодые люди нового поколения...

...В тот день, как только Майков привел свой взвод с занятий в казарму, его вызвал к себе командир дивизиона майор Ежов.

— Вы заступаете сегодня дежурным по полку, — объявил он лейтенанту Майкову. — В 16.00 к начальнику штаба полка на инструктаж. Все. Идите.

Майков был крайне удивлен: дежурство по полку — это большое доверие командиру взвода.

— Караул проверьте не менее двух раз, возьмите мою машину. Если успеете, проверьте дальний караул. Здесь граница. Помните, — закончил инструктаж начальник штаба.

Майков провел развод караулов и направился в комнату дежурного по полку.

Когда стемнело, Юрий поехал на самый дальний пост. В ту ночь он трижды проверил посты и внутренние наряды.

— Ну и дежурный попался беспокойный, — говорили солдаты в караульном помещении.

Перед рассветом Майков заглянул на кухню, снял пробу с завтрака и, похвалив повара, усталый, но довольный добрался до дежурной комнаты.

«Посплю часок, — решил лейтенант, — впереди целый день, нужно быть в форме...»

Поспав часок, встал, умылся холодной водой и, приведя себя в порядок, пошел встречать командира полка.

Первым пришел начальник штаба. Лейтенант представился ему и доложил, что караулы проверены.

Осень, словно рыжая лиса, кралась по земле, багровели закаты, предвещая холодные ветры. Раньше обычного, сгущались сумерки. В полку закончились взводные и батарейные выходы. Командир полка видел, как потянулись люди. Скоро инспекторская. Традиционный экзамен с боевой стрельбой.

— Вы говорите, не подведут орлы? — спросил Ежов, выслушав доклады командиров из штаба полка, проверивших подготовку дивизионов к инспекторской проверке.

Полк будет проверять не корпусная и даже не окружная комиссия, как обычно, а инспекция из Москвы. Командиру полка такую весть сообщил начальник артиллерии корпуса Рыжов.

— Это серьезный экзамен, — говорил он в тот же день командирам дивизионов. — Такого мы еще не держали. Приведите все в состояние боевой готовности, проверьте все звенья, каждую мелочь. Завтра уже можно ожидать тревогу.

Но командир полка ошибся: на рассвете его разбудил связной.

— Боевая тревога! — доложил боец. Через десять минут все три дивизиона вышли из ворот гарнизона. Впереди двигалась батарея Майкова. Газик лейтенанта, обгоняя трактора, набирал скорость. За окном моросил дождь.

Оставив машину в ложине, Ежов с разведчиками и радистами пополз на высоту.

— Ройте здесь! — показал лейтенант, а сам вполз в небольшое углубление, в котором устроилась радиостанция.

Едва они закончили последние приготовления, как впереди слева сверкнул, и донесся глухой звук взрыва, имитирующего выстрел вражеского орудия.

— Ориентир пять! Влево один сорок! — доложил разведчик.

Имитация огневой деятельности противника продолжалась около двух часов. Морозящий дождь перешел в ливень. Все вокруг затянулось серой мглой.

В ходу сообщения с НП появились командиры полка и дивизиона. Командир полка был в плаще с поднятым капюшоном, с которого стекали струйки воды. Майков представился и доложил, чем занята батарея.

— Готовиться к стрельбе! — отдал приказ командир полка. — Учтите, одна батарея дивизиона, возможна ваша, проведет пристрелку репера для всех.

Погода менялась. Юрий едва успевал делать перерасчеты.

— Двадцать третьему, — громко произнес телефонист. Это был позывной Майкова. — Произвести пристрелку репе-

ра. Поручив вычислителю закончить расчеты, он сел у стереотрубы и скомандовал:

— Стрелять первому орудию!

На НП пришел посредник, один из инспектирующих, и записал команду, поданную лейтенантом. Юрий знал, что с этого момента каждое слово будет фиксироваться с протокольной точностью.

— Выстрел! — доложил телефонист. «Недолет, понял Юрий, которому показалось, что разрыв был на уровне цели. Он нанес положение разрыва на график и подал новую команду.

— Выстрел! — снова доложили с огневой позиции. Стрельба складывалась удачно. Цель была захвачена в узкую вилку. Оставалось выяснить, где проходит средняя траектория, чтобы после этого совместить ее с целью. Лейтенант ввел коррективы:

Стрельбу закончили на «отлично». Генерал, руководивший инспекцией, крепко пожал руку Майкову.

— Благодарю вас, — сказал он, — за отличную подготовку полка.

— Отбой! — вскоре передал командир полка.

По обеим сторонам дороги мелькали знакомые пейзажи. Командир молчал. Этот день, к которому так кропотливо и долго готовился полк, оказался коротким.

«Да, — подумал командир полка, — месяцы, годы работаем мы, тренируемся, придираемся к самим себе и своим подчиненным, а потом наступает этот день, день ответственного экзамена, и если мы хорошо сдаем его, то радость заслоняет все обиды и разочарования, которые тревожили или огорчали нас ранее». Тут же он поймал себя на другой мысли: «Ведь и этот экзамен нужен только для того, чтобы с честью выдержать другой суровый и страшный экзамен, от которого, видимо, все не уйти, экзамен войны...»

В пять утра полк был поднят по боевой тревоге. Комполка срочно выехал в штаб корпуса. «Война, думал майор по дороге в штаб, рассуждали о ней, гадали, когда она будет, и вот — пожалуйста...» В конечном счете, война — это то, к чему он готовил полк, к чему готовился сам. Ничего неожиданного. О войне не говорили много. Знали, что она рано или поздно будет. Да, знали, но все же надеялись, что ее удастся избежать, по крайней мере сейчас. Верили или старались поверить в это.

Где-то недалеко ухали разрывы тяжелых бомб. Полыхали зарева пожаров. Машина взяла крутой подъем. Начинаясь новый день — 22 июня 1941 года.

...Неровное пламя копилки, сделанной из гильзы противотанкового снаряда, освещает землянку. Причудливые тени пляшут на сырых стенах.

Командир полка укрылся шинелью и подложил под голову противогаз.

— Разбудите, если что, — сказал он сидевшему напротив связисту и закрыл глаза.

Радист молча смотрел на осунувшееся лицо командира полка.

Сон не приходит к нему, несмотря на крайнюю усталость, уснуть просто необходимо. Нужно использовать небольшую передышку.

Уже второй месяц воюет полк. Полк все время в бою или движении. Они не отошли ни на шаг. Вода Прута, казалось, покраснела от вражеской крови. На наши батареи фашисты бросают все большее число самолетов. Но орудия были неуязвимы. Секрет прост: полк маневрирует вдоль реки. Каждая батарея имеет несколько хорошо оборудованных огневых позиций. Это результат бессонных ночей, изнурительного труда бойцов. Но зато живы люди. Полк несет незначительные потери. Враг любой ценой стремится переправиться через реку Прут. Войска Западного фронта вынуждены отходить. Острой болью отдается в сердце каждая новая сводка Совинформбюро.

Грохот снаряда, разорвавшегося рядом с землянкой, заглушает звонок телефонного зуммера. Майор быстро вскакивает. По телефону сообщили, что противник форсировал Прут. Да, враг очень силен, здорово продвинулись, особенно на западе.

Все же утром они снова отошли, а днем по колонне вдруг разнесся крик:

— Танки!

Майор приказал полку развернуться. Предстояло преградить путь крупной группировке наступающих войск противника. Через минут двадцать, артиллеристы заняли боевой порядок. Рядом с майором находился Майков. Он по решению комполка выполнял обязанности командира подручной батареи.

Отсюда, с высоты, были видны как на ладони, раскинувшиеся внизу домики, за ними наша пехота. Какие-то темные точки двигались по диагонали, приближаясь к ней. Это были немецкие танки.

— Огонь! — скомандовал комполка. Сразу позади них громыхнул выстрел. В левой, ближней, группе танков, с ходу открывших огонь по пехоте, разорвался снаряд. Один из танков, вдруг круто развернулся и застыл. Из открывшегося люка стали выпрыгивать гитлеровцы. В этом бою были потери. Убиты два солдата. Бойцов утешает только одно: они пали героями, и за каждого из них враг поплатился сотнями жизней.

Выполняя приказ, комполка отвел полк за Днестр. Третий дивизион, с которым был комполка, занял боевой порядок против населенного пункта Концовка. Противник, занявший деревню, активных действий не предпринимал, но на колокольне церкви установил наблюдательный пункт. Даже появление одной повозки вызывало огневой налет вражеской артиллерии. Боеприпасов фашисты не жалели. Передвигаться в светлое время стало невозможно.

— Уничтожить! — приказал майор командиру третьего дивизиона. Командир седьмой батареи не замедлил открыть огонь. Стрельбу наблюдали все. Он красиво провел пристрелку и перешел на поражение. Разрывы снарядов снова и снова опоясывали церковь, но позолоченный купол колокольни продолжал вызывающе сверкать...

...Еще два дня полк стоял у деревни. В каждый час приходили тревожные вести: выше по течению реки противнику удалось форсировать Днестр. Ночью полк снялся со своих позиций.

Ружейно-пулеметная стрельба, изредка заглушаемая грохотом пушек, доносилась до НП третьего дивизиона. Ежов старался создать огневое заграждение, чтобы не дать гитлеровцам подтянуть подкрепление...

— Воздух!

Солдаты рассыпались вдоль железнодорожного полотна. Надсадно урча моторами, над станцией высоко в небе появились немецкие бомбардировщики. Завыли сирены, захлопали, захлебываясь, зенитки. Наши ястребки завязали воздушный бой. Фашистские стервятники, не причинив особого вреда, ушли в сторону фронта и вскоре скрылись за гори-

зонтом. С передовой слышался гул и грохот артиллерийской канонады. В воздухе то и дело проносились немецкие самолеты, визжали и рвались бомбы. Часто то в одной стороне, то в другой лихорадочно хлопали зенитки, отбивая очередной налет.

Эшелоны с частями стрелковой дивизии через каждые 30—40 минут приходили на станцию и быстро разгружались и сразу же следовали в район сосредоточения. Совершив марш на указанный рубеж, вечером части дивизии начали строить оборону. Работать приходилось малыми лопатками. Окоченными руками солдаты выбрасывали грунт наверх из траншей. К утру 12 декабря, части дивизии зарылись в землю и подготовились встретить врага.

Отступая под ударами Красной Армии, фашисты взорвали и сожгли все мосты на шоссейных дорогах, поэтому части дивизии продвигались по проселочным дорогам, которые были минированы и завалены деревьями. По ровному полю идти было трудно из-за глубокого снежного покрова, местами достигшего до 1,5 метров.

Лесными тропами и оврагами, совершив обходный маневр, в полночь батальоны полка скрытно вышли на исходный рубеж и развернулись в боевой порядок.

В 8 часов началась артиллерийская подготовка. Через полчаса командир полка дал сигнал к атаке. Бойцы, с большим трудом преодолевая глубокий и рыхлый снег, устремились вперед. Вначале все шло хорошо. Над полем опустился густой туман, прикрывая атакующих солдат. Казалось, что как только передовые бойцы ворвутся в деревню, сопротивление фашистов будет сломлено. Но вот из подвала каменного дома, стоящего на развилке двух улиц, хлестнули пулеметные очереди, а затем со всех сторон затрещали автоматы. Завязался ожесточенный бой. Стучали, захлебываясь пулеметы, то длинными, то короткими очередями стрекотали автоматы. С визгом шлепались мины, выворачивая фонтаны снега и комя мерзлой земли.

Комдив ввел в бой стрелковый полк майора Егорова, возложив задачу: овладеть деревней Макарово. Но выйдя в рощу северо-восточнее села Барановка, полк был остановлен огнем врага. Второй батальон старшего лейтенанта Майкова к этому времени обошел Макарово с левой стороны и приблизился вплотную к ее южной окраине. Для немцев

создалась угроза окружения. Старший лейтенант, заметив скопление противника, готовящегося к контратаке против своего полка, приказал выставить 10 станковых пулеметов и открыть из них огонь по фашистам.

Два часа бойцы вели тяжелый бой на южных подступах к деревне Макарово, пытаясь сломить сопротивление гитлеровцев. С большим трудом вышли к высоте 160, 0, но здесь попали под сильный флангирующий огонь немецких пулеметов и вынуждены были снова залечь.

Командиру полка стало ясно, что с фронта, лобовой атакой немецкую оборону не прорвать. Перегруппировав силы, первый и второй стрелковые батальоны с новых позиций, с опушки леса южнее села снова перешли в наступление. Артиллеристы с ходу расстреливали огневые точки врага, расположенные в зданиях, подвалах и на чердаках, прокладывая путь пехоте. Минометчики и пулеметчики открыли ураганный огонь, не давая врагу прийти в себя и организовать сопротивление.

Командир батареи 76-миллиметровых пушек старший лейтенант Майков и политрук Королев выдвинули два орудия на боевые порядки пехоты и с близкой дистанции открыли прицельный огонь по вражеским пулеметам.

Мощным и стремительным броском бойцы первого и третьего батальонов устремились вперед. Впереди с пистолетом в руке с бойцами бежал комбат Котовский, увлекая за собой солдат.

Еще стремительный бросок, и вот уже бойцы первого и третьего батальонов ворвались на южную окраину села. В то время на восточной и северной его окраинах, солдаты другого полка медленно, метр за метром продвигались к центру деревни. Две роты первого и второго батальонов полка обошли деревню Макарово с юга — запада и неожиданно атаковали.

Фашисты, ошеломленные столь мощным ударом со всех сторон и боясь полного окружения, начали в панике отходить в направлении деревень Михайловка и Тимаково, но здесь попали под уничтожающий огонь пулеметов второго стрелкового батальона.

Командир пулеметного взвода лейтенант Егошин сам лег за пулемет и стал расстреливать в упор бежавших из села гитлеровцев. Заметались по полю немецкие солдаты.

Часть из них еще бежала вперед, некоторые повернули назад. Пулеметчик Орлов одну за другой посылал длинные очереди в самую гущу вражеских солдат.

К вечеру части дивизии полностью очистили Макарово от противника. Здесь наши солдаты захватили четыре исправных танка и несколько автомашин с награбленным у местного населения имуществом.

В полночь, полки с приданными артдивизионами двинулись в путь. Бойцы шли по глубокому снегу. Орудия пришлось тащить на специальных полозьях. Люди и кони выбивались из сил, приходилось каждые полчаса менять головные подразделения. Боевое охранение, справа и слева от колонны, скользило на лыжах вдоль верхней кромки оврага.

Через час линия переднего края противника, обозначавшаяся вспышками ракет, осталась далеко в стороне. Лощина постепенно становилась все мельче. На третьем километре она совсем кончилась, части дивизии вышли на ровное поле. Впереди чернела полоса хвойного леса, который мог надежно укрыть от противника такую массу людей и технику. Солдаты прибавили шаг. На опушке леса разведчики, шедшие впереди, обнаружили хорошо расчищенную от снега дорогу, которая тянулась через лес в сторону деревни Михайловки.

Силы оказались неравными. У фашистов в деревне, кроме пехоты, было еще около двадцати танков. Оценив обстановку, капитан Майков решил, что в этих условиях лучше самому наступать, нежели ждать контратаки врага. Он приказал подтянуть полковые пушки и орудия артдивизиона на прямую наводку и сам повел бойцов в атаку. Как только танки пошли в контратаку, наши артиллеристы прямой наводкой открыли огонь по ним и заставили повернуть обратно. Штурмуя дом за домом, наши солдаты уверенно продвигались вперед.

В первых рядах атакующих бежал комбат Араев. Лейтенант подскочил к каменному дому, из подвала которого все время строчил немецкий пулемет, бросил в амбразуру гранату. Быстро отскочил в сторону и спрятался за угол. Прогремел взрыв, пулемет замолк. Подоспевшие солдаты забросали окна дома гранатами и устремились вперед.

В это время с окраины густым басом, перекрывая захлебывавшийся треск автоматов, ударил крупнокалиберный немецкий пулемет. Вздрыблились снежные фонтанчики. Из окон

слева стоявших домов застучали еще два немецких пулемета. Огненные трассы ровными пунктирными линиями проносились над залегшими солдатами и гасли в глубоких снежных сугробах.

Бой разгорелся с новой силой. Стремясь во что бы то ни стало удержать деревню, фашисты оказывали отчаянное сопротивление, бросаясь в контратаки. Около роты пьяных немецких солдат побежали на пролом на бойцов лейтенанта Ракова. Фашистов погонял офицер, размахивая пистолетом. Вот он что-то крикнул, и фашисты побежали по широкой улице, уже не прогибаясь, на ходу стреляя из автоматов. Когда до немцев осталось не более сотни метров, лейтенант Раков подал команду:

— Огонь!

Солдаты дружно ударили из пулеметов, автоматов, винтовок. Среди гитлеровцев началось замешательство. Некоторые еще по инерции продолжали бежать вперед, другие залегли, продолжая вести огонь, но многие ничком повалились на снег, чтобы навсегда остаться в земле, которую они пришли покорить. Вскоре фашисты начали обстрел из минометов. Смертоносные взрывы все ближе приближались к позициям наших солдат. Небо озарилось огненными сполохами. Где-то за деревней ударили орудия. Прошуршали в воздухе снаряды и стали рваться на поле боя. Загудело, завывало все вокруг.

При свете ракет хорошо видно, как наши солдаты, прижимаясь к стенам домов, выкуривают фашистов из укрытий, дом за домом, освобождая деревню. В разных местах завязываются короткие гранатные бои, рукопашные. К утру, противник был изгнан из деревни.

На другой день гитлеровцы снова захватили деревню. Рано утром, они обрушили на нее мощный огонь из минометов и артиллерии. С позиций, занятых противником, деревня хорошо просматривалась, и обстрел был точным.

Части подразделений полка отошли в лес, оставив на окраинах деревни по роте автоматчиков с ручными и станковыми пулеметами. От взрыва мины загорелись перевязочный пункт и узел связи. Рискуя жизнью, под непрерывным огнем, медицинские работники и связисты спасали и выносили раненых из горящего дома.

Вечером батальоны полка снова перешли в наступление. В одной из рот во время атаки, выбыл из строя командир, его заменил политрук Ивлев. Он шел впереди атакующих бойцов, личным примером вдохновляя солдат. Рота стремительно вышла на опушку леса и завязала с фашистами огневой бой. Вскоре фашисты, боясь окружения, прекратили сопротивление и начали отходить...

...В начале марта 1942 года, части дивизии были отведены на отдых, пополнились, получили вооружение, готовились к предстоящим боям.

Перед личным составом дивизии встала срочная задача: как можно быстрее зарыться в землю, построить крепкую оборону. На этом участке ранее никаких оборонительных сооружений не было, бойцам все приходилось начинать сначала, в чистом поле. Оборону строили под огнем противника. Саперы спешно минировали поля, тянули проволочные заграждения. Для борьбы с танками врага устраивали противотанковые рвы. За короткий срок, они построили целую систему траншей и связывающих их ходы сообщения. Все командные пункты рот и батальонов соединялись с передним краем.

Шел девятнадцатый месяц войны, Красная Армия, захватив стратегическую инициативу, полностью разгромила Сталинградскую группировку врага, изгнала немцев с Кавказа, развернула мощное наступление и с тяжелыми боями, ломая хребет противнику, постепенно продвигалась на запад, освобождая города и села Украины. Гитлер спешно перебрасывал на фронт свежие дивизии, пытаясь остановить советские войска.

Подразделения части вели ожесточенные бои, пытаясь прорвать оборону врага.

Бойцы первой роты быстро проскочили ложину и цепью начали наступление на село. Наши минометчики открыли огонь. Немцы ответили. Сначала перестрелка была вялой, но вскоре усилилась. Гитлеровцы открыли огонь из двух ручных пулеметов. Бой разгорался. Около крайних домов завязалась ожесточенная схватка. Фашисты упорно и яростно сопротивлялись. Были такие минуты, когда казалось, что атака может захлебнуться. Но в это время с фланга раздалось

дружное «Ура!». Это рота Смелова, перевалив через высоту, стремительно ворвалась в деревню. Бросая оружие и убитых, фашисты побежали врассыпную. Вслед им неслись наши солдаты...

За отвагу и мужество в боях были награждены: лейтенант Смелов орденом Красной Звезды, капитан Котовский орденом Красного Знамени, капитан Майков орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны 1 и 2 степени, лейтенант Егошин орденом Красной Звезды и многие бойцы полка.

В ночь на 26 июня, части дивизии оставили свой учебный полигон, обильно политый солдатским потом, соблюдая маскировку, начали марш к месту боев. Подразделения части сменили стрелковую дивизию на указанном рубеже. Саперы приступили к устройству проходов в заграждениях врага. Солдаты готовились к атаке.

Два дня проводилась разведка целей и обороны врага. За четыре часа до артподготовки всему личному составу вручили обращение Военного Совета 31-й армии о переходе в наступление.

Теплым июньским вечером, когда замолкли в лесу птичьи голоса, и на землю опустилась прохлада, вереницей по проселочным дорогам потянулись артиллерийские, минометные батареи, орудия прямой наводки на заранее подготовленные для них огневые позиции. Порой слышались отдельные выстрелы или пулеметные очереди. Но солдаты знали, что это обычные фронтовые будни.

Рано утром, едва заалело на востоке, солдаты были на местах. Каждый ожидал сигнальную ракету.

В 10 часов утра в воздух взвилась сигнальная ракета. Батальоны пошли в наступление. Тут же заговорил немецкий пулемет из уцелевшего дзота. Командир батареи капитан Майков сам навел орудие и со второго выстрела разнес пулемет вместе с прислугой в клочья.

Батальоны стремительно бросились вперед и ворвались в первую траншею врага. Солдаты пустили в ход штыки, гранаты, поддерживая солдат, очищавших окопы от солдат противника.

Уже несколько часов первый стрелковый батальон полка вел жаркий бой за высоту.

Фашисты пытались вернуть утраченные позиции, то и дело предпринимали яростные контратаки. На рассвете пьяные фрицы с дикими криками, густой лавиной полезли на рубеж, обороняемый отделением сержанта Семенова. Это была десятая по счету контратака, но солдаты не дрогнули, отстояли высоту.

Снова на поле брани сгустились сумерки. Солдаты чистили оружие, набивали патроны в магазины, готовились к следующим боям.

Утро следующего дня началось с артподготовки. Два часа обрабатывали артиллеристы передний край фашистов. Во второй половине дня пехота снова пошла в контратаку. Батальоны овладели высотой, развернули наступление дальше. После короткой передышки батальоны под прикрытием огневого вала, снова пошли в атаку. В этом бою погиб командир батальона капитан Котовский.

Пройдена одна полоса укреплений — чуть больше километра, и это за два дня тяжелых боев. С громким сухим шуршанием над головами солдат проносятся тяжелые снаряды. Артиллерия продолжает обработку полосы вражеской обороны. В промежутках между разрывами вклинивается торопливая захлебывающаяся скороговорка пулеметов, дробью перекликаются автоматы.

Каждый дом деревни берется с боем. Фашисты, огрызаясь, отходят в направлении города Орши...

В боях за освобождение Белоруссии воины дивизии прошли 800 километров, освободили 500 населенных пунктов, уничтожили до 400 солдат и офицеров противника, около 600 пленные.

Прорвав долговременную оборону на подступах Восточной Пруссии, дивизия подошла вплотную к границам фашистской Германии и заняла оборону.

Бойцы и командиры с нетерпением ждали начал наступления. Дивизии предстояло прорвать на своем участке глубоко эшелонированную оборону врага, которая состояла из четырех линий полного профиля, соединенных между собой ходами сообщения. Перед первой и второй траншеями тянулись проволочные заграждения и располагались минные поля. Все подступы к обороне простреливались из дотов и окопов.

Разведчики выскочили из окопов и растворились в темноте, а справа все яростнее разгорелся бой. Стучали, захлебываясь, пулеметы, стонали, взрываясь, мины, гулко ухали орудия.

Бросок, и разведчики ворвались в немецкие траншеи. Захлопали разрывы гранат. Солдаты схватились с фашистами врукопашную и начали очищать окопы от вражеских солдат...

Гитлеровцы начали сильный обстрел из минометов, пушек и пошли в контратаку, пытаясь выбить бойцов из траншей, но разведчики дрались героически. На помощь им командир Авдеев бросил в бой первую стрелковую роту. Всю ночь продолжался упорный бой. А рано утром рота и разведчики отошли в свои траншеи. Пленные дали ценные сведения командованию об огневых точках противника, о системе фашистской обороны.

Пять тридцать утра.

Над позициями взвились серии красных ракет — сигнал общей атаки.

— Вперед! — Ура!

Батальоны двух полков поднялись в атаку и с ходу овладели первой траншеей фашистов. Пехота продолжает стремительное движение. Некоторые бойцы падают и остаются лежать на снегу, остальные рвутся вперед...

При подходе ко второй линии окопов немцев, наши бойцы напоролись на фланговый огонь пулеметов. Минометчики несколькими точными залпами накрыли огневые точки.

Ожесточенный бой продолжался до вечера. Особенно упорное сопротивление фашисты оказывали на железнодорожной станции. Многочисленные группы их при поддержке танков часто бросались в контратаки. Наши артиллеристы подавляли огневые точки врага, расчищая путь пехоте.

Части дивизии, преследуя отходившего врага, вышли к Мазурским озерам. И без того представлявшие собой труднопроходимую преграду, они соединились с мощными оборонительными сооружениями.

Трижды бросались озверелые гитлеровцы на позиции сержанта Рыкова. Выбыл из строя командир взвода. Сержант Васин взял на себя командование. Во время четвертой атаки, немцы вплотную прорвались к позициям взвода. Сер-

жант бросился на врага, увлекая за собой солдат. В ход пошли приклады, штыки, саперные лопаты. Геройски дрались наши солдаты. Фашисты не прошли и отступили. В пылу рукопашной схватки отважный сержант не заметил, как был ранен второй раз в этот день.

За этот бой он был награжден орденом Красного Знамени.

Все же частям дивизии удалось прорвать немецкую оборону на своем участке. Но сосед слева продвигался еще медленнее, и левый фланг оказался открытым. Гитлеровцы немедленно воспользовались сложившейся обстановкой. Они предприняли несколько яростных контратак, бросив в бой большое количество танков, тем самым обеспечив себе путь для отхода.

В тяжелых условиях шли бои у побережья залива Фришес-Гафф.

Сбивая заслоны, части дивизии все ближе и ближе доходили к Балтийскому морю. С высот бойцы уже видели залив, затянутый голубой дымкой. Еще два дня назад, море было видно в бинокль. Вчера солдат видел его невооруженным глазом, а сегодня уставшие от боя, бойцы стирали потное белье и портянки в заливе Фришес-Гафф.

Смерть боевых товарищей, не доживших несколько часов до Победы, больно тронула всех. Над могилой друзья поклялись отомстить фашистам. Прогремели залпы салюта.

Многие солдаты дивизии не дожили до светлого дня Победы, остались лежать навсегда, в известных и безымянных могилах, разбросанных на всем боевом пути части.

Не вернулись домой политрук Королев, лейтенант Егшин, капитан Егоров и многие солдаты, офицеры дивизии.

Солдаты, которые историю творят,
Они потом об этом не читают.
И подвигом особым не считают,
А просто об этом иногда говорят...

Вечная слава им и низкий поклон от живых ветеранов.

СУДЬБА, ОБОРВАННАЯ ВОЙНОЙ

Светлой памяти погибшим в плену...

Утро выдалось без единого облачка и до того жарким, что твердая земля учебного плаца высохла к подъему полка. День обещал быть ясным, солнечным.

Сразу же после завтрака первый взвод первой батареи в приподнятом настроении выстраивается у двухэтажного здания казармы.

— Становись! Равняйся! — командует сержант Якимов. — Смирно! Шагом марш! Раз... раз... Раз... два, три!... Запевай!

Прошлой осенью, в первый же месяц службы, всех новобранцев, еще не умеющих как следует маршировать, обязали научиться петь в строю, а одного из нас — запевать. И выбор пал на моего друга Ивана Смирнова, самого горластого. Как говорится, не боги горшки обжигают: после месяца постоянных тренировок у него начал прорезаться, с позволения сказать, голос, но запевать он стал по-своему — первые две строчки песни в ритм отбивающих шагов торжественно декламирует, остальные — громко поют.

Набрав полную грудь воздуха, начинает:

По широкой дороге колхозной,
По московским, большим площадям
Мы проходим лавиной грозной,
Мы всегда готовы к боям!

И все, как один, подхватывают:

Артиллеристы! Точней прицел!...

— Правое плечо вперед! — отрывисто бросает сержант, и взвод с песней выходит из ворот военного городка.

Пройдя три километра по грунтовой дороге, постепенно прошли по городу, вышли за город и взяли направление к лесу. Сворачиваем на ароматное поле, усеянное ромашками и золотыми одуванчиками. Хочется скорее дойти до леса и окунуться в прохладную тень деревьев.

У самой опушки, где густая трава выше колен и влажная еще от ночного дождя, раздается тихая команда:

— Разойдись, перекур с дремотой, — весело добавляет командир взвода.

Лежишь на траве, не спеша, разминаешь папироску, чиркаешь спичкой о коробок и с наслаждением делаешь глубокую затяжку.

Смотрю в голубое небо и думаю...

До чего хорошо у меня сейчас все складывается... В армейскую жизнь, слава богу, уже втянулся. Не страшны ни ранний подъем, ни поздний отбой, ни физподготовка, привык к пище.

Со стороны военного городка к нам бежит батарейный дневальный и, размахивая руками, что-то издали кричит.

— Тревога! Всем в казарму! Приказано — срочно! — запыхавшись, докладывает он сержанту.

— Бегом! — командует громко Якимов и первым устремляется вперед.

Как не хочется в такой чудесный день вставать с этой нежной травы с дурманящим запахом. Мы почти бегом возвращаемся в расположение полка. В городке небывалая суматоха, все куда-то спешат и что-то перетаскивают, со всех сторон доносятся приказы, на лицах людей волнения и озабоченность.

Мы цепляем к трактору-тягачу наши 76-миллиметровые пушки, погружаем в грузовики с прицепами ящики со снарядами, приборы в чехлах, мелкое имущество батареи.

— Куда собираемся? — допытываются солдаты у командиров. — Видать, маневры будут, весной уже такое было.

Сегодняшние сборы совсем не похожи на прежние. Старослужащие в один голос твердят:

— Так много снарядов на учение никогда не брали. Что-то здесь не то!

Наконец все готово. Сидим в кузове тягача и ожидаем дальнейшего развития событий. Наша батарея, необычная не только для нашего гаубичного полка, оснащенного 122-мм орудиями. Только она укомплектована бойцами со средним образованием и имеет 76-мм пушки. Через два года службы и усиленного обучения по особой программе всем присвоят звания младших лейтенантов запаса.

— Приготовиться к маршу! Командир взвода еще раз проверяет нашу готовность, наспех делает сержанту Якимову какие-то замечания и торопливо убегает.

Наш путь лежит за город, где мы получаем снаряды, противогазы и ящики, окрашенные в зеленый цвет. Полдень. На небе ни облачка, солнце нестерпимо жжет, и наши тягачи по мосту пересекают Днестр — быструю полноводную реку. Продвигаемся вперед на западном направлении, но куда едем, никто не знает, никто не спрашивает — это военная тайна.

На рассвете, когда бороться с дремотой совсем невозможно, со стороны Румынии вдруг доносится нарастающий гул, вскоре появляется движущаяся темная туча. Еще немного, и можно уже различать несметное количество летящих на большой высоте необычных остроносых самолетов. Нам невдомек, что мы являемся одними из первых свидетелей страшного исторического события, перевернувшего судьбы всех людей.

Проходят минуты. На востоке, за горизонтом, куда улетели самолеты, раздаются глухие отдаленные взрывы, которые через несколько мгновений, сливаются в сплошной грохот и гул. Самолеты возвращаются тем же маршрутом обратно. Только сейчас, при первых лучах солнца, мы ясно различаем зловещие кресты на крыльях.

Ошеломляющая мысль пронзает наше сознание, что это ВОЙНА!?

Первая военная ночь. Движемся в темноте близ реки Прута, против его течения. Совсем близко, справа и слева, идут бои — слышна стрельба, рвутся снаряды, взлетают ракеты. Получен приказ, занимаем огневые позиции, и окопаться до утра.

— Орудия к бою!

И мы ведем огонь из укрытий. Четко, одна за другой следуют команды:

— Прицел... Взрыватель... Заряжай... Огонь!

Команда сержанта Якимова выводит нас из мрачного состояния.

— Углубить окопы! Отрыть для каждого расчета щели полного профиля! Надежно замаскироваться!

Самолеты надвигаются с запада, сначала мы считаем, а потом сбиваемся со счета. Уткнувшись головой в дно окопа, думаешь лишь об одном: вот сейчас бомба угодит в окоп и разнесет тебя на части.

Прошло немного времени, устанавливается прочный распорядок: днем держим оборону — стреляем в невидимого противника, который тоже нас обстреливает и бомбит с воздуха.

Теперь понятно, почему нас 22 июня не бомбили — стервятники летели к цели более важной, чем артиллерийский полк. Теперь ясно, почему наших самолетов не видно в небе — они сгорели на земле...

Начинаем ощущать недостаток в снарядах. Мы отступаем на запад. Через два дня завязывается ближний бой. Хорошо видны солдаты в зеленых мундирах с закатанными рукавами, но сейчас не до наблюдений — стреляем беглым огнем прямой наводкой.

Бесшумно цепляем орудия к тягачам и, проехав километров десять, располагаемся на новом месте. Большая колонна машин, танков и орудий еще с ночи стоит в середине утопающего в садах села. Передние машины буксуют в непролазной грязи, остальные, приглушив моторы, стоят на месте. Мы, как всегда в пути, дремлем в кузове. Внезапно раздается отчаянный крик: «Воздух!».

Видно, в бреющем полете прямо на нас идут несколько немецких самолетов. Со всеми прыгаю за борт, стремительно бегу за дом в огород, бросаюсь между грядками и прижимаюсь лицом к земле. Самолеты, сделав несколько кругов и сбросив, десятка два бомб, улетают.

— Заводи моторы!

— По машинам! — доносится голос сержанта Якимова.

...Июль на исходе. Дивизия уходит все дальше и дальше в глубь Украины. На следующий день, к вечеру, останавливаемся на опушке густого, прохладного леса с зарослями кустов, усыпанных зрелой малиной. После того, как были отрыты окопы для орудий, узнаем малоприятную весть, что на нас прямо движется вражеский танковый корпус. До сих пор мы имели в основном фугасные снаряды, бронебойные только всего восемь снарядов на три расчета. Если даже вести прицельный огонь, боеприпасов хватит всего на несколько минут.

Приказано стоять насмерть! Настроение в батарее у всех одно — сражаться до последнего снаряда. Ночь проходит тревожно.

Утром за неглубоким оврагом в чистом поле показываются немецкие танки. Их много и движутся они развернутым строем на наши позиции. Уже отчетливо видны серные кресты на броне, все громче слышен лязг гусениц.

— Не обнаруживать себя, подпустить поближе, — по цепочке передается приказ. — Приготовиться к бою!

Вдруг перед самым спуском в овраг, очевидно не заметив нашей засады, танки поворачивают в обход леса. Спустя некоторое время они исчезают из виду, рев моторов постепенно затихает.

...По приказу командования продолжаем отходить на восток. По ночам немцы начинают сбрасывать над нашими колоннами зависающие на парашютах светящиеся ракеты, и при необычно ярком, слепящем свете с воем летят бомбы. Спасают нас стремительные броски в сторону от дороги, где среди деревьев и кустарников легче замаскироваться.

Дубрава изрыта окопами, на каждом шагу траншеи и землянки. Нам говорят, что лесной массив называется Зеленая брама, это неприступная крепость для врага. Изредка выходим на опушку леса. Из личного оружия ведем огонь по врагу прицельный огонь — боеприпасы на счету. На каждого бойца выдают по пять патронов и по две гранаты-лимонки.

Нам стало известно, что мы в окружении, патроны кончились, а продуктов и вовсе нет. На рассвете 6 августа завязывается жаркий бой у опушки дубравы. Артиллеристы огонь не ведем, кончились снаряды. Однако немец в лес войти не решается, но обстреливают так, что голову поднять нельзя.

К вечеру передается приказ: ночью едем на прорыв окружения. Днем раньше одна группа уже пробивалась, но неудачно, может быть, сейчас всем вместе удастся.

— Всем быть готовым к прорыву, — наставляет какой-то командир, — иметь при себе только самое необходимое: оружие и шинель, документы порвать.

В ночь выступаем. Сначала идем толпой, потом растягивается в бесконечную колонну по два, а затем по одному — друг за другом. Несколько коротких привалов, и снова в путь. Всматриваемся в ночь, кроме идущих рядом, ничего не видно. Вот кончается лес. При свете то и дело вспыхивающих в небе ракет удастся разглядеть далеко. Справа и слева поля подсолнухов, впереди развороченное танками от-

крытое пространство. На нас обрушивается с двух сторон, начинают строчить пулеметы. Залегает. Единственное спасение — борозды, оставленные танками в раскисшем черноземе.

Бежим бесконечно долго по мокрому необработанному полю, и нет даже времени вылить из сапог хлюпающую воду. Еще взлетают ракеты, затем они угасают, и Зеленая брама исчезает в непроглядной тьме.

Постепенно бегущий отряд дробится на мелкие группы — по восемь-десять человек.

Еще немного, и наша выбившаяся из сил группа попадает в редкую рощу. И, словно по команде, мы падаем на мокрую траву и моментально засыпаем.

Утром просыпаемся от близкой беспорядочной стрельбы и громких криков. Рядом с нами немецкие автоматчики! Они окружили нас, им весело, на лицах торжество, а мы в отчаянии. Патронов нет, отбиться нечем.

Свершилось самое худшее! Мы оказались в плену...

— Хенде хох! Хенде хох! — галдят фашисты, постреливая в воздух. — Шнель! Шнель!

Над нами голубое небо, яркое солнце играет на влажной траве, беспечно чирикают птицы — все так, как было до войны. Но этой красоты мы уже видим с поднятыми руками, подгоняемые прикладами автоматов. Мы идем к дороге у самого леса, где стоит обоз из крытых повозок, запряженных гнедыми битюгами.

Собрав человек сто, немцы приказывают всем поднять руки вверх, и колонна трогается в путь. Конвоиры, то и дело покрикивая, гонят нас мимо леса и поля с не скошенным хлебом, а две свирепые овчарки, натягивая повадки, стараются ухватить кого-нибудь за ноги.

За поворотом дороги появляется большое село Подвысокое (как выяснилось позднее), здесь еще недавно размещалось наше командование. Нас загоняют во двор, переполненный пленными. В молчании мы усаживаемся на землю. Нас помещают в просторном амбаре. Ни пить, ни есть, как и вчера, не дают.

Утром нас, человек сто пятьдесят, выстраивают по четыре в ряд и ведут из села. С разрывом метров тридцать следуют еще такие же две колонны. Охранники с автоматами

идут по обеим сторонам дороги, с ними несколько овчарок, готовых по первому сигналу перегрызть горло.

Наша колонна передвигается дальше. Выбившиеся из сил люди качаются, как маятники, с большим трудом соблюдают строй. Вот один человек падает. Вмиг подбегает охранник, орет «ауфштейн!», пинает несколько раз сапогом лежащего человека. Затем выпускает по нему короткую очередь из автомата.

Ночь проводим на голой земле, под открытым небом. Утром, вместе с восходом солнца, нас поднимают крики немцев и лай собак, и все вчерашнее повторяется: дорога под бдительным оком усердных конвоиров, в селах потасовки за кусок хлеба, расстрел упавших на дороге...

В полдень как из земли вырастают сторожевые вышки, потом какие-то домики, колючая проволока в два ряда, около которой стоят часовые с собаками. Пленных пока не видно, только слышен гул человеческих голосов, доносящийся неизвестно откуда.

За большими деревянными воротами открывается жуткое зрелище. Перед нами глубокий, круглый овраг, весь набитый людьми в красноармейской форме. Страшно смотреть — исхудалые, раненые, многие босые и раздетые; одни лежат, другие стоят.

Не проходит и часа, как я уже знаю, что мы находимся вблизи города Умани, в карьере, где раньше добывали глину для кирпичного завода, что это место, ставшее концлагерем, военнопленные называли Уманская яма.

Лежу на пыльной, коричневой земле и стараюсь справиться с мыслями, пытаюсь уяснить себе свое положение: с этапа убежать не удалось, а из этой западни с крутыми, в семь-десять метров, станами тем более не убежишь — на многочисленных вышках установлено по два спаренных пулемета.

Августовское солнце палит нещадно, укрыться негде. Вот идет небольшой дождик, и все в одно мгновение промокают до нитки. От холода зуб на зуб не попадает. В стороне от входа, под полуразрушенными навесами, лежат раненые и тяжелобольные. Несколько наших врачей и санитаров без бинтов и лекарств не в силах справиться с такой массой в нуждающихся помощи, и страдальцы щепами сами очищают раны от червей.

Вдруг встречаю худого, обросшего бородой товарища из своей батареи. Отныне вместе со всеми целыми днями выстаиваем на жаре за скудной дозой неизменной похлебки, которую разливают из двух железных бочек.

Скоро дадут о себе знать вши. Они всюду: на теле, в одежде и обуви...

Два-три раза в неделю собирают по двести человек и переправляют в другие лагеря. В дорогу выдают на шестерых буханку плесневелого хлеба. Считая, что в таких переходах больше возможности покинуть Уманскую яму, партии пленных набираются без принуждения. Все убеждены, что отсюда убежать невозможно, легче это сделать с этапа.

Дней через десять в лагерь по радио доводит до всеобщего сведения:

— Украинцы из освобожденных территорий! Те, кто будет честно работать на великую Германию, получают землю. Регистрируйтесь в нашей комендатуре, и вас отпустят домой. За попытку обмануть администрацию лагеря — расстрел на месте!

Это было возможность уйти из ямы! На работы по расчистке дорог выводят за пределы лагеря. Рассказывают, что там иногда удается убежать, а местные жители приносят хлеб и овощи.

Прошло несколько дней, меня включают в этап, и я ухожу из ямы. Кошмарная, кровавая дорога. Некоторые переходы из лагеря в лагерь длились иной раз и по два дня.

В обширном дворе лагеря прибрано, колючая проволока натянута на уровне четырех метров. Еще не поржавела, вышки каждые пятьдесят метров — новые аккуратные, со спаренными пулеметами.

После очередной проверки, я получаю аусвайс (пропуск). Охранник открывает ворота, и я ухожу из лагеря...

Неужели удалось!? Не веря своему счастью, затаив дыхание, я зашагал дальше...

Мы торопимся, как можно подальше уйти от места заключения. На краю города жители, раздав всем хлеб, настоятельно советуют:

— Не ходите вместе, одиночкам легче прокормиться и найти место для ночевки.

Лагерь остался позади, впереди — долгая, трудная дорога и неизвестность. Но я решил твердо — иду на фронт.

Октябрь на исходе. Холодный, пронизывающий ветер заползает в дырявые сапоги, гуляет под шинелью и пилоткой. Поднимаю воротник, прячу руки в карманы.

Первое село на моем пути. Много обгорелых и безнадзорных построек, ни людей, ни домашних животных не видно. Не могу удержаться и захожу в крайнюю хату. Хозяйка, нестарая, с большими натруженными руками, увидев меня, горько вздыхает:

— Ой, до чего довела война! Краше в гроб кладут.

— Прошу вас, дайте поесть, — говорю вполголоса и не знаю, куда спрятать глаза от стыда.

Она молча отрезает кусочек ржаного хлеба, наливает глиняную кружку молока и протягивает мне. Потом она дала сверток с хлебом на дорогу.

Продолжаю двигаться в сторону фронта. Я уверен, что наиболее удобное место для перехода Днепра — Черкассах. Днем делаю привалы в заброшенных скирдах, пахнущих гнилью. К вечеру прошусь на ночлег в каком-то селе. Идти надо, другого выхода для себя не вижу.

Дня через два, на проселочной дороге, меня перегоняет худой окруженец, лет тридцати, с черными усами и небольшой сединой в висках. За плечами, как и у меня, висит полупустая торба.

— Далеко шагаешь, солдат? — он замедляет шаг. — Полагаю, попутчик не стеснит тебя?

Подтянутая фигура, четкая речь выдают в нем бывшего командира Красной Армии. По неписаному закону, окруженцев не принято расспрашивать, если человек сам не говорит.

— Опоздали мы с тобой, братишка, время перехода через Днепр упущено, — говорит он устало, — не раз пытался перебраться по льду, и все неудачно. Пытался искать партизан, далеко в лес проник, но поиски мои оказались безуспешными. Найти их совсем не просто...

Возле села мы договорились, что разойдемся, встретимся километров через пять за селением. До вечера сижу на условленном месте, но дожждаться нового знакомого так и не могу. Кто знает, может быть, как раз за огородами он и наварлся на проклятых полицаев?..

Жаль, что мы разлучились. Теперь окончательно уясняю себе: перейти через Днепр по льду не удастся. Остается только одно — разыскивать партизан...

...Чем ближе подходим к Днепру, тем труднее становится ходить. Мне рекомендуют быть осторожней, так как в каждом селе можно напороться на карателей. И я беру за правило — днем отсиживаться в поле, передвигаюсь ночью, а съестное добываю в крайних хатах в селах.

Прошла неделя. Двигаясь полями и перелесками, в обход многих сел, добираюсь к намеченной цели — к реке Днепр. Два дня отлеживался в будке рыбаков, присмотрелся, как пройти через реку. Ночью ползком я переполз реку, пошел дальше в поисках фронта.

К этому времени он ушел далеко на восток. По тылам немцев, мне удалось перейти линию фронта, я оказался у своих солдат.

Прошел все проверки в отделе «Смерш», потом был зачислен в артиллерийский полк. Еще раньше медицинская комиссия решила направить меня на излечение в медсанбат, оттуда на излечение в госпиталь.

На удивление товарищей по палате, я пошел на поправку, стал меньше кашлять.

Прошло два месяца, и я готов отправиться на фронт.

...Для того, чтобы пощупать прочность немецкой обороны, командование дивизии проводило наступательные операции силами нашего полка. В первых числах сентября полк получил приказ подготовиться к наступлению в направлении деревень Медведево и Вороново.

5 сентября по общему сигналу подразделения полка перешли в наступление. С первого же броска они встретили упорное сопротивление. Немцы открыли ураганный огонь. Ничто уже не смогло остановить наших бойцов. Они уверенно продвигались вперед. Пятая стрелковая рота первой ринулась в бой. Умело, уверенно командовал бойцами командир роты лейтенант Оконцов. Он получил пять ранений, но продолжал руководить ротой.

24 октября в 2 часа ночи около сотни фашистов, пользуясь темнотой, пытались обойти и захватить боевое охранение второго стрелкового батальона. В боевом охранении было всего 20 бойцов, вооруженные двумя ручными пулеметами, шестью автоматами, винтовками и гранатами. Кроме них, там находились два телефониста и артиллерийский наблюдатель. Они занимали четыре дзота и землянку. Все ог-

невые точки были связаны ходами сообщения и приспособлены для круговой обороны.

Неожиданно с разных сторон затрещали пулеметы, ударила немецкая артиллерия, а за ней минометы. Снаряды и мины сплошной стеной рвались позади боевого охранения, отрезая путь отхода нашим солдатам, немцы окружили взвод, который охранял боец Сурков. Внезапно в десяти шагах от него как из земли поднялись четыре темные фигуры с автоматами.

— Стой! Кто идет! — резко окликнул солдат.

— Свои, — послышался ответ, и тут же немец, шедший впереди, бросился на Суркова. Меткая пуля сразила фашистов наповал. Гитлеровец упал к ногам бойца. Не успел перезарядить винтовку, как по его каске ударили прикладом автомата, чьи-то цепкие руки больно сдавили горло. Сурков схватился с немцами врукопашную. На его выстрел и шум от второго взвода бежал уже с автоматом сержант Дубов. Он успел дать сигнал остальным огневым точкам. Дубов прибежал вовремя. Фашисты навалились на него и пытались его скрутить, но тот отбивался. Звонко взвизгнув, треснула короткая автоматная очередь, и железные объятия, сдавившие Суркова, разжались.

Двое уцелевших фашистов бросились наутек, но очереди пулеметчика Фролова скосили их. Солдаты огнем и гранатами стойко отражали натиск большой группы фашистов, пытавшихся смять оборону охранения. Чувствуя свое численное превосходство, немцы продолжали напирать. Не считаясь с потерями, они лезли напролом. Командир охранения лейтенант Котов приказал вытащить пулеметы из блиндажей.

Он расставил их так, что две фашистские группы попали под кинжальный огонь. Поле боя огласилось дикими воплями раненых фашистских солдат. Они стали отходить, бросая раненых и убитых. Прошло несколько минут, они вновь пошли в атаку. Ураганный огонь отбросил их назад. И на этот раз им не удалось сломить сопротивление наших солдат. Чтобы подобрать раненых и убитых, немцы предприняли третью атаку.

В ночное небо взвилась красная ракета, вызывая огонь нашей артиллерии. Первый залп потряс воздух. Зашуршали над головами снаряды. К артиллеристам присоединись ми-

нометчики. Поле боя задрожало от разрывов. Командир батальона капитан Любимов, как только получил сведения об остановке, приказал минометной роте открыть огонь по роще, отрезав путь отхода фашистам.

Получен приказ: взять безымянную высоту. На отлогом склоне высоты находились немецкие окопы, примерно в 800 метрах от наших окопов. За вражеской линией обороны чернел лес, в котором у фашистов стояли резервы. Прямо перед позициями роты возвышались пять немецких дзотов. Многие считали, что один из дзотов, крайний справа, ложный. Комполка отнесся к этому недоверчиво.

Гитлеровцы открыли огонь только тогда, когда наши бойцы были уже почти у самых немецких траншей. Весь долгий путь по нейтральной полосе Попов пробежал, не спуская глаз с крайнего дзота, и не ошибся. Из него замелькали вспышки выстрелов. Попов бросился на землю и крикнул соседу:

— Родионов, давай сюда ружье!

Молодой истребитель танков боец Родионов немедленно пристроился за холмиком и послал в амбразуру дзота несколько бронебойных зарядов. Пулемет замолчал. Тем временем завязалась схватка на левом фланге роты. Солдаты подползли к двум дзотам и забросили амбразуры гранатами. На правом фланге продолжали жить еще два дзота. Попов ползал по полю боя, как ящерица.

После боя, когда бойцы роты собрались вместе, все увидели, что осколком мины расщепило ложе автомата Попова, а пуля попала в кожух. Еще две пули пробили его шинель, он здоров и спокоен, как всегда.

— Это настоящее умение! — сказал с восхищением командир роты.

К утру 22 февраля 1943 года, части дивизии заняли исходные позиции, а ночью саперы вышли на свою опасную работу. К утру нужно было проделать несколько проходов в обороне противника.

А. Козин прошел к боевому охранению. Впереди, метрах в ста, немцы. Они огородили линию своей обороны колючей проволокой и минами. Сапер знал, что действовать надо осторожно и умело. Малейшая оплошность — и он может взлететь на воздух. В белом маскировочном халате, за-

рываясь в снег, со щупом в руке Козин пополз к проволочным заграждениям. В небе повисла ослепительно-белая ракета, выпущенная немцами. Она ярко осветила заснеженное поле. Сапер замер на месте, сливаясь со снегом.

Как только ракета угасла, Козин снова пополз вперед. В каждую минуту ему угрожала смерть. Строчили вражеские пулеметы, распарывая разноцветными трассами ночную темноту. Рвались мины. Но Сергей спокойно и уверенно делал свое дело. Кончик щупа наткнулся на что-то твердое.

— Мина... — подумал Козин и осторожно разрыл вокруг снег. Минуты через три обезвреженная мина с вывернутым взрывателем лежал на снегу. Сергей ползал то вправо, то влево, обезвреживая расставленные в шахматном порядке мины. Наконец, он добрался до проволоки, выбрал участок для прохода, подложил десять толковых шашек, присоединил к ним бикфордов шнур и пополз обратно. Он был уже в тридцати метрах от боевого охранения, когда сзади раздался оглушительный взрыв.

Свалившись в траншею и отряхивая снег, Козин весело сказал солдатам:

— Проход готов. Теперь смело можно идти.

С утра на переднем крае стояла тишина. Немцы не проявляли никакой активности, словно все у них вымерло. Наши наблюдатели внимательно следили за передним краем врага, но никакого движения не замечали.

В 10 часов загремели залпы орудий. Снаряды рвались на опушке леса в обороне противника. С каждой минутой огонь нарастал. Через полчаса артиллеристы перенесли огонь в глубину вражеской обороны, минут через пять снова начали обрабатывать передний край. Еще не умолкла канонада, когда поднялась наша пехота. Глубокий и рыхлый снег сдерживал движение солдат, но все же некоторые достигли проволочных заграждений. И тут ожили уцелевшие во время артналета немецкие пулеметы. Из глубины вражеской обороны ударили немецкие пулеметы и минометы. Поле покрылось разрывами снарядов и мин. Но бойцы неудержимо рвались вперед. До вражеских траншей остались считанные метры, но каждый из них стал последним для многих наших бойцов...

В то время из соседнего села ударила вражеская пушка. Фашистское орудие начало обстреливать наши огневые позиции. Но уже с третьего выстрела сержант Пульников разнес немецкую пушку.

Фашисты, не выдержав натиска бойцов второго батальона, поспешно начали отходить. Небольшие группы вражеских солдат пытались прорваться с соседнее село. Казалось, что им это удастся, но комбат предвидел такой оборот событий. Вот уже фашисты поравнялись с небольшой высотой, и в это время из небольших снежных завалов загремели выстрелы.

— В атаку! Бей фашистов! — крикнул лейтенант Иванов, поднимая роту. Закипела жаркая схватка. Через несколько минут вражеский гарнизон был разгромлен. Только несколькими фашистам удалось унести ноги и прорваться к своим.

Последовал приказ комбата продолжать наступление в направлении деревни Вишневки, за которую с утра вела бой первая стрелковая рота лейтенанта Алексина. Получив донесение о том, что в других деревнях нет врага, командир роты приказал занять их.

Преследуя отходившего врага, главные силы полка только миновали деревню, как разведка доложила, что село Каштаново занято немцами. Первый батальон ударил с фронта, а рота автоматчиков — с фланга. Поддержанные интенсивным минометным огнем, наши бойцы быстро теснили противника. Он яростно отбивался от немцев, поливая врага свинцом из крупнокалиберного пулемета.

Привал сделали ночью, в поле за Вязьмой. Уставшие, не спавшие двое суток, люди все же находили силы, чтобы почистить автоматы, орудия.

Гитлеровцы подтянули на заранее оборудованный рубеж обороны свежие силы пехоты и танки, пытаясь задержать наступление наших частей. По переднему краю обороны противника проходила сплошная траншея со стрелковыми ячейками. За ней на удалении двух километров просматривалась вторая линия обороны.

Дивизии была поставлена задача: наступать и овладеть селом, обеспечив пути движения основным силам корпуса.

После артподготовки, наши танки с десантом и стрелковые подразделения пошли в наступление. Люди и машины

вязли в грязи. За 15 минут пехота прошла всего лишь половину нейтральной полосы. И в этот момент гитлеровцы обрушили на атакующие цепи наших солдат сильный артмино-метный огонь. Один из танков, застрявший в грязи, был подбит, вскоре вспыхнул второй. Пехота залегла. Артиллеристы полка перенесли огонь по ожившим огневым точкам врага, а пехота снова поднялась и рванулась к проволочным заграждениям.

Командиры батареи, следуя боевым порядкам пехоты, дали команды открыть огонь по скапливающимся для контратаки фашистам и пулеметным точкам врага.

Бой продолжался до наступления полной темноты. На другой день, рано утром, снова загревели наши орудия. Дивизион «катюш» дал несколько залпов по деревьям. Пехота, после стремительного броска, ворвалась в первую траншею врага.

После трехдневных кровопролитных боев дивизия перешла к активной обороне на восточном берегу Днепра.

Я в этих боях был тяжело ранен, вернулся в дивизию после пяти месяцев госпитального лечения...

За пограничным знаком N 234 лежала земля тевтонских псов — рыцарей и «достойных» потомков — фашистских разбойников. Не ошибусь, если скажу, что не было солдата или офицера, который долгие годы войны не мечтал бы об этой волнующей сердце минуте.

Снова заработала наша артиллерия. В воздухе взревели авиационные моторы, краснозвездные штурмовики проносятся над полем боя, обрушивают на врага огонь пулеметов, пушек, реактивных снарядов.

Новый стремительный бросок пехоты. Гитлеровцы, прекратив сопротивление, поспешно отходят на новые позиции, стараясь закрепиться и удержать натиск наших наступающих солдат.

Фашисты, казалось, сделали все, чтобы задержать продвижение советских войск. На каждом шагу были противотанковые рвы, взрывали на дорогах все мосты, устанавливали, где только можно мины. Но и это не остановило наступающих солдат. Артиллеристы буквально на руках переносили орудия через препятствия и продвигались вместе с пехотой вперед.

День подходил к концу. Темнело. Солдаты роты завязали с фашистами перестрелку, отвлекая огонь на себя, а остальные подразделения полка во главе с комполка Коноваловым двинулись в обход через лес и болотистую местность. С большим трудом солдаты пробирались по глубокому снегу, тащили на своих плечах пулеметы, минометы, боеприпасы. Через час они вышли в тыл врага. Отсюда хорошо было слышно, как в городе гремел бой. Это подразделения другого полка пошли на штурм. Батальон взял курс на завод, солдаты капитана Павлова зацепились за группу кирпичных зданий завода и вели уличный бой, отбивая у фашистов одно здание за другим.

В это время, как гром среди ясного неба, на немцев с тыла обрушились батальоны стрелкового полка. В стане врага началась паника, но он и отбивался с цепкостью обреченного.

Вместе с пехотинцами артиллеристы втягиваются в две параллельные улицы, прочесывают одноэтажные здания пригорода, прямой наводкой уничтожают огневые точки противника.

Бойцы первого батальона выскочили на площадь и тут же вынуждены были залечь. Из здания небольшой церкви ударили сразу восемь немецких пулеметов. Пушечные батареи полка прямой наводкой открыли огонь по пулеметным гнездам.

Уверенно командовал расчетом сержант Буренков.

— По пулемету, что в церкви, гранатой, три снаряда, беглый огонь!

Наводчик спокойно наводит орудие в цель. Грохнул выстрел, за ним второй, третий. Когда дым рассеялся, Буренков увидел, что двух пулеметов как не было. Орудие продолжало вести огонь. Ранило подносчика снарядов. Командир орудия Буренков стоял вне укрытия, под сильным огнем врага. Не договорив команду, он вскрикнул и упал, сраженный снайперской пулей.

Тогда наводчик подал команду:

— За командира, десять снарядов, беглым, огонь!

Орудие снова заговорило, вышибая немцев из домов. Отважные артиллеристы уничтожили восемь пулеметов и около сотни немецких солдат.

За этот бой весь расчет был награжден орденом Славы третьей степени, а командир орденом Красного Знамени (посмертно).

Части дивизии, преследуя врага, вышли к укрепленному рубежу. За дело взялись артиллеристы. Уже после первых залпов, огневые точки противника были подавлены, что помогло пехоте продвигаться вперед.

Бойцы капитана Серегина ворвались в деревню, в коротком бою очистили ее от фашистов, закрепились на западной окраине. Первый и второй батальоны пошли дальше, наступая на следующий населенный пункт, и внезапно атаковали его. Фашисты, не ожидая такого удара, бросили свои рубежи, отступили в направлении города, расположенного в одном километре от деревни.

В одной из атак, я был тяжело ранен, после оказания первой помощи, был направлен в медсанбат. Далее госпиталь, потом комиссовали по состоянию здоровья.

За эти бои был награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны 2 степени, которые получил в 1949 году.

Прошло еще двадцать лет после войны. Однажды меня вызвали в горвоенкомат, рассказали о том, что я был представлен к награде, но я до сих пор не могу понять, где затерялись эти документы.

Однако мне была вручена медаль «За боевые заслуги», которой был награжден в начале 1943 года. Бог, с ними, наградами, они нашли меня...

... Врагу не добиться, чтоб склонилась твоя голова.

Этимися словами я признаю отвагу и доблесть всех моих боевых товарищей, живых и мертвых, мы должны отдать дань памяти им на века...

Сороковой год, пороховой склад.

У Гитлера дела идут на лад.

А наши как дела?

У пограничного столба,

Где наш боец и тот — зольдат, —

Судьба глядит в глаза судьба.

С утра до вечера. Глядят!

СТОЯТЬ НАСМЕРТЬ...

*Мужественным комсомольцам и
молодежи сороковых годов
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

Прикрывая Отчизну грудью своей,
В сорок первом, летом в дымной мгле.
Вы сражались так, что отзвук боя
Вечно будет слышен на нашей земле.

...Убеленные сединой ветераны осматривали, где они получили боевое крещение в июне 1941 года. Тогда, отражая натиск врага, бойцы дивизии стояли насмерть.

— Вот высота, на которой был наблюдательный пункт майора Серникова, командира 145-го гаубичного артиллерийского полка. — А по гребням высот находилась батарея лейтенанта Тихонова В.Р. На опушке леса, вдаль, находились первая и третья батареи противотанкового дивизиона. Какие, здесь были бои!

Неузнаваемо изменилось все. Ветераны быстро сориентировались на местности, безошибочно определили, где их батареи занимали огневые позиции, наносили удары по противнику, сражались до последнего снаряда, до последней гранаты...

Воспоминания боевых товарищей, сохранившиеся в архивах документы, помогли восстановить славные боевые страницы истории дивизии.

Перед самой войной части дивизии находились в Уреченских лагерях. 22 июля они были подняты по тревоге и направлены на место своей дислокации — в город Слуцк. Поздним вечером вошли в пылающий город — днем его бомбили фашисты.

Получив боеприпасы, полки сразу же двинулись через Копыль и Несвиж на Барановичи. 24 июля подразделения стрелкового полка, 124-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион и один дивизион гаубичного артиллерийского полка остановились на привал у 191-го километра шоссе Слуцк — Брест.

Около десяти часов утра за дальним лесом прогремели пушечные выстрелы, раздались длинные пулеметные очереди. Вскоре в распоряжение штаба дивизии вернулись раз-

ведчики. Взмолвленные, на их лицах были следы порохового дыма, пота, пыли. Командир подбежал к начальнику штаба дивизии.

— Товарищ подполковник! Рота попала в засаду... — и осекся, не находя слов, чтобы коротко, по уставу доложить о самом главном, существенном.

— Потери?

— Наши — четыре танка и два броневедомости.

— Немецкие?

— Три танка и два артиллерийских расчета.

Прошло несколько минут, последовала команда:

— Приготовиться к бою!

От подразделения к подразделению переходил батальонный комиссар В.И. Охильков, инструктировал партийных и комсомольских активистов, горячим большевистским словом вдохновлял людей перед их первым боем.

Тут же, в стрелковых ячейках и на артиллерийских огневых позициях, многие воины написали заявление с просьбой о приеме в партию. Отдал свое заявление комиссару и командир второй батареи противотанковых орудий комсомолец Карташов. «Если придется умереть за Родину, — писал боец, — хочу умереть коммунистом, а до этого очень хотелось бы уничтожить побольше фашистов».

Преодолев пригорок, немецкие бронетранспортеры приближались к позициям дивизии. За ними грохочущей вереницей выползали танки. Начальник штаба дивизии принял решение ударить по фашистам с самой короткой дистанции. Большие надежды возлагалось на артиллеристов. Они хорошо замаскировали свои позиции, и противник не заметил их. На батареях командиры отдавали последние распоряжения.

— Подпустить танки на самые короткие дистанции, — наставлял подчиненных лейтенант Тихонов. — Бить в борта, по гусеницам, по моторной группе. Фашисты не должны пройти.

— Задача ясна, товарищ лейтенант! — дружно отозвались воины. — Стоять до последнего снаряда!

Голоса артиллеристов потонули в лязге гусениц вражеских танков, а лейтенант Тихонов выжидал, пока приблизятся танки. С каждой секундой расстояние сокращалось. Триста! Двести, сто метров... Нервы напряжены до предела. Каждый

орудийный расчет уже выбрал себе цель. Лейтенант резко взмахнул рукой. Слова командира, перекрыв гул, привели в движение всю батарею.

— Огонь! Огонь!

От первых залпов два танка окутались черным дымом, третий, расстелив перебитую гусеницу, завертелся волчком. Ударили по врагу все батареи. Солдаты открыли ружейно-пулеметный огонь по вражеским бронетранспортерам. Из автомашин выскакивали гитлеровские солдаты, но попадали под уничтожающий огонь наших бойцов.

Враг не ожидал такого сопротивления. Некоторые танки попятились назад, укрылись за пригорком. Первый вражеский натиск был отбит. Фашисты, перестроив боевые порядки, вновь двинулись на позиции стрелков и артиллеристов. Танки с ходу и с коротких остановок вели огонь. За ними бежали автоматчики. Наши не дрогнули. Пропустив танки врага через свои позиции, бойцы дружным и метким огнем отсекали автоматчиков и заставили их залечь на ровном поле. По вражеской пехоте шрапнелью ударили артиллеристы. Фашисты несли большие потери, но не отходили. Их танки, проутюжив окопы стрелков, устремились к позициям артиллеристов. Особенно жарко было на батарее лейтенанта Тихонова. Находясь в мелколесье, ближе всех к шоссе, она приняла на себя основной удар немецких танков.

Первая атака противника захлебнулась. Автоматчики начали отходить. Повернули и танки, оставив на поле боя шесть дымящихся костров. Над полем боя загремело «ура!». Это в контратаку поднялись бойцы стрелкового полка.

Потом наступила тишина. Начальник штаба вызвал к себе начальника артиллерии дивизии полковника С.Ю.Морозова.

— Здесь нам фашистов не остановить, — сказал он, — слишком неравные силы. Поезжай, у моста останови все части дивизии. Срочно готовьте оборону у переправы. Враг не оставит нас в покое. Скоро пойдет в очередную атаку. Постараемся задержать его здесь, чтобы дать вам возможность закрепиться, иного выхода нет.

В тот день легкий артиллерийский полк вместе со стрелковым полком подходили к городу Барановичи. Наблюдатели сообщили о приближении вражеских самолетов. Вскоре все услышали надрывное гудение. Девятка фашистских бом-

бардировщиков появилась над городом. Сделав круг, самолеты начали выбрасывать десантников в районе аэродрома.

Командир легкого артиллерийского полка майор Волков В. А. приказал лейтенанту Шалину В.А. открыть огонь по десанту. В считанные минуты батарея была готова и открыла огонь.

— По воздушному десанту шрапнелью — беглый огонь! — скомандовал лейтенант.

Первыми залпами большинство десантников было уничтожено. На земле их встретили огнем бойцы батальона аэродромного обслуживания.

— Первый экзамен вроде бы выдержали, — сказал политрук батареи А. Шмелев. Политруку было отрадно, что батарея выиграла бой. Родовались и артиллеристы, ведь десятки фашистов были уничтожены их метким огнем.

— Это только начало, — произнес взводный, обращаясь к расчетам.

Потом был переход, забыв об усталости, сразу же приступили к оборудованию огневых позиций. Здесь, у реки, части стрелковых дивизий с восьми часов утра вели тяжелый бой с превосходящими силами 47-го моторизированного корпуса противника.

Начальник штаба не ошибся, не прошло и часа, как враг начал новую атаку. Около 20 самолетов обрушили на позиции дивизии смертоносный груз.

Слева от шоссе, с небольшой возвышенности, засеянной с осени озимой рожью, ударили по фашистским бронетранспортерам и автомашинам с пехотой наши мощные станковые пулеметы «максим» из пулеметной роты полка. С большим волнением нажал на гашетки пулеметчик Леонов. Ведь он впервые открыл огонь по живому противнику, по фашистам. Он бил по гитлеровцам прицельно, длинными очередями. Немцы замертво падали на землю, которую пришли завоевать.

Когда дружный залп артиллеристов возвестил о начале боя, по бронетранспортерам врага ударили и стрелки. Старались бить метко, беря на мушку очередного фашиста.

Удар наших частей для фашистов был неожиданным. Они вначале растерялись. Несколько танков горели на дороге, остальные, оставив пехоту, попятились назад, укрылись

за пригорком. Но замешательство гитлеровцев было кратковременным. Через некоторое время по позициям наших бойцов открыла огонь немецкая артиллерия и минометы. В воздухе появился самолет-разведчик «Фокке-Вульф-189», позже прозванный нашими солдатами «рамой». Он корректировал огонь вражеской артиллерии и минометных батарей.

По самолету-разведчику открыл огонь из зенитной пулеметной установки рядовой Сергеев. Он вел сильный огонь, отгоняя само лет от позиций наших воинов. Фашистский летчик заметил зенитную установку и решил ее уничтожить. На бреющем полете он ударил пулеметными очередями по зенитчикам. Сделал один заход, потом второй, третий, но Сергеев не прекращал огня. Бил по самолету врага и тогда, когда весь расчет погиб, сам получил несколько ранений.

И снова «рама» появилась над установкой. Огненные трассы устремились на клочок земли, где размещалась зенитная установка, а навстречу им к самолету протянулись раскаленные свинцовые струи из нашего пулемета.

Пулеметная очередь, наконец-то достала фашистского стервятника — и самолет был, видимо, опытный летчик — известно, что на разведывательные полеты посылались не новички, а лучшие пилоты летных частей — его последняя очередь буквально изрешетила отважного зенитчика. Он выпустил ручки пулемета, тело его безжизненно сползло на землю...

Самолет врага успел передать координаты расположения обороны дивизии. Сначала они бомбили, а когда кончились бомбы, стали поливать огнем наших бойцов из пулеметов. Стрелки открыли огонь по самолетам из винтовок и ручных пулеметов.

Не осела еще поднятая взрывами бомб земля, как ударили пушки и минометы. Сорок минут рвались снаряды и мины. Половину неба заволокло дымом и пылью. На головы солдат сыпались осколки, комья земли, падали вырванные деревья. Сраженные осколками, стиснув оружие в руках, умирали бойцы. Раненые не ползли в тыл, наспех перевязав кровоточащие раны, ложились за пулеметы, прижимали к плечу приклады винтовок, готовили связки гранат.

Потери были большие, и каждый, кто еще видел ха черной тучей дыма скорбное солнце, отчетливо создавал, что ему, живому, за всех, драться не только за себя — за троих, десятерых, за всех, кто уже погиб, кто не может вонзить в тело ненавистного врага свой штык, оглушить фашиста прикладом, задушить своими руками...

В атаку двинулись вражеские танки в сопровождении автоматчиков. Пропустив бронированные машины, солдаты стряхивали с себя землю и поднимались над полуразрушенными окопами, чтобы метким огнем отрезать от танков пехоту врага и уничтожить ее.

Невиданную стойкость в этом бою проявили артиллеристы. С первых же выстрелов батарея лейтенанта Тихонова подожгла фашистский танк, второму перебила гусеницу. Вскоре клубы дыма обволокли еще одну машину. Уцелевшие танки устремились на батарею, пытаясь охватить ее с флангов. На помощь пришли расчеты двух орудий гаубичного полка. Они подожгли три танка врага. Еще два танка задымили от метких выстрелов Тихонова, вставшего к орудиям за наводчика. Артиллеристы в упор расстреливали немецкие танки, и сами погибали в неравном бою.

Вот у орудия Тихонов точно прирос к прицелу. Заряжающий Иванов едва поспевал подносить снаряды к неумолкающему орудиям. Но вот и он погиб, сраженный осколком. Фашистским танкам, казалось, нет счета. Их действительно было много. На горстку артиллеристов двигалась целая армада.

Подминая кусты, непрерывно ведя огонь, на пушку лейтенанта Тихонова опять наползает танк с черной свастикой на бортах. Минута, другая — и пушка вместе с лейтенантом будет раздавлена, вмята в землю. Но комсомолец стоит непоколебимо. Между ним и фашистским танком — не приметный пригорок. Взираясь на него, танк на какое-то мгновение показал уязвимое место — днище.

Этого момента и ждал лейтенант Тихонов. Резко прозвучал пушечный выстрел, и стальная машина, вздрогнув, остановилась в нескольких метрах от маленькой пушки. Снаряд точно попал в днище танка и разворотил его.

...После окончания средней школы, Тихонов подал заявление в райвоенкомат с просьбой направить его на учебу в

военное училище. Стал курсантом Пензенского артиллерийского училища. В 1940 году, после торжественного выпуска, лейтенант Тихонов прибыл в отдельный противотанковый дивизион на должность командира батареи. В составе этого дивизиона он и принял участие в ожесточенном встречном бою против вражеской армады танков врага.

Его веселый нрав, объективность в оценках, честность и рассудительность завоевали любовь и уважение подчиненных. Прекрасные знания боевой техники, использование всех ее возможностей, высокие требования к себе и подчиненным помогли в первом же бою нанести тяжелый урон противнику...

Поединок с танками разгорается с новой силой. Тихонов ведет огонь прямой наводкой. Еще один танк, подбитый им, останавливается в нескольких метрах. На позицию бесстрашного лейтенанта ринулась стальная махина. На помощь пришел лейтенант Бобров. Когда немецкий танк повернулся к нему бортом, он поразил его бронебойным снарядом — еще один танк запылал.

Один из снарядов разорвался вблизи. Командира взвода отбросило взрывной волной, оглушило и засыпало комьями земли. Вскочив на ноги, лейтенант бросился к пушке. Руки привычно нащупали ручки маховиков механизма наводки. Как же наводить? Прицельное приспособление было разбито вдребезги осколком снаряда. Опытный артиллерист не растерялся. Открыв затвор, по стволу наводил на танк, послал снаряд в надвигавшийся на огневую позицию танк.

— Спокойнее, спокойнее, — приказывал Бобров сам себе. — Бить только по уязвимым местам, наверняка.

— Товарищ лейтенант! — с тревогой в голосе доложил Павлов. — Осталось лишь два снаряда...

К огневой позиции на большой скорости мчался гитлеровский танк. Первый снаряд, посланный Бобровым, срикошетил, второй — заклинил башню. Но в это время вражеский снаряд угодил щит их пушки. Вскоре, придя в себя от сильного удара, бойцы стали осматривать местность, ища уцелевшие пушки. Им повезло — справа, в кустарнике, стояла пушка. Подползли к ней. Пушка была исправна, но без панорамы и без единого снаряда. заряжающий обшарил позицию и притащил три снаряда. Открыв затвор, Бобров че-

рез канал ствола навел орудие в приближающий танк. Выстрел — машина, окутанная дымом, остановилась. Фашисты заметили «ожившую» пушку и бросили против нее три бронированные машины. После того как еще один фашистский танк задымил, пушка от ударившего в нее снаряда замолкла. Бобров в ярости сжал кулаки.

— Танк! — крикнул подносчик и мгновенно оттолкнул лейтенанта в сторону. В это же время раздался скрежет, и сорокапятка оказалась под гусеницами фашистского танка.

— Теперь все, — пересохшими губами шептал подносчик. — Ни пушек у нас нет, ни снарядов.

— Нет, не все, — возразил командир огневого взвода лейтенант Бобров. — Слышишь слева от нас стрельбу. Там, на высотах, дерутся наши пехотинцы. Пошли туда.

И по опушке леса они направились на отзвуки боя. По пути в одном из окопов подобрали возле убитого стрелка ручной пулемет и несколько дисков с патронами. Вскоре они пристали к одному из подразделений стрелкового полка и продолжали сражаться с гитлеровцами.

Семен Иванович Бобров прошел всю войну. Командовал батареей, громил врага на различных фронтах. Встречал со своими орудиями Победу. Был ранен несколько раз, награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны 1 и 2 ст., тремя орденами Красной Звезды, двумя медалями «За отвагу», медалями «За оборону Сталинграда», «За взятие Кенигсберга», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина». Умер в 1998 г.

На правом фланге упорное сопротивление врагу оказала батарея Воынова С.И.

Даже когда от нее осталось лишь одно орудие, артиллеристы не дрогнули. Не испугался врага и старший сержант Васильев, который из всего расчета только один мог еще стоять на ногах. Прямой наводкой вел огонь по танкам противника. Кончились бронебойные снаряды — в дело пошли осколочные. Три танки врага подбил в этом неравном бою.

Однако вернемся к первым дням войны.

Около двух часов длился ожесточенный бой. 24 июня 1941 года на 191-м километре шоссе Брест—Слуцк, тяжелые потери понес отдельный истребительно-противотанковый дивизион, в котором воевал С.И.Бобров.

В наградном листе, подписанном начальником штаба дивизии капитаном Зайковым, говорилось, что 9 июля 1941 года в первом бою 24 июня 1941 года, дивизион совместно с бойцами стрелкового полка уничтожил 20 танков врага. Во втором бою в этот же день артиллеристы дивизиона уже совместно бойцами другого стрелкового полка на берегу реки Щара уничтожили еще 18 немецких танков.

За личное мужество и героизм, умелое руководство дивизионом в бою 24 июня 1941 года с фашистскими захватчиками С.И.Бобров представляется к награждению орденом Красного Знамени.

В тот день дивизион на два часа задержал продвижение главной ударной группировки немецких армий «Центр» — 2-й танковой группы Гудериана. Фашисты потеряли здесь около трех десятков танков, много автомашин и бронемашин, бронетранспортеров, сотни солдат и офицеров. Ценою немалых потерь удалось противнику прорваться через заслон наших войск на восток...

Прорвавшись к Слониму, противник намеревался с ходу захватить город. Но и здесь он встретил ожесточенное сопротивление частей и подразделений двух дивизий.

Вражеские танки шли напролом. Вся надежда была на только что прибывших артиллеристов, и они в полной мере проявили свое воинское мастерство, выдержку, мужество, верность присяге. В этих боях артиллеристы уничтожили 15 немецких танков. Утром 25 июня по приказу командования майор Максимов повел свой полк на соединение с дивизией, но это ему удалось сделать лишь 5 июля. Отходил полк с тяжелыми потерями, нес невосполнимые потери, изрядно изматывая силы врага.

Батарея лейтенанта Шалина стояла на прямой наводке против моста, которым пытались овладеть немцы. Они не посчитались с потерями. Атаки следовали одна за другой. Подпуская фашистов на 200—250 метров, артиллеристы уничтожали их шрапнелью, осколочными гранатами. Сотни фашистов нашли свою погибель на подступах к мосту и в реке.

Не сумев сломить сопротивление наших бойцов, немцы бросились искать брод через реку и во второй половине дня нашли его в нескольких километрах севернее моста. Колонна фашистских танков, поднимая клубы пыли, потянулась к бе-

регу реки. Создавалась реальная угроза их выхода в тыл наших войск, оборонявших переправу.

Майор Максимов приказал лейтенанту Шалину снять с позиции батарею и любой ценой преградить противнику путь на восточный берег. Батарея успела во время: один танк уже подходил к восточному берегу, другой был на середине реки, третий приближался к воде. Несколько танков двигалось вдоль опушки леса, подходившего вплотную к берегу реки. Батарея с ходу заняла огневую позицию и открыла огонь по танкам, преодолевавшим юрод. Они были поражены первыми же выстрелами, а затем орудия ударили по машинам на опушке леса. Гитлеровцы, видимо, решили, что наскочили на засаду и, сделав по батарее несколько выстрелов, отошли в глубь леса. В этот день они больше не пытались воспользоваться бродом.

Батарея Шалина была неуловимой. В самых неожиданных местах она расстреливала фашистские танки и автомашины с пехотой и тут же меняла позиции.

Не один день охотился за ней неприятельский разведывательный самолет «рама». Он направлял на позиции артиллеристов бомбардировщиков, но батарея уже вела огонь с других позиций.

Лейтенант Шалин решил проучить гитлеровских разведчиков. Однажды, после очередного «зависания» самолета над косой, на которой находилась батарея, он приказал открыть огонь. Расчеты артиллеристов оказались правильными. Самолет был сбит.

Как только на шоссе, у моста через Щару, появились вражеские танки, по ним открыли огонь артиллеристы гаубичного полка. Они занимали огневые позиции на возвышенных местах, на опушке леса вдоль восточного берега реки. Снаряды рвались в гуще вражеских танков. То в одном, то в другом месте вспыхивали языки пламени и поднимались черные столбы дыма. Это горели танки противника. Первая атака фашистов захлебнулась. Тогда вражеские бомбардировщики на место расположения полка обрушили тонны смертоносного металла. С включенными сиренами, издававшими дикий вой, от которого в ушах лопались перепонки, пикировали они на позиции дивизии. Однако и это не помогло.

Враг упорно стремился захватить переправу (деревянный мост), но подходы к нему держали под своим огнем наши артиллеристы и стрелки. Поступил приказ о том, что надо уничтожить данный мост. К мосту поползли саперы, но ни один из них не достиг его. Тогда с двумя канистрами бензина пополз комсомолец Семенов. Он метр за метром преодолевал расстояние до цели. Наконец достиг ее. Прекратили огонь наши артиллеристы. Но на мосту стали рваться вражеские снаряды и мины. Осыпaeмый осколками, Семенов дополз до моста, облил его бензином и зажег. В этот момент пуля сразила его. Ценой жизни комсомолец выполнил приказ командира, уничтожив мост, помешал фашистам начать переправу войск.

Бой у переправы продолжался до поздней ночи. Атаки фашистов следовали одна за другой. Обработка наших позиций авиацией сменялась минометным огнем. Немецкие автоматчики пытались под прикрытием танков форсировать реку, но всякий раз вынуждены были отступать, теряя убитыми и ранеными.

Огромные потери понесла дивизия. Дивизион потерял в боях почти все свои пушки. Остались две и те иссеченные осколками вражеских снарядов. В гаубичном полку остались не более десяти гаубиц. Стрелковые части потеряли больше половины своего состава.

Ночью на 25 июня поступил приказ дивизии, отойти на новый рубеж. Стрелковые части снялись ночью и отошли. Прикрывать отход основных сил дивизии было поручено сводному отряду из бойцов стрелкового полка. Для их поддержки выделили несколько орудий, среди которых были расчеты лейтенанта Шалина.

25 июня с рассветом гитлеровцы открыли ураганный огонь по обороне наших войск на восточном берегу реки. А затем автоматчики начали форсировать реку, но оставшийся для прикрытия сводный отряд стойко удерживал левый берег реки, срывал атаки немцев. Таяли и ряды защитников. Возле орудий оставалось по 2 — 3 человека, но каждый сражался за двоих. Кончились снаряды. От осколков разорвавшегося снаряда был контужен наводчик Яковлев, получил ранение Рыбаков. Однако артиллеристы продолжали вести огонь по врагу, пытающемуся форсировать реку. Рядом с

пушкой очередной снаряд вздыбил землю. Раненные осколками и командир, и наводчик падают. Они не в силах подняться, чтобы послать очередной снаряд в гитлеровцев. Да и орудие выведено из строя. Отходившие от переправы стрелки наткнулись на засыпанных землей и истекающих кровью артиллеристов и унесли их в тыл.

У переправы на восточном берегу реки занимал оборону пулеметный взвод под командованием лейтенанта Рыкова. Не одну атаку немцев отбили 24 июня. Плотным огнем из пулеметов, взвод не позволял фашистам даже приблизиться к восточному берегу реки.

После отхода на новый рубеж, взвод был оставлен для прикрытия. Утром гитлеровцы пытались форсировать реку, но пулеметчики отбросили их от берега. Однако враг не успокаивался. Во время одного из артиллеристских налетов фашистами был выведен из строя весь расчет нашей гаубицы.

Тогда Рыков встал у орудия и несколькими выстрелами уничтожил мост, кроме того, подбил три танка врага. Он увел с берега своих пулеметчиков лишь тогда, когда была разбита гаубица, и повреждены все пулеметы.

За эти бои был отмечен расчет пулеметчиков во главе Рыковым орденом Красного Знамени

Рыков прошел фронтовыми дорогами всю войну. После демобилизации работал главным агрономом МТС, председателем колхоза в Кустанайской области. Умер в 1958 году.

Среди бойцов и командиров, отмеченных наградами за мужество и героизм в первых боях против фашистов, была и военфельдшер отдельного истребительно-противотанкового дивизиона Галина Васильевна Коркина.

Когда начались первые бои, она оказывала раненым медицинскую помощь. Не страшась ни пуль, ни осколков, выносила раненых с поля боя. С неизменной брезентовой сумкой с красным крестом, она появлялась в самых жарких местах, выполняя свою благодарную работу спокойно и добросовестно. Многим бойцам и командирам в буквальном смысле слова спасла жизнь, оказав своевременную помощь.

24 июня, Галина Васильевна вынесла с поля боя более двадцати раненых артиллеристов. Увидев, что два танка, уничтожившие орудие лейтенанта Тихонова, двигаются к месту, где лежали раненые, Коркина крикнула:

— Кто может держать гранаты — за мной!

Она схватила гранаты и поползла навстречу танкам. Ее догнали раненый в голову сержант и три бойца. У каждого было по связке гранат.

— Товарищ военфельдшер! — остановил ее сержант. — Вам надо быть при раненых, а с танками мы справимся сами.

Взяв у нее гранаты, сержант пополз вперед. Бойцы — за ним.

Через несколько минут раздалось два взрыва. Обратно вернулись лишь два бойца. Они рассказали, что сержант и один из бойцов со связками гранат бросились под танки, взорвав их.

Когда гитлеровцы двинулись по шоссе дальше, Коркина накормила раненых, перевязав их, лесами повела на восток. Они в течение месяца шли на восток, и вышли к передовым позициям стрелкового корпуса...

ЗА ТАНКАМИ — ПРЯМО ПО ДЫМНОМУ СЛЕДУ...

108-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора А.И.Мавричева получил приказ занять линию обороны на участке Красное — Дзержинск — Станьково. На левом фланге занял оборону 444-й стрелковый полк полковника И.И.Петухова. В районе Дзержинска создавался узел сопротивления, в состав которого должны входить батальоны 444-го полка, дивизион 575-го артиллерийского полка, артиллерийский и пулеметные доты Минского укрепленного района.

26 июня первые отряды мотоциклистов противника появились у деревни Дягильно. Их встретили пулеметным огнем бойцы стрелкового полка. Подразделения полка занимали оборону левее артиллерийского дота и держали под обстрелом Негорелое—Минск. Атака была отбита. Через некоторое время на шоссе появились танки врага, они попали под огонь пушек артиллерийского полка. И атака была отбита. В тот же день, гитлеровцы пытались несколько раз прорваться к Дзержинску, но тщетно. Стрелки и артиллеристы встретили врага плотным огнем. Слаженно сработали оба дота: пулеметный отсекал пехоту от танков, артиллерийский — расстреливал танки. Создавалась плотная огневая стена на пути движения фашистов. Противник отступал, неся большие потери в живой силе и технике.

Однако наличных сил в дивизии было явно недостаточно, чтобы полностью обеспечить оборону почти сорока километрового участка.

27 июня ожесточенные бои возникли на дороге Рубеживичи—Дзержинск. Уже несколько атак врага захлебнулось, но фашисты как одержимые все лезли и лезли из леса.

Поле было устлано трупками вражеских солдат. От подбитых бронемашин и танков поднимались в небо черные столбы дыма.

Немецкое командование, пытавшееся сломить сопротивление наших войск наземными силами, прибегало к помощи авиации. Построившись в большой круг, они методично, один за другим пикировали на цель, сбрасывая смертоносный груз. Как только бомбардировщики улетели, цепи гитлеровцев при поддержке танков, устремились в оче-

редную атаку. Бойцы дали им возможность подняться на гребень высоты, а затем открыли меткий, уничтожительный огонь из дотов и окопов.

Противник, хотя и нес большие потери, однако не оставлял надежды прорваться к Дзержинску. Но это ему не удавалось. И даже после получасового артиллерийского обстрела наших позиций он не мог продвинуться вперед. Тогда был предпринят новый налет бомбардировщиков. Вот они над целью. Когда первый перешел в пике, из пулеметного дота взвилась в небо серия разноцветных ракет в направлении Рубеживичи—Дзержинск. Тут же самолеты устремились к дороге, по которой двигались автомашины, танки, мотоциклисты, и стали бомбить, расстреливать колонну из пулеметов.

27 июня восхищение бойцов вызвало героическое единоборство с танками врага артиллерийской батареи лейтенанта А.Л.Никифорова, расположившейся на опушке леса юго-западнее Дзержинска. Когда немецкие танки начали гореть от артиллерийских залпов наших батарей, противник решил обойти город слева. Около 30 вражеских танков и до батальона автоматчиков устремились на позиции батарей и стрелков полка. От метких выстрелов артиллеристов запылали сначала два танка, потом еще два. Завертелись на месте с перебитыми гусеницами четыре стальных машины. Вот еще две объаты пламенем, остальные повернулись назад. И атака была сорвана.

После этого командир батареи приказал сменить позиции. Хорошо обученные артиллерийские расчеты это сделали в короткий срок. Через 30—40 минут над опушкой леса, где прежде были позиции батареи, и появились шесть немецких бомбардировщиков. Кружась, они один за другим сбрасывали тонны взрывчатки, стремясь уничтожить батарею.

Как только фашистские самолеты улетели, батарея снова заняла прежние позиции. Уж очень удобными они оказались для ведения огня по вражеским танкам. Вскоре началась новая танковая атака, но и она захлебнулась. Потеряв еще две машины, гитлеровцы откатились на исходные позиции. И снова, кружа над лесом, бомбардировщики сыплют бомбы на пустое место, а после их отлета артиллеристы занимают прежний рубеж.

Во время третьей атаки были подбиты два наших орудия и выведен из строя почти весь орудийный расчет. Остались лишь командир батареи, заряжающий и подносчик снарядов. Враг и на этот раз не прорвался через позиции обороняющихся бойцов.

Началась очередная атака. Немцы обстреливали опушку леса из танков, которые двигались широким фронтом. Командир батареи старался тщательно выбирать цель, чтобы ни один снаряд не пропал даром и бил без промаха. Запылал один, затем второй танк. Третий замер с перебитой гусеницей. Но остальные неумолимо продвигались к лесу. В это время рядом с пушкой разорвался вражеский снаряд, лейтенанта отбросило от щита. Но он поднялся и направился к ящику со снарядами. С трудом, подняв один из снарядов, он медленно пошел к пушке. Слева на нее мчался фашистский танк, которого лейтенант не видел, сосредоточив, все свое внимание на двух танках справа, приближавшихся к позициям батареи. Танк, появившийся слева, подмял под себя последнюю пушку батареи вместе с ее командиром...

Медицинские работники под огнем постоянно висевших в воздухе фашистских самолетов, не жалея себя, выполняли свои благородные обязанности — помогали искалеченным бойцам, возвращали их в строй.

Хирургическая сестра старший военфельдшер дивизии В.Е.Слесаренко рассказывала:

— Я прибыла в дивизию в июне 1941 года, когда шли тяжелые бои в районе Дзержинска. Там оборону держал наш 444-й стрелковый полк совместно с артиллеристами. Наши бойцы сражались с врагом храбро, держались на своих позициях стойко. Много фашистов оставили на поле боя, но и сами несли потери. Особенно много было раненых 27 и 28 июня. Мы, медики, работали без отдыха, без перерыва и не успевали обрабатывать раненых. Нам было трудно еще из-за того, что немцы стреляли разрывными пулями, и раны от них были огромные, страшные.

Страшно было смотреть на то, что творилось вокруг. Любое передвижение военных, тут же фиксировалось вражескими самолетами, бомбилось и обстреливалось.

Около 12 часов дня на шоссе Дзержинск — Минск появилась колонна фашистов. Боевое охранение пропустило три танка, которые шли впереди колонны, и ударило из пулеметов по

автомашинам с пехотой. Несколько машин загорели. Фашисты открыли ответный огонь. По танкам ударили гаубицы, полковая артиллерия. Все три танка были сожжены, а автоматчики, оставшись без прикрытия, отошли.

Часа через два атака фашистов повторилась. В ней участвовали уже 15 танков. Пять из них было подбито артиллеристами, но восемь вражеских машин, раздавив два орудия полковой артиллерии и две гаубицы, прорвались в тыл и напали в лесу на штабы корпуса и армий. С помощью батареи 170-го отдельного противотанкового дивизиона были подбиты и уничтожены. Атака и на этот раз была отбита.

С тяжелыми боями остатки двух полков дивизии, отходили к Минску. 28 июня у деревни Волковичи произошел ожесточенный бой. Фашисты бросили против еще не успевших окопаться бойцов дивизии, несколько десятков танков и около батальона автоматчиков. Артиллеристы гаубичного полка, открывшие огонь по вражеским танкам, стояли на смерть, до последнего снаряда.

Гитлеровские танки, смяв оборону горстки бойцов, устремились на Минск. Оставшиеся в живых бойцы дивизии отошли за Березино».

ГОДЫ НЕ СМОГЛИ СРАВНЯТЬ СОЛДАТСКИЕ ОКОПЫ...

*Солдатская гимнастерка зеленовата цветом,
В пехоте она буреет, бурее корки на хлебе.
Но если ее стирают зимою, весною и летом —
После двухсотой стирки она бела, как лебедь.*

...В середине июня 1941 года, 249-й гаубичный артиллерийский полк, которым командовал майор Королев Михаил Петрович, выехал в летние лагеря в районе Минска.

После выгрузки из вагонов весь личный состав разместился в лесу, оборудовали палаточный лагерь. Начальник штаба полка открыл митинг, на котором личный состав полка прослушал заявление Советского правительства. На митинге бойцы поклялись драться, не щадя своей жизни, за честь, свободу и независимость Родины.

На дороге, идущей от Минска, на высоте 336,5 находился дот с двумя станковыми пулеметами. Обслуживали его бойцы отдельного пулеметного батальона специальных войск Минского укрепрайона. Батальоном командовал лейтенант Сухов А.Н.

Около дота были установлены пушки отдельного противотанкового дивизиона, которые поддерживали своим огнем дот. Стрелки первого батальона рыли окопы в 200—300 метрах перед дотом. Между ними и дотом, чуть в стороне, разместился наблюдательный пункт корректировщиков-артиллеристов.

Глубокой ночью, группа добровольцев из стрелкового полка отправились на разведку. Вел их капитан Попов В.Ю., уроженец этих мест.

В нескольких километрах от своих позиций разведчики обнаружили скопление вражеской техники. Отметив на карте место стоянки врага и прихватив отошедшего в лес танкиста, разведчики поспешили вернуться в часть. О результатах разведки доложили командиру полка, а он — в штаб дивизии.

На рассвете по вражескому лагерю гаубичный артиллерийский полк нанес огневой удар. Позже на поле боя был подобран раненый гитлеровский танкист, который рассказал, что в результате этого удара было уничтожено десять

танков, семь танкеток, около десятка бронемашин и более ста солдат и офицеров.

Враг пришел в себя и с помощью подоспевшего подкрепления начал танковую атаку. Получив сведения о противнике, комбат дал приказ подготовиться к бою.

— Доложите обстановку, — приказал комбат лейтенант Самохин В.О.

— Танки движутся тремя волнами. Для маскировки они закрыты ветками. За ними более роты автоматчиков. Находятся в квадрате тридцать.

Танки врага двигались на средней скорости. Наши артиллеристы не спешили открывать огонь, ждали команды корректировщиков.

Первая волна танков с автоматчиками на броне появилась в полосе обстрела батареи. Поступила команда на корректировку прицелов:

— По танкам врага, батарея, огоны!

После нескольких залпов запылали три фашистских танка. В бой вступили противотанковые пушки истребителей у дота. Пулеметы стрелков и бойцов из дота заставили залечь немецких автоматчиков. Встретив заградительный огонь наших бойцов, танки врага повернули обратно. На пути к лесу задымили еще три машины.

Потерпев неудачу, фашисты открыли по позициям наших бойцов сильный артиллерийский и минометный огонь. Обстрел длился около часа. Наша артиллерия молчала, так как в полку было очень мало снарядов.

Длительная артиллерийская подготовка врага закончилась атакой. Фашисты бросили до батальона автоматчиков в сопровождении танков. Однако, понеся большие потери в живой силе и технике, вынуждены были отойти назад.

После артиллерийского налета на скопление вражеской техники, утром, после отражения первых атак врага командир гаубичного полка дал задание по наличию снарядов в батареях.

Посыльный через несколько минут связался по телефону, доложил о наличии снарядов в батареях.

— Прикажете батареям сменить огневые позиции и вывести орудия ближе к стрелкам, чтобы вести огонь прямой наводкой.

Вскоре майор Конев А.С. был вызван на НП дивизии.

— Подойдите поближе к столу, майор, — приказал командир дивизии. — Вражеские минометы довольно точно бьют по нашему командному пункту. Уже имеем потери. Вам необходимо обнаружить эти минометы и уничтожить. А как у вас со снарядами? — добавил комдив.

— Плохо, товарищ полковник. К гаубицам третьего дивизиона нет ни одного снаряда. К двум другим снарядов очень мало. Командир полка приказал вывезти батареи на стрельбу прямой наводкой.

На западе, где были позиции стрелковых частей, куда по приказу командира полка выдвинулся дивизион гаубиц, завязалась ожесточенная стрельба.

Пулеметы стрелков и «максимы» бойцов из дота заставили гитлеровских автоматчиков отстать от танков. Дивизион гаубиц и противотанковая пушка у дота били по фашистским машинам. Несколько машин от метких попаданий артиллеристов замерло на ржаном поле. Однако три танка фашистов добрались до окопов и начали их утюжить. Стрелков спасла глубина окопов. Не вырой они накануне окопы в полный профиль, для многих этот день бой был бы последним.

Вскоре у окопов вспыхнул один гитлеровский танк, за ним и второй. Это бойцы стрелкового взвода, которым командовал лейтенант Сакович, применяли связки гранат и бутылки с бензином. Несколько танков прорвалось через окопы к доту. Артиллеристы противотанковой пушки подбили один танк, но остальные весь свой огонь сосредоточили на пушке.

Гаубица открыла огонь по танкам, которые пытались использовать «мертвое пространство» и блокировать дот. Противотанковая пушка не выдержала поединка, ее расчет подбил два танка, но и сам погиб вместе с пушкой. Поэтому фашисты почти беспрепятственно стали бить по амбразурам дота.

Во второй половине дня вражеские самолеты стали бомбить окопы батальона стрелков и огневые позиции артиллеристов. Одновременно были брошены в атаку танки и автоматчики. Но и эта атака захлебнулась.

Наших стрелков и артиллеристов сильно донимали минометы. Били они размеренно и методично, накрывая огнем

поочередно квадрат за квадратом. Доставалось от них и артиллеристским наблюдателям. Около полудня на НП раздался телефонный звонок.

— Немедленно найдите расположения минометных батарей врага и сообщите координаты.

Вскоре были обнаружены огневые позиции немецких минометов. Одна минометная батарея была расположена на окраине деревни, другая пристроилась на опушке леса. Обо всем было доложено на КП.

Артиллеристы сделали два залпа, и батарея, которая была расположена на окраине деревни, уничтожена. Вторая батарея была подавлена после двух залпов.

— Товарищ полковник, ваше приказание выполнено. Минометные батареи противника уничтожены вместе с расчетами.

Получен приказ: немедленно отправить батарею на левый фланг обороны.

Вскоре третья батарея снялась с огневых позиций и направилась выполнять приказ командира полка. Сравнительно спокойно проехали деревню. Ведь сплошной линии обороны не было, бои шли везде.

— По танкам врага, батарея, огонь! — резко прозвучала команда. Орудия одновременно ударили по врагу. Над одним танком показался дым, а затем и огонь. Второй завертелся с перебитой гусеницей. Одновременно у орудий стали рваться фашистские снаряды. Первыми снарядами гитлеровцы повредили одну из гаубиц, вывели из строя весь ее расчет. Вторая гаубица только изготавлялась к открытию огня по танкам врага, как у ее лафета разорвались два снаряда. От осколков погибли заряжающий и подносчик. Как ножом панораму. Два немецких танка были еще живы.

— Наводи по стволу! — крикнул командир орудия сержант Быстров наводчику, а сам бросился к ящику со снарядами. Сразу же выхватил из него снаряд и зарядил орудие. Прошло несколько мгновений, и прогремел выстрел, но танк продолжал приближаться к орудю. Очередной выстрел перебитой гаубицы и удар танка, а затем металлический скрежет произошли одновременно. Стальная громадина фашистского танка с развороченным днищем остановилась на гаубице, вмяв ее глубоко в землю.

От первых же автоматных очередей фашисты подняли дикий крик. Первая автомашина съехала в кювет. Бросились врассыпную уцелевшие немецкие солдаты. Бойцы стреляли по следующим автомашинам противника.

Вскоре фашисты опомнились от страха и сообразили, что бой ведут лишь несколько русских, и обрушили на них ливень свинца.

— Товарищ сержант, — обратился к сержанту Сиров. — Посмотрите влево. Нас пытаются обойти.

— Отходи назад. Я прикрою, — и ударил по врагу длинной очередью. Сиров перебежками отходил на восток. Когда фашисты залегли под огнем автомата, стал отползать и сам. Над головой трещали разрывы пуль — фашисты били разрывными пулями.

Отстреливаясь, они достигли опушки перелеска, где оставили своих друзей-артиллеристов. Местности было не узнать. Слева дымил один из немецких танков, а немного впереди его застрял второй. Справа за дорогой, где сержант оставил свое оружие, дымил еще один танк с крестами на борту.

На дороге из леса появились пять танков. Они шли спокойно и, дойдя до моста через мелкую речку, остановились. Из них вылезли три танкиста, о чем-то посовещались, и один из них дал условный сигнал флажками. В тот миг и из леса стала выползать огромная танковая колонна. Батарея 76-миллиметровых пушек и открыла огонь по вражеской колонне. Загорелись два танка, потом еще два. Немецкие танки тут же развернулись и, ведя огонь по позициям артиллеристов, устремились к опушке леса. По пути утюжили окопы стрелков, пытаясь сровнять их с землей. У бойцов даже гранат не было, чтобы, связав несколько штук вместе, бросить под танк. Стрелки попробовали бить по смотровым щелям, но это принесло малый эффект.

Особенно тяжело пришлось бойцам первой роты батальона. В строю оставалось менее половины личного состава, а удерживать нужно было две высоты по обе стороны. Во время отражения одной из атак Михайлов находился рядом с окопом командира отделения пулеметчиков сержанта Метина. Два танка, поддержавшие атаку пехоты противника, поливая из пулеметов наших стрелков, стремительно приближались к окопам пулеметчиков.

— Приготовить бутылки! — приказал Метин солдатам. — Подпускать танки поближе. Когда до вражеских машин осталось не более 10—15 метров, раздалась команда:

— Бросать по танкам врага!

Одновременно в танк полетела бутылка с бензином. Танк остановился. По броне побежали языки пламени, и вскоре его затянуло густым, черным дымом. Второй танк, обойдя горящий, стал утюжить окопы, но вскоре и он задымил. Автоматчики же наседали.

У защитников высоты ощущалась нехватка боеприпасов. Артиллеристы остались без единого снаряда, но пулеметы работали. Они буквально выкашивали гитлеровцев. Особенно жарко было на высоте, где был установлен пулемет Ибрагимова. Он бил по автоматчикам длинными очередями, но вскоре был сражен пулей автоматчика.

Фашисты быстро приближались к нашим окопам. Оставшиеся в живых бойцы вели огонь по вражеским автоматчикам, а сами с надеждой поглядывали на пулеметную ячейку. Но та молчала. Противник пошел на штурм высоты.

Тогда к пулемету бросился сержант Андреев. Он в два прыжка преодолел расстояние до пулеметной ячейки, устранил перекос патрона и в упор ударил по автоматчикам врага. В них полетели гранаты. Враг не выдержал, отошел и на этот раз.

Вечером прибыл политрук из штаба и передал приказ об отходе в район леса. Но выполнить этот приказ бойцы не смогли, так как остатки батальона дралась уже в полном окружении. Несколько попыток вырваться из вражеского кольца были безуспешными. Лишь следующей ночью горстке бойцам удалось прорвать кольцо окружения в юго-восточном направлении...

Все, кто пали геройской смертью,
Даже тот, кого на ходу
Пуля в спину хлестнула плетью,
Опрокинулся и не молчит,
Продирается, наша судьба
в минном поле четырехлетием,
с отступленьем, потом наступленьем.
Кто им полноправный судья?..

РАЗРЫВ — ТРАВОЙ, ТРАВОЮ ПОВИЛИКОЙ...

*Мы прорастаем по горькой,
По нашей кровью политой земле...*

Части стрелковой дивизии к намеченному сроку не вышли. Не дойдя 2-3 километра до назначенного рубежа, в связи с начавшейся интенсивной бомбардировкой авиацией противника, части стали окапываться на тех рубежах, которые они достигли.

Ранним утром немцы выбросили крупный воздушный десант, который разделился на две группы и сразу же приступил к активным действиям. Первая группа начала выдвигаться во все стороны от места приземления по заранее намеченным маршрутам с целью прикрыть место высадки десанта еще на дальних подступах.

Второй, меньшей по численности группе было приказано найти хорошую площадку для посадки транспортных самолетов. Такую площадку выбрали северо-западнее деревни Малышево. Там вскоре приземлились три фашистских транспортных самолета. В тыл наших войск были доставлены несколько танкеток броневинов, автоматчики. После этого регулярно до самой темноты производили посадку вражеских самолеты, по 2-3 машины одновременно, с интервалом между группами в 15-20 минут. Доставлялись минометы, артиллерия, даже средние танки. Они тут же стали растекаться во все стороны.

На 26 июля разведчики из разведбатальона дивизии под командованием майора С.И. Котова приступили к разведке на направлении города. Они заметили первыми группу врага, которая двигалась в сторону Минска. Майор подумал: «Ведь никто не знает, что фашисты так близко, и не подготовились к встрече. Могут быть большие осложнения и ненужные потери». Тут же он отправил одну машину с донесением в штаб дивизии, а остальные получили приказ — задержать врага силами роты. Замаскировавшись в придорожном кустарнике, командир в главе взвода стал поджидать фашистов. Навстречу двигались две танкетки и несколько автомашин.

— Как только я прошу гранаты, — приказал майор пулеметчикам, — сразу же открывайте огонь по автомашинам противника.

У поворота дороги появилась первая танкетка. Как только машина подошла до расстояния броска, полетело несколько гранат, пулемет заговорил, посылая дождь свинца. И на вторую танкетку полетели гранаты, огонь из всех видов оружия.

Немецкие солдаты вскакивали с автомашины и тут же попадали под пулеметный огонь. Навели панику в расположении врага, причинив ему значительный урон в живой силе и технике.

После обеда противник атаковал позиции наших воинов. В атаке участвовал не менее батальона мотопехоты и около двух десятков танков. Комбат задумался перед боем о том, как поведут молодые солдаты, первый раз встретившиеся в бою с идущими на них танками. Пока танки были относительно далеко от переднего края, над участком обороны стояла полная тишина, ни одного выстрела, ни с той, ни с другой стороны.

Гул ползущих танков слышен все отчетливее и отчетливее, чувствуется даже, как земля дрожит под ногами. Воины полка открыли счет уничтоженным танкам. Когда стальные машины гитлеровцев ворвались на участок обороны батальона, их встретили дружным огнем истребителей танков. Бойцы стремились эффективнее использовать бутылки с бензином, привезенные в полк заранее.

Ворвавшись в оборону, танки начали утюжить пехоту, находившуюся в окопах. Немецкий танк, подойдя к окопу, в котором сидел капитан Федоров со своими телефонистами, преодолел его. Капитан, высунувшись из окопа, метнул бутылку на моторную часть танка. Прошло несколько минут, показалось пламя, и танк остановился, охваченный огнем. Выскочившие из танка фашисты были уничтожены...

Первый успешный бой окрылил бойцов и командиров. Этот бой показал, что врага можно бить, что его танки отлично горят от русского бензина, что броня немецких танков пробивается русскими бронебойными снарядами. Бойцы поняли, что противника необходимо бить, что стойкость и мужество — это сила, способная отразить натиск любого врага.

К этому времени корпусные артиллеристы развернули 20 орудий и вступили в бой с танками врага. Артиллеристы поддерживали наших пехотинцев отразить атаки немецкой пехоты с танками. Они подбили 5 танков. В этом бою бойцы полка, обученные обращению с новым видом противотанкового оружия, отлично применяли в бою. Бутылки заменили отсутствие в те дни снаряды к орудиям и оказали огромную помощь солдатам батальона.

В ходе боев в частях создавались небольшие группы истребителей танков, которые занимали позицию на наиболее вероятных направлениях движения вражеских танков и уничтожали их бутылками с бензином...

Кратко о Федорове: войну прошел от первого до последнего дня. День Победы встретил в логове врага в звании майора в должности начальника штаба батальона.

Родина отметила за ратные подвиги наградами. В том числе двумя орденами Красного Знамени, тремя орденами Отечественной войны, тремя орденами Красной Звезды, двумя медалями «За боевые заслуги», «За отвагу», «За освобождение Варшавы», «За освобождение Праги», «За взятие Кенигсберга», «За взятие Берлина»

Умер в 1997 году.

ЗА СПИНОЙ ЧЕТЫРЕ ГОДА...

*За спиной четыре года:
Окопы, бои, и медсанбаты...*

Даже к концу войны девушке-солдату попасть из тыла на фронт стало практически невозможно. Появилось, видимо, указание не пускать нашего брата, вернее сестру, на передний край, — это указание не относилось медикам. Их вечно не хватало на передовой, потому что гибли они в первую очередь. Имеется в виду, санитаров и санинструкторов, то есть тех, кто обязан и тогда, когда другие залегли под огнем, доползти до раненого, оказать ему первую помощь и дотащить его до какого-то укрытия.

Под словом «обязан» я подразумеваю не только жесткое требование воинского устава, но и то, что именуется велением сердца.

Побелев, стиснув зубы до хруста,
От родного окопа, одна
Ты должна оторваться и бруствер
Проскочить под обстрелом должна.
Ты должна. Хоть вернешься едва ли,
Хоть «не смей!» повторяет комбат.
Даже танки — они ведь из стали!
В трех шагах от окопа горят.
Потому что нельзя притвориться
Пред тобой, что не слышишь в ночи,
Как уже безнадежно «сестрица!»
Кто-то там, под обстрелом, кричит.

«Сестрица» на переднем крае была самым необходимым человеком. Больше всего солдат боялся, что про него, раненого, беспомощного, в ходе горячего боя могут и забыть, могут бросить. Если бойцы видели, что санинструктор никогда не оставит их в беде, то платили ему братской любовью и бесконечным уважением.

«Сестра» для молодых, «дочка» для пожилых солдат, она была и лучиком надежды, и служила верным «спасательным кругом».

Такая трудная и завидная судьба выпала и на долю молодой девушки Елены Велиховой.

Тяжело было солдатам, ох, как тяжело было на войне девочкам! Даже в минуты затишья. Главное, конечно, кровь

и смерть вокруг. И она совсем юная, в эпицентре этого ужаса. Как правило, неизвестная — не до того было истекающему кровью человеку, чтобы любопытствовать, кто его выносит из боя. Не спрашивал он тогда, как зовут сестру, да и она не интересовалась именами и фамилиями раненых.

И не может помнить сестра, скольких ей удалось спасти, до счету ли было?

В ее воспоминаниях имеются нотки окопной ностальгии — о чем бы, казалось, грустить?

Да, потому что война — освободительная война! — это не только кровь и смерть, но и высшие взлеты человеческого духа: мужества, верности, самоотверженности. И самое главное, прекрасное — фронтовое братство. К тому же для Велиховой слово «война» равнозначно «юность».

Ее поколение росло, овеянное романтикой революции и гражданской войны. Любимой песней была «Катюша», любимом фильмом — «Чапаев», любимой книгой — «Как закалялась сталь». Не они ли — девушка в солдатской шинели, отчаянный легендарный комдив, неистовый Павел Корчагин — привели их в сорок первом году в райкомы и военкоматы с требованием отправить на фронт? Не они ли вели их в бой?

Безвестные героини... Сколько их осталось на полях сражений, до конца исполнивших свой долг солдат армии милосердия...

22 июня я проснулась от необычного шума в доме. Было позднее утро. По комнате, где я жила со своими родителями, ходила мама, причитая, что будет с нами, Господи, спаси и сохрани!

Я встала, была в длинной рубашке, с распущенными волосами у зеркала с видом мертвого человека. Я пыталась понять, что такое война, пришла она неожиданно и с большой бедой для страны нашей.

Война!

Меня как оглушило. И вдруг почувствовала, что в мою жизнь ворвалась такая большая беда, что сравнить ее нельзя ни с чем. Я не подумала о том, что будет со мной. Я думала о том, какое горе и испытание постигли всех наших людей, какое место я займу в общенародной борьбе.

Между прочим, никто не требовал от меня никаких шагов. День прошел быстро, событий было в нем много.

На следующий день я пошла в школу. В классе были все, кроме тех, кто уже мог уехать. Ждали директора. Обсуждали между собой последние известия, сообщения радио.

Директор сказал нам: «Товарищи учащиеся! Фашисты без объявления войны напали на нашу Родину. Они бомбили Киев и другие города. Мы ответим им достойно.

Наша задача — учиться и быть готовыми пойти туда, куда пошлет нас партия и народ. Никакой паники, дисциплина и порядок. Приступайте к занятиям».

По расписанию у нас был урок географии. На место учительницы за стол села наш комсорг, отличница учебы.

— Товарищи! По решению бюро комсомола в связи с чрезвычайным положением комсомольское собрание считаю открытым. На повестке дня один вопрос: наши задачи и роль комсомольцев опасный для Родины час.

Собрание приняло решение вести круглосуточное дежурство по охране школы, в случае необходимости предупредить об опасности, выводить детей в укрытия, следить за порядком.

Все ребята у нас были значкистами «Ворошиловский стрелок». Все девчонки учились на курсах медсестер Красного Креста. Теперь мы организовали санитарную дружину. Командир — Валя Иванова, комиссар — Таня Михеева.

Первые дежурства начались сразу после собрания. Мне приходилось дежурить по школе, потом на вокзале, куда потом стали пребывать первые поезда с ранеными. Мы помогали выносить их из вагонов и грузить на машины. Принимали и помогали при организации госпиталей в школах. В больницах не хватало мест.

Работы было очень много, я почти не бывала дома пять дней. Ела на ходу, спала урывками, где придется, если выпадала свободная минутка.

В конце июля Валя Иванова собрала нас на вокзале, сказала, что горвоенкомат мобилизует на помощь сражающейся Красной Армии. Вагоны уже готовы, нужен медицинский персонал.

Сборы были не долгими, но очень долгим оказался путь на фронт. Все станции были забиты эшелонами, сквозь которые трудно было пробиться. Дороги подвергались бомбежкам вражеской авиации, и мы больше стояли, чем ехали.

Жара, пыль, грохот, пожары, взрывы бомб и почти никакой еды, а еще хуже — нет воды. Еду добывали в поле на вынужденных стоянках, и в станционных магазинах, если они торговали. Воду носили ведрами из любых источников.

Однажды возле какой-то станции, мы с Анной побежали в овражек за водой. Состав стоял уже больше часа. Впереди нашего еще несколько эшелонов, а движения почти никакого. Есть надежда добыть немного воды. Прибежали к овражку, видим перед нами целый пруд. Какое счастье! Набрали полные ведра, напились, потом прямо в одежде искупались.

Красота! Только взялись за ведра, чтобы нести воду, а тут — самолеты тучей заходят на нас. Мы опять в пруд.

Посыпались бомбы. Свист, грохот такой, что вода в пруду волнами заходила. Долго не могли поднять головы. Смотрим — станция пылает. Побежали к своему поезду, а там все разворочено, и горят вагоны. Те, кот мог выбежать из вагонов, остались живыми, и искали своих.

Утром мимо станции пошли беженцы. Я присоединилась к ним. Мы шли на восток.

В сентябре сорок первого года фронт приблизился к городу. Появились армейские санитарные части. Я получила распоряжение для работы в госпитале. Так я стала медицинской сестрой в полевом передвижном госпитале.

Госпиталь располагался в деревне Михайловка в добротных, красного кирпича одноэтажных корпусах бывшей районной больницы. Меня накормили, выдали красноармейское обмундирование и поселили в девичьей казарме — в большом доме тети Маши, где в два ряда стояли железные койки, на которых отдыхали после дежурства медсестры и санитарки госпиталя.

На другой день вышла на работу. Определили меня в перевязочную. Я вымыла по всем правилам руки и встала к перевязочному столу. Чувствую, что за каждым движением наблюдает старшая сестра, она молчит, можно догадываться, что ошибок не делаю.

Санитары вносят на носилках первого раненого и кладут на перевязочный стол, снимают с него одеяло. Мужчина средних лет, забинтован от подмышек до пояса. Сквозь повязку просочилась и засохла кровь. Санитары сняли бинты. Хирург, стоявший в стороне, склонился над раненым. Минуты

две разглядывал рану, не отрываясь от операционного поля, протянул ко мне руку:

— Мыть!

Я пинцетом подала ему вату, смоченную нашатырным спиртом.

— Спирт!

Даю тампон со спиртом.

— Йод!

Даю палочку, обмотанную на конце ватой, смоченной йодом.

— Новокаин!

Набираю из ампулы шприцем бесцветную жидкость и кладу в требовательную раскрытую ладонь хирурга десятиграммовый шприц.

— Скальпель!

Кладу в ладонь нож, отточенный до остроты бритвы. Несколько минут тишины, затем снова категоричнее:

— Зажим!

— Пеан!

— Кохер!

Снова тишина, только позвякивает металл. Теперь я могу посмотреть, что делает хирург с раненым. Вижу: у живого человека отрезают куски тела вокруг огромной рваной кровоточащей раны на груди! Режут по живому! Рана делается все шире. Раненый терпеливо ждет, когда все это кончится. Хирург вырезает и вырезает новые куски тела. Рана становится такой большой, что я не могу ее прикрыть даже ладонями. И я закрываю глаза...

Когда открываю, вижу толстую руку, которая держит под моим носом вату, пронзительно пахнущую нашатырным спиртом, вызывающую неудержимое желание чихать. Я делаю это беспрерывно и с отвращением.

Обнаруживаю, что лежу на кушетке в перевязочной комнате. На мне стерильный халат, а я разлеглась. Какой позор, я вскакиваю. У стола на моем месте стоит старшая сестра — каменно величественная и неприступная. Раненого уже бинтуют, хирург моет руки.

— Что птичка моя, страшно! — в голосе его веселое участие. — Ничего, не ты первая, не ты последняя. Со мной хуже бывало.

Она рассказывает веселую быль, санитары улыбаются, я ведь, которую сюда привез сам начальник санитарной части армии, потеряла сознание, а падала в момент самой обычной первичной обработки раны.

Мне было стыдно перед раненым, забыла сделать обезболивающий новокаин. Я видела страдающего человека и всю свою беспомощность не только перед ним, но и перед тем огромным бедствием, которое пришло к миллионам моих сограждан.

Позднее мне много раз увидеть страшные раны, что и во сне кошмарном не увидишь. Ежедневно шли ампутации конечностей, выполняла разные роли. Чаще всего стояла у операционного стола на подаче хирургических инструментов. Соблюдая условия стерильности, сестра менялись один раз в сутки. Пока шло время, мы делали уколы, меняли перевязки, давали наркоз. Иногда при простейших операциях ассистировала хирургу.

В день отдыха я получила письмо от старшего брата Василия, который воевал на Сталинградском направлении. Обрадовалась, прыгала от радости, что он жив. Открыл письмо, стала читать письмо: «Война, фронт — это всегда выстрелы, ранения, взрывы, бомбежки. Из минометов, пулеметов, автоматов, артиллерийских орудий. Первый свой боевой выстрел делал в ноябре 1941 года. Накануне у нас прошли торжественные собрания. Стране исполнилось 24 года, ровесник со мной. Мы дали клятву выполнить приказ Родины «Ни шагу назад!» и двинулись выполнять приказ. Мы благопрятно переправились через реку Дон и бегом углубились в балку на высоком правом берегу.

«Под ноги!» — то и дело слышится команда, для нас, минометчиков, полная конкретного жизненного смысла. Минометчики навьючены лафетами, столами, плитами. Просто упади, споткнись — и по инерции движения, если движение быстрое, железо расплющит твой затылок.

Перепрыгиваем через какие-то мешки или кочки, пока не видно что. Угнетает смрадный запах. Бегом от него, вперед! В небе повисла фиолетовая ракета, осветила трупы. Лежали тут и фашисты, и наши...

Ракеты зачастили. Украдкой поглядываю на товарищей. У них у всех невозмутимые лица, никто не охнул, не выругались даже, есть война, дело привычное.

Последние метры бежим наклоняясь чуть ли не до земли — балка стала мелеть, и пули свистят совсем низко, — и вот я прыгаю в траншею исправным солдатом. Жив, нигде не трет, не жмет, вещмешок и личное оружие при мне, немного отдышаться — готов стрелять, куда прикажут.

Учил нас боевой и опытный командир роты Бутов, он был на войне с первых дней, — чтобы помимо прочего, можно чаще дополнительными зарядами прочищать стволы минометов от пороховых остатков. По засоренному стволу мина продвигалась медленно, и при ведении беглого огня следующая, посланная до выстрела предыдущей, может взорваться в стволе...

Ребята у нас в расчете молодцы. Могут выдержать все, что предстоит нам на этой войне. Успел до команды нацарапать тебе письмо, остаюсь пока живым, чего и тебе желаю, узнала, что ты тоже на войне, тебе хуже, чем мне, я это знаю хорошо! Василий».

Прочитав письмо от брата, подумала о том, что он жив, дай бог, так было всегда.

Подошло время на дежурство. Прибыв в отделение, она пошла в операционную готовиться к операциям. Работать предстояло с доктором Калиновым Анатолием Ивановичем, он был мастером полостных операций. Почти все раненые в живот, которых он оперировал, оставались жить, хотя им подолгу приходилось лежать в госпитале. Он был суров и молчалив в отличие от нейрохирурга Астрова. Тот работал дерзко, много говорил, делал резкие замечания коллегам. Если ему что-то не нравилось в работе медсестры, он свое недовольство выражал одной и той фразой:

— Сестра! У вас совершенно отсутствует понятие об асептике и антисептике.

Это было хуже всяких разносов. Когда однажды в мой адрес он проговорил свое излюбленное про асептику и антисептику, решительно вмешался Калинов:

— Доктор Астров, оставьте ребенка в покое!

Мне казалось, что я уже взрослая и умею делать многое, а оказывается, я еще ребенок! Мне очень стало горько, я сбежала в автоклавную и в одиночестве поплакала.

Мне очень хотелось быть похожей на операционную сестру Марию. Стройная, смуглая, с темной косой, уложенной

коронай на голове, с длинными пушистыми ресницами и грустными серыми глазами. Она знала так много, что ее побаивался даже Астров. Она бывала, сутками не покидала операционную, ела и спала в соседней комнате — материальной.

Противоположность Тани — комиссар госпиталя, старший политрук Валентина Петровна. Всегда улыбка, румянец во всю щеку. В командирской форме: галифе, портупея, три кубика в петлицах, белоснежный подворотничок. Пилотка, кокетливо сидящая на буйной, кротко остриженной русой гриве волос, неизменная сумка-планшетка через плечо, сверкающие, пригнанные, по ноге хромовые сапожки.

Всегда четкая, чуткая, нежная. Постоянно кого-то утешает. Меня тоже. То даст мне что-то пожевать, то заставит отдохнуть. Позовет в уголок, усадит, начинает всегда интересный разговор. Сначала спрашивает, а потом сама говорит. А потом, оказываясь, слушая ее, я заснула и немного поспала. Проснулась — ее давно нет, никто меня не будит. Тут же вскакиваю — и за дело. Все делают вид, что так и надо.

Всегда я вспоминаю еще одного доброго человека — начальника аптеки Веселова Ивана Васильевича, свой командирский паек он умудрялся раздавать сестрам и санитаркам. Подкармливал раненых продуктами, которые покупал на свою зарплату в военторге. Сам себе был худющий, поэтому все его называли про себя Кашей Бессмертный.

Весной сорок второго года меня командировали во фронтовую госпиталь на учебу и стажировку по лечебно-восстановительной гимнастике. На меня выбор пал потому, что я долгое время не могла выполнять обязанности хирургической сестры.

Фронтовой госпиталь находился в Ростовской области. Больше месяца я обучалась приемам лечебной гимнастики и искусству массажа. Вернулась назад в свой госпиталь, показала, чему научилась, и решено было положить начало восстановительной терапии в нашем госпитале. Однако планам этим не суждено было осуществиться.

Поступил срочный приказ об эвакуации раненых. Всех, кому еще нужно было продолжать лечение, в течение нескольких часов собрали, отвезли на машинах на станцию, погрузили в санитарный поезд...

На другой день персонал госпиталя получил приказ о передислокации. Потребовалось несколько часов, было упаковано имущество госпиталя, свезено на станцию и отгружено в специальные вагоны. Последние часы нашего пребывания на месте дислокации прошли под непрерывной бомбежкой вражеской авиации. Мы сели по вагонам, и поезд отошел от перрона.

На второй день прибыли на станцию Лихая и заняли под госпиталь помещение школы. Через два часа операционная уже приняла первых раненых.

Я стояла у стерильного стола и, как прежде, исполняла обязанности подающей сестры. Раненых было много, и мы работали круглосуточно с незначительными перерывами. Станцию часто бомбили. Сначала пять-шесть раз в день, а потом все меньше и меньше становились перерывы между налетами.

На третий день работы нашего госпиталя на станцию был совершен массированный налет. Мы не покидали операционную и не прекращали оказывать помощь раненым. Одна бомба попала в здание госпиталя. От взрыва рухнула часть потолка в операционной. Мой инструментальный стол усеяли куски штукатурки и деревянной трухи. Инструмент для продолжения операции сразу стал непригодным. В это время шла полостная операция под общим наркозом.

Когда мы опомнились, в комнате стоял туман от пыли, хирург лежал на раненом, которого оперировал. Мы кинулись к нему, думали, что он убит.

— Не трогайте меня! Пусть пыль осядет. Он своим халатом прикрывал рану в животе больного.

Когда пыль осела, операцию продолжили. Четверо санитаров натянули над столом стерильную простыню, словно балдахин.

Подающей сестрой стала Нина — она развернула стерильные инструменты из НЗ. Я стала разбирать свой стол и стерилизовать инструменты. Операция закончилась благополучно, раненого унесли в палату и принялись за хирурга.

У него были множественные ранения головы, шеи осколками стекла разбившейся бестеневой лампы.

Позднее оказалось, что пострадала и я. В горячке я не почувствовала, что и мне достался осколок стекла в правую

голень чуть ниже колена. Через два дня на ноге образовалась краснота, отек, стало трудно ходить и стоять. Думать об этом было некогда. Неделю мы работали, не выходя из операционной.

Но всевидящая Валентина Петровна как-то все поняла. Вот уложила она меня на операционный стол, и Анатолий Иванович вскрывает мне опухоль и достает из ранки крошечный осколок стекла. Через несколько минут ногу мою забинтовали, я заснула, сидя в глубоком, неизвестно откуда появившемся кресле в коридоре перед операционной.

Работать под непрерывной бомбежкой стало невозможно. Мы свернули наш госпиталь и переехали в ближайший лесок. Нога моя все еще болела, и мне поручили палату шоковых, тех, кто был после ранения почти безнадежен. Я поила и кормила с ложки. Некоторые из них не проглатывали ни еду, ни питье и держались только на глюкозе, физиологическом растворе да на нашем неугасимом желании выжить, сохранить, сберечь.

Неожиданно привалило мне счастье.

Срочно организовали передовую группу госпиталя: врач, две сестры, четыре санитаров, грузовик — и назад, в старое место дислокации нашего госпиталя. В группу был включен и я.

Не успели развернуть перевязочную палатку, как поступил новый приказ: свернуть имущество, погрузить на грузовик, следовать на старое место госпиталя. Не успели завернуть инструменты, видим, много машин едут, и все от линии фронта, в тыл, на восток.

Пока двинулись по дороге, на нас налетели фашистские самолеты, началась бомбежка. Мы бросились в кюветы и залегли.

Рвутся бомбы, грохот, душераздирающий вой бомбардировщиков, вой несущихся к земле бомб — и мы, оглушенные, жалкие, вжились в землю, как дети в материнский подол. Казалось, ад этот будет длиться вечность. На самом деле, все случилось в какие-то минуты. Последний взрыв, тишина. И только слышны крики о помощи: «Санитар!»

Бегу на зов, накладываю повязку, жгуты. Потом грузим на машину пострадавших. В нашем грузовике их тоже разместили на тюках с медикаментами и оборудованием для

операционной. Один из наших санитаров остался на месте бомбежки навечно. Мы похоронили его у дороги в воронке от бомбы. Сколько уже безвестных могил осталось на нашем скорбном пути...

Недалеко от станции мы попали со своими ранеными под еще более страшную бомбежку. Ночью вдоль дороги встала сплошная вереница автомашин, тягачей, повозок. Задремали уставшие водители, а на рассвете налетели самолеты с крестами и стали бомбить, обстреливать из пулеметов.

После бомбежки выбралась из канавы: от нашей машины остались только кабины. На нее некогда было смотреть, надо было перевязывать раненых. Набралось их немало. Перевязки делали в основном из индивидуальных пакетов бойцов, все наши запасы были уничтожены при бомбежке. Кто мог передвигаться, те прошли сами. Стихийно организовался перевязочный пункт.

Солнце стало подниматься, мы управились, колонна машин двинулась на восток.

Пока ехали по дороге, немецкие самолеты вновь стали бомбить. От нашей колонны не осталось ничего. Живые пошли к ближайшему лесу, где могли бы укрыться от фашистских самолетов.

Потом удалось выйти из окружения. После многократных проверок, я вновь оказалась на фронте. Судьба моя была решена. Прошло несколько дней, я стала санинструктором артиллерийской батареи...

Теперь вернемся к Василию, который воевал на Сталинградском направлении.

В тылу у них выше по течению Дона — Куликово поле, на котором почти шесть веков назад славными предками русичей разбита орда Мамай. А впереди — за нейтральной полосой в триста метров — гигантская орда Гитлера, которую предстоит разбить нашим войскам.

В середине ноября 1942 года, полк получил боевой приказ — прорвать на участке обороны фашистов и занять разведку боем, но сказать, что они знали об этом в тот день — значит, пойти против истины: солдату не дано знать оперативных планов командования.

Батальоны штурмовали провололочные заграждения, противопехотную паутину. Чтобы сдержать натиск полка, немцы

должны были открыть огонь из всех видов огневых средств, обнаружить порядок их расположения, что, собственно, и требовалось нашему командованию, уточняющему детали контрнаступления. Прорвать оборону противника не смогли, но свою боевую задачу, потеряв при этом большую часть личного состава и сократив свой участок переднего края до фактически одного батальона, они выполнили.

Картину первого боя сознание смогло охватить лишь после его окончания, когда в ночь с 14 на 15 ноября в числе немногих оставшихся в живых, Василий вышел в боевое охранение к нейтральной полосе.

С вечера моросил мелкий дождь, потом резко подморозило, под ногами в темноте тонко звенела стеклянная глазурь. Потом взошла полная луна.

Это было похоже на многотысячную скульптурную композицию застывших в ледяном панцире фигур солдат в натуральную величину — лежащих навзничь, сгорбившихся, сидящих, со вскинутыми руками — призывающими не ослаблять атаки. Обледенелые лица с широко открытыми глазами и кричащими ртами. Груды тел на колючей проволоке, которые придавили ее к земле, приготовив проход к фашистским траншеям. Все выражает стремительность штурма. Душа сопротивлялась, не позволяя принять обледенелую композицию за реальность. Верилось, что кто-то включит сейчас камеру, и застывший на мгновение кадр оживет.

Большинство его товарищей погибло в этом первом бою ради общей победы нашего контрнаступления под Сталинградом, в том числе и политрук Савельев А.А.

Повалил снег. Густая пелена спрятала чудовищную картину боя от глаз людей. Гигантское покрывало, белое и тяжелое, как саван, опустилось к утру на землю. Уже днем в степи, насколько хватал глаз, все было ровно, бело и тихо — так, словно тут вечно царили только покой и первозданная чистота.

Тихо было до 19 ноября.

Утром 19 ноября 1942 года рухнули глыбами замершие борта траншей. Земля под ногами солдат качнулась, как гигантский пласт сырой резины. Воздух стал вдруг плотным и упругим, прыгающим вверх-вниз от невидимых ударов. Им не дышать — от него бы спасти легкие и барабанные перепонки, которые он хочет разорвать. Со стороны немецких

траншей земля вздыбилась и повисла неподвижной черной ширмой, грохот орудий слился в сплошной гул — так наша артиллерия дала сигнал к долгожданному контрнаступлению под Сталинградом.

Нарастающий гул артподготовки внезапно оборвался. В ту минуту сзади появились десятки танков и пошли через наши траншеи. Пропустив их все над головой, солдаты выпрыгнули наверх, расчет побежал прямо в медленно оседающую стену черной пыли. Вот уже прошли фашистскую линию обороны, но ничего не видно, кроме дымящейся земли. Ни одной живой души! Нет, не зря солдаты полка пять дней назад сложили здесь свои головы: узнав схему расположения огневых точек противника, артиллерия сегодня была точно по всей линии фронта, и контрнаступление развивалось успешно. Даже вражеских трупов не видеть — похоронили их тут всех мощной артподготовкой.

В Калач-на-Дону ворвались наши танкисты одни. Пехота вошла в освобожденный ими город через сутки. Так что части не брали, только прошли через него.

Перед самым почти Калачом, сильно растянувшись по большаку — кто еще на коне, а кто пешком, — слышим вдруг:

— Воздух!...

Откуда быть авиации? День туманный, но шум моторов был слышен всем.

Потом и увидели все: на высоте, кажется, не более ста метров летят немецкие бомбовозы. Летят вдоль дороги — по ходу движения наших солдат — и падают бомбы. Падая густой россыпью — того и гляди пришибет пузатая чурка одним своим весом — и ударяясь о землю, эти бомбы не сразу взрывались, за то время, пока они кувыркались и елозили по скользкому снегу, еще не взорвавшись, много можно было успеть сообразить и сделать. Сравнительно много... Дорога — кровавое месиво из тех, кто сразу упал ниц при команде «Воздух!»

Мост через Дон, по которому прорвались в Калач наши танкисты, был уже разрушен фашистской авиацией. Лед тонкий и такой скользкий, гладкий как стекло, что шагу невозможно ступить. Тяжелыми стволами, лафетами, плитами солдаты вмиг его проломали бы, и все окажутся в ледяной воде, стоит только одному поскользнуться и упасть.

Раздается команда набрать песок в каски и в подолы шинелей и сыпать перед собой, рассредоточившись, на пять метров друг от друга. Вот цепь за цепью осторожно идут по тонкому льду. Лед прогибается под ногами, того гляди лопнет.

И вот пехота, уже на левом берегу. На всем пути от Дона до города — в траншеях, канавах, на дороге — трупы фашистов и вражеская техника. Хорошо наши танкисты дали прикурить фашистам!

Входим в город на рассвете. На пустынных улицах следы панического отступления врага. Валяются награбленное и брошенное имущество посреди улицы, много вещей. Окна в домах распахнуты, кучи битого стекла.

Наше повествование не претендует на хронологическую последовательность и стройность изложения. Когда я вспоминаю годы войны, будто это был кошмарный путь. Длинный и утомительный, что все слилось в одну бесконечную дорогу, и только отдельные эпизоды, как кадры, незабываемые яркие кадры огромного фильма, вспыхивают и встают в памяти.

В санитарной роте были четыре девушки, но мне с ними мало пришлось общаться. Сразу же я была направлена в полковой медпункт, где, кроме меня, служили средних лет фельдшер и несколько санитаров.

Однажды я обосновалась в стрелковом батальоне, но через два была затребована в санитарную роту. А тогда я уже вошла в режим передовой. Ели мы там только по ночам, потому что только в сумерках могла добраться кухня. Днем же мы отсыпались в своих норах, выставив дозоры.

Вели перестрелку и наблюдение за противником, очень мало передвигались.

Зато вечером и ночью начиналось оживление. Приезжала кухня, саперы шли минировать передовую, углублялись старые и прокладывались новые ходы сообщения, разведчики уходили к немецким окопам за «языком» или в разведку. Можно было подняться на весь рост. А когда противник открывал стрельбу, это никого не пугало, все знали, что немцы палят для видимости. Я уже втянулась в ночную жизнь — и на тебе, ступай в санитарную роту.

Сентябрь 1943 года. Бесконечными, пустыми полями солдаты вышли к песчаному, заросшему лозняком левому берегу Днепра.

В лозняке поближе к берегу, скапливаются люди, на берегу готовятся лодки. Слышу разговоры, что ночью поплывем на ту сторону. Вот уже сумерки, потом лодки стали подтаскивать, потом тихонько на воду спускать. Я подошла ближе, наши ребята из разведроты садятся. Я их знаю, хорошие ребята, с такими бойцами можно плыть. Вот Бойков — парень что надо. Смелый, ловкий, и вообще симпатичный. Это все наши девчонки подтвердят. Тут и в лодку.

Вдруг кто-то тихонечко мне кладет руку на плечо и вежливо, тихо, но так, что мороз по спине, говорит: «Старший сержант, немедленно идите в распоряжение санитарной роты». Это командир полка Павлов. Откуда он взялся так не вовремя. Делать нечего, вылезаю из лодки, а мне еще вежливей: «Мы еще поговорим о вашем поведении». Оправдываться бесполезно, а объяснить что-либо я не осмелилась бы.

Утром состоялся обещанный разговор. Он был кратким:

— Вижу, тебя нужно держать в руках. Пойдешь в роту автоматчиков, они всегда при мне, и ты будешь у меня на глазах.

— Есть идти в роту автоматчиков. — И пошла. Рота в соседних лозняках спать укладывалась.

— Ну что же, — сказал мне ротный. — Отсыпайся, вечером наша очередь на ту сторону.

Вечер. Я набиваю свою сумку бинтами. Думаю, если автомат дадут, сама не знала, как вставить диск и стрелять, стыдно было спросить кого-либо, чтобы показал.

Автомат не дали. Да и зачем мне, надо будет перевязывать раненых. И вот мы в лодках. Вот на середине реки. И вот правый берег, здесь много наших солдат. Вырыты окопы, что-то вроде землянок, есть телефон — словом, обычная передовая. Ни на минуту не прекращается обстрел наших позиций, немцы не дают передвигаться — можно только ползти, от камня к камню.

На наше счастье, берег был усеян большими валунами, за которыми укрывались солдаты от пуль и осколков. Наши разведчики, уплывшие сюда прошлой ночью, отвоевали у противника «пяточок» на берегу, размером с приличный пляж, и теперь на эту землю прибывали все новые наши подразделения.

Раненых было много. Редко кого из вчерашних бойцов миновала пуля или осколок. Но только тяжело раненые уплывали в

тыл. Воодушевление было такое, что никто не хотел покидать этот отвоеванный у врага крохотный кусок земли. Скольких перевязала — и счет потеряла, в тылу посчитают.

Здесь управиться надо до рассвета, тяжело раненых солдат отправить. Мы их грузим в лодки, привозящие новые группы людей, еду и боеприпасы, там, на левом берегу, их встречают наши медики и отправляют дальше, в медсанбат. Все ли наши пациенты благополучно добрались до берега, не знаю. Днепр кишел фонтанами от взрывов мин и снарядов. Немцы беспрерывно обстреливали реку, мешая переправе наших войск. Но десятки лодок шли от берега с людьми и грузами. Наверное, и были такие, гибли в воде под вражеским обстрелом. Я все перевязывала и оттаскивала раненых к лодкам, правда, и добровольных помощников было немало.

На рассвете на «пляже» все изменилось. Теперь фашисты видели нас и вели прицельный огонь. Чуть пошевелишься — рядом свистят пули. Но наша артиллерия за рекой не умолкала.

Мы пролежали весь день, укрывшись, чем попало. Ближе к вечеру, среди бойцов все уверенней слышалось, что к ночи подбросят нам «гостинцев» (боеприпасов) с левого берега, и дадим же фрицу прикурить.

Приближался вечер, нетерпение наше росло. Солдаты переговаривались друг с другом, благо весь плацдарм свободно присматривался, и даже можно было перекрикиваться с флангом.

Пошли вперед. Вдруг я услышала сквозь грохот орудий: «За Родину! Ура!» Все вокруг меня начали вскакивать и кричать, и вот уже нас много, бегущих к немецким окопам. Все кричат, стреляют, падают. Снова бегут. Мы пробежали деревню, широкой улицей выходящую в поле. Тут я замечаю, что наши бойцы останавливаются у крайних домов, прячутся за деревья и плетни.

Все поле усеяно трупами врага. Их так много, они лежат на темной холодной земле совершенно голые. Лежат навзничь, лицом в небо, и в сумерках белизной светятся их застывшие тела. Темнота скрывала их увечья, предсмертные гримасы на лицах.

Начались горячие дни подготовки к прорыву вражеской обороны в районе деревни Павловка. Всех тонкостей я не знаю. Помню, что моя сумка была набита перевязочным материалом, да еще вещмешок с пакетами хранился у старшины.

Выдали теплое обмундирование. Утром мы с ротным и группой автоматчиков пришли на командный пункт полка.

Там же был командир полка и замполит. Стояли все, переговаривались, видим: летит самолет. Это было сигнал артподготовки. И сразу заговорили пушки всех калибров и минометы. Поднялся такой грохот, как будто вокруг сразу стали извергаться несколько вулканов. В завершение артподготовки ударили по деревне «катюши». Там, где была деревня, встала стена огня, вздыбленной земли и дыма...

Я плетусь туда, где чуть угадывается темный бугорок. Да, это наш боец. Он лежит лицом вниз, и по тому, как он лежит, догадываюсь, что помощь ему уже не нужна. Переворачиваю на спину, обнажаю грудь — ледяное тело, сердца не слышно.

Собираю последние силы, вползу вправо, натыкаюсь на валенки. Это наш боец.

— Ну что ты, миленький? Сейчас перевязку сделаем. Все будет хорошо. Где болит? Где тебя задело?

Перевязала я ему бок под полушубком и потащила волоком к блиндажу. А ведь думала, что нет сил, даже рукой двинуть. Дотащила до блиндажа, вручила его врачам...

Прошли бои за Днепр. Там я была награждена медалью «За отвагу».

У меня в архиве своем, есть характеристика, выданная командиром полком Петровым А.К. Вот она:

Боевая характеристика

На старшего сержанта медицинской службы Валентины Петровны Качаловой.

За время пребывания на службе в стрелковом полку с сентября 1941 по май 1945 года показала себя дисциплинированным, требовательным к себе медработником. Выполняла точно и своевременно приказания командования и старших начальников. Участвовала в форсировании р. Днепр и Южный Буг.

Находясь в батальоне под сильным артиллерийским огнем противника, оказывала медицинскую помощь раненым бойцам и командирам и эвакуировала их с поля в укрытия.

Работая санинструктором в передовой группе ПМП во время форсирования р. Южный Буг, не зная усталости, бесстрашно оказывала помощь раненым.

Чутко и заботливо относилась к раненым. Во время боев под деревней Павловка 10 января 1944 года и прорыва вражеской обороны санинструктор Качалова бесстрашно под огнем противника оказывала медицинскую помощь и выносила тяжело раненых с их оружием, иногда из нейтральной зоны. Будучи ранена в ногу, не оставила поля боя, лишь по приказу командира после боя отправилась в санчасть.

За эти бои она была награждена дважды медалью «За боевые заслуги».

В боях за Софрино старший сержант Качалова не раз отправлялась в разведку, выполняя задания командования. Добытые сведения дали необходимые данные для подготовки наступления.

За выполненные боевые задания старший сержант была награждена медалью «За отвагу», орденами Красной Звезды и Отечественной войны 2 степени.

За время пребывания в полку оказала помощь и вынесла тяжело раненных с поля боя триста восемь бойцов и офицеров.

Командир полка майор Петров 29.8.1944 года».

Солдаты понимали, что фашисты, оказавшись в «котле», не захотят сидеть пассивно. А сколько их там? Никто не знает точной цифры. Настойчиво спрашивали у своих командиров:

— Сколько фрицев в «котле»?

— Тысяч сорок, — отвечают им.

Сорок тысяч! Цифра впечатляла. Если половина поперет на запад на узком участке, да через нас, через наш полк?!

Правду они узнали только через два месяца — 2 февраля 1943 года. Оказывается, немцев в «котле» было 330 тысяч человек!

— Почему вы нас обманывали? — спрашивали солдаты потом своих командиров.

Они, хитро улыбаясь, ответили, что иногда на войне нельзя говорить истинную правду. И называется эта хитрость святой ложью. Говорили «сорок тысяч», чтобы не испугать солдат.

— И то верно, — соглашались многие.

А пока, на исходе ноября 1942 года, перед солдатами была поставлена задача — немедленно подготовиться к от-

ражению возможной попытки окруженных войск прорвать кольцо.

Закипела работа, солдаты рыли траншеи в полный профиль. Для этого надо выдолбить почти двухметровый слой промерзшей, почти окаменевшей почвы. Потом вырыть на дне окопа нору.

Каждая такая нора не похожа на другую, не по форме и объему, поскольку роется на свой вкус и по своей комплекции. На двоих-троих тоже устраивали «ложе», теплее было вместе. Слой над головой с успехом заменял бетонное укрытие. Укладываясь спать, ноги же солдаты всегда высовывали наружу на случай внезапного обвала, чтоб можно было вытащить, если засыплет землей.

Ночью минометчики не давали покоя врагу. Днем пристреляют балку, в которой фашисты табунятся по всяким своим хозяйственным делам, запишут на огневую схему данные точной пристрелки всех извилин и ответвлений их позиций, а потом методично, с интервалами в пять минут, ведут огонь. Фашистам от наших выстрелов покоя нет всю ночь напролет, а минометчики ухитряются поспать — каждый расчет по очереди ведет огонь в течение месяца. Выпустишь в сторону вражеских позиций свою сотню мин — и скорей в нору, где товарищи, прижавшись, друг к другу, уже накопили тепло.

Окоп — рабочее место солдата, огневая позиция, но и жилище его. Казалось бы, окоп готов и нора вырыта — забирайся в нее да успевай отсыпаться, пока не прозвучала команда к бою. У человека уже разгорелась страсть к благоустройству. Начинает выдалбливать одну нишу для гранат, другую для патронов, третью для автомата, чтобы под рукой был. А там и котелку охота определить место. Вот уже и обжил солдат свой окоп, вот уже и дорожит им.

Фашисты почему-то ленились рыть для себя окопы. то ли не рассчитывали долго засиживаться в «котле», то ли не по зубам оказалась им наша мерзлая земля под Сталинградом. Не знали солдаты этого.

Но бывало, что свои огневые позиции они строили из замерзших трупов. В два-три слоя выложат стенку из трупов вокруг себя, засыплют ее снегом — и готов укрытие. Окоченевшие трупы мертвых фашистов защищали живых от пуль и осколков. Но не завидовали немцам, когда наступали внезапные

оттепели. Да и полковые 76-мм пушки легко разрушали подобные «инженерные сооружения».

Рядовые немецкие солдаты и не знали, что они в «котле». Из показаний пленных становилось ясно, что фашистское командование всячески скрывает от рядового состава страшную правду, чтобы не лишить солдат надежды на победу и сражаться до конца.

Ночью фашистские транспортные самолеты сплошными эшелонами забрасывали в «котел» военные грузы. Стреляя трофейными ракетницами, солдаты сбивали с толку фашистских штурманов, и сыпались сверху «посылки». Где можно было найти хлебные буханки «эрзац», колбасу, тушенку, шерстяные носки, соломенные боты, сигареты, галеты и т.п.

Продовольствия и всякого барахла от немецких транспортных самолетов нашим перепадало больше даже, чем самим фашистам. Немецкие летчики нечестно и неточно выполняли свои боевые задачи. Они трусливо сбрасывали груз, куда попало, и быстро возвращались на свои базы.

Рассвело. Фашисты сидят в «котле» смирно. Пошел мокрый снег. В окопах стало сыровато. Наши солдаты тоже приехали. Снег тихо спускается на землю.

Впереди наших, в «котле», пять курганов, занятых немцами. На ровной степной поверхности курганы неразличимы глазу. На карте севернее Карповской, они помечены как «высота 126».

Полку приказано овладеть пятью высотами и закрепить на них. В назначенную минуту наша артиллерия открыла огонь, и стрелковые батальоны начали выдвигаться вперед к рубежу атаки. Было это в самые первые дни декабря.

Снег в ту зиму был глубокий, не ниже сорока сантиметров, а в низинах еще глубже.

Прекращение артиллерийского огня — сигнал для атаки. Батальоны поднялись с криком: «Ур-ра! За Родину!» — пошли вперед.

Атака развивалась успешно, не встречая сопротивления гитлеровцев, наши солдаты продвигались к Пяти Курганам...

Фашисты отступали трусливо. Вымотались фрицы, в окружении не хотят воевать. Так подумали многие офицеры. Раз нет сопротивления, ротам и батальонам не захотелось «пахать целину» глубокого снега. Мало-помалу, солдаты пе-

рестроились и пошли не цепью, а колоннами ротой — каждый старался идти по утопанной дорожке. Дорога, постепенно втянувшая в себя все боковые дорожки, построила нас в одну длинную колонну. Полк теперь движется к курганам в колонном строю. Все сбились в кучу, мешая друг другу.

Километр пути — и курганы окажутся в наших руках! Весь полк достиг нужного места, теперь оставалось только «опоясать» курганы батальонами и закрепиться. Вот здорово!

В этот момент — со всех сторон одновременно — фашисты открыли пулеметный и артиллерийский огонь. Полк закружился вокруг своей оси. Куда ни сунься, отовсюду летят свинец и снаряды. Ревут шестиствольные гитлеровские минометы, от мин которых нет спасения. Косит осколками во все стороны в радиусе двадцати метров...

Расчет бросился от общей массы людей в сторону, чтобы выйти из зоны обстрела — расстрела. Сунулись в глубокий снег. Снами человек двадцать. Тело вязнет в глубоком снегу, но здесь, метрах в ста, мы уже не привлекаем к себе огонь.

Торопясь, устанавливаем миномет, но куда стрелять? Чтоб не по своим!

Теперь, со стороны, видней панорама катастрофы. Фашисты умело заманили нас в мышеловку и расстреливают как надо. В такой ситуации люди, попавшие в мышеловку, могут физически затоптать друг друга. Совершенно неуправляемым стал полк. С высоты ведут огонь фашистские танки, спрятанные в ямах — нашему миномету не по зубам. Торчат у танков из ям только башни. Попробуй, возьми их! Глядеть жутко, как погибает полк. За свою беспомощность нам обидно...

Наши полковые артиллеристы, как всегда, оказались главными героями. Пехота легка на подъем, ей маневрировать легче. Вот артиллеристам нельзя в этом смысле сравниваться с пехотой, так как пушка не карабин и не автомат. Артиллеристам приходится стрелять, чтоб удержать, остановить, уничтожить противника. Заодно и пехоту прикрыть. Артиллеристы под командованием Елисеева Дмитрия, открыли огонь. Он лично уничтожил два танка.

Немцы хотят закрепить свой успех. Многие получили ранения и контузии...

После этого случая, командир полка был снят с должности, переведен в другую часть.

Солдаты и офицеры гордились, что к разгрому фашистов под Сталинградом наша дивизия хорошо приложила свой кулак. Начиная от прорыва немецкой обороны под Клетской 19 ноября 1942 года, от взятия Калача, от боев под станцией Распопинской, где был целиком уничтожен фашистский полк и взято в плен около трех тысяч румынских солдат, от тяжелого боя за Пять Курганов северней Карповки, боев под Мариновской — мы упорно пробивались к Сталинграду.

За проявленную отвагу в боях за Отечество, за стойкость, за героизм личного состава преобразовать стрелковую дивизию в гвардейскую стрелковую. Преобразованной дивизии вручить гвардейское знамя.

Теперь мы — гвардейцы! Это высокая награда. Немногие мои товарищи дожили до нее. Новый командир полка гвардии майор Бобков Иван Николаевич. Весь личный состав в ротах сменился полностью несколько раз.

Сколько замечательных ребят осталось лежать в земле на этом отрезке от Дона до Волги! Ценой своих жизней они помогали переломить ход войны.

После питомника был Гумрак. Фашисты оставили станцию после непродолжительного сопротивления. Заходим в концентрационный лагерь для советских военнопленных. Часть людей была на грани смерти, но все же живые, и их срочно вывезли в госпиталь. Несколько тысяч наших военнопленных было замучено здесь, видно было эти тысячи — штабелями сложенные в открытом поле...

От Гумрака до Сталинграда всего пятнадцать километров. Фашисты не сопротивляются — бегут.

Первое февраля 1943 года. Подходим к окраинам города.

Разрушенный город. Сколько ни напрягай воображение, за словами не увидишь того, что предстояло нашим глазам. Ни единого целого дома! Нет крыш, нет перекрытий. Голые стены с пустыми глазницами окон, в которые видны горы кирпичных завалов. Из уст в уста летит весть, что фашисты раздвоены на два котла. Но где они?

Бойцы дивизии готовы к уличным боям. Солдаты были вооружены гранатами и ножами. Вещмешки набиты автоматными дисками. Все лишнее с себя долой. Просачиваемся в глубь города...

Безработными стали артиллеристы, послать мину или снаряд в «котел» уже нельзя — слишком мал его диаметр.

Выстрел! Фашисты себя обнаружили! Значит, все-таки они есть в том доме, который лучше называть грудой развалин, они есть. Живо устанавливаем миномет, наши «гостиницы» отвесно летят на головы гитлеровцев. Каждый выстрел производим с великой осторожностью! К вечеру выкуриваем немцев из очередного подвала и решаем передохнуть.

Наступило 2 февраля 1943 года. Капитуляция!...

Но днем мы все сходили посмотреть на тот самый универмаг, где был штаб Паулюса. Весь город в белых тряпках.

Из разрушенного, но непокоренного города медленно потянулись мимо нас колонны пленных фашистов. Больные и ослабленные плетутся в хвосте колонн, закутанные одеялами с головы до ног. Спрашиваю наших конвоиров:

— Куда их теперь?

— В Гумрак, — нехотя отвечают конвоиры. — Там они сами для себя построили концлагерь...

В станице Карповка, где расквартировалась наша гвардейская дивизия, наконец, объявили жаркий и сладостный бой вшам!

Быстро, по своим «проектам» построили жарилки и баню. Каждый день моемся, паримся, жаримся. В жарилке накаляется наше обмундирование так, что дымится, а вши не погибают...

Привезли новое обмундирование — с иголки! Вшей не стало с того дня совсем.

Ощущение охватило такое, что войне конец. Ох, как же еще далеко было до конца войны! Скольким ребятам нашего батальона придется погибнуть от той весны сорок третьего до весны сорок пятого...

Приходится идти и идти. Как кадры цветной киноленты, перед глазами отчетливо ярко проплывает трава, протоптанные до коричневатой-желтой земли тропинки, щели траншей, отдаленные холмы и люди, люди, в выцветшей запыленной военной форме, которые куда-то идут и идут. Глаза то охватывают общую картину, то останавливаются на мельчайших подробностях.

Видны ворсистый ковер и отдельные травинки, группы солдат и лица, лица. Странно, что ни одного знакомого. И

вообще лица, какие-то абстрактные, просто лица, без индивидуальных черт и особенностей. И еще не понятно — действительно я иду или, может быть, смотрю цветной кинофильм? Нет, все-таки иду, поэтому и тяжело так.

Что это давит и болит? Ах, да, это станковый пулемет «максим». Почему я должен тащить его сам. Ведь я же командир, офицер. Правильно, расчет слабоватый — двое, с 1926 года рождения, призванных из освобожденных областей Украины, да Марков, командир расчета и мой связной. Он старый человек. Вот и приходится тащить за них. Но почему нельзя хоть на минуту бросить, этот миномет, почему хоть на минуту не отвязаться от него, чтобы отдышаться и отдохнуть? В конце концов, я командир и устал, мне больно. Я могу приказать, чтобы его хоть немного потащили другие. Но, прежде чем приказать, я могу его просто бросить.

И снова трава, травинки, лица, холмы и бесконечная ходьба. Я никогда не думал, что идти — это такое трудное, однообразное дело. Сначала двигаешь левой, а затем правой ногой, потом опять левой, затем правой.

Ногу отвяжите, сестра.

— Сейчас нельзя перебинтовать. Скоро вас отвезут в операционную.

Я лежу на высоком столе, как бы выставленный, на всеобщее обозрение. Люди справа и слева чем-то заняты вокруг столов. Мужчина в белом подошел к нему, и сказал:

— Будем ампутировать левую ногу!

И тут до него доходит смысл происходящего. Ему стало понятно, что собираются отрезать ногу! Нет, ни за что! Резать не дам! Кричит он:

— Не прикасайтесь ко мне!

Его начинают успокаивать, что это не так, он неправильно их понял. Что тут понимать? Слово «ампутация» солдату объяснять не надо. Газовая гангрена — тоже понятна, — не терпит промедления, и выход только один — ампутация.

Нет, лучше умереть.

— Не подходите ко мне! Не согласен я на ампутацию!

Его и правду не трогают. Доктора ушли в перевязочную, оставили его под присмотром санитаря, но он кричит, санитар пытается успокоить его.

Через какое-то время опять возле него собрались врачи. Переговариваются, он слышал разговор:

— Попробуйте широкие разрезы и кислород в рану и внутримышечно.

И ушли. Он лежит и ждет, что будет дальше. дождался! Такой ад начался. Разрезали голень полосками это не горе, а когда стали толстой иглой в ногу ворочать во все стороны и накачивать в рану кислород, боль стала нестерпимой. Он молчал.

Главное — ногу оставили. Значит, еще будем воевать. Напоили чаем, последний укол, забинтовали, сунули ногу в хитроумную проволочную шину, на носилки — и в палату.

И потекли госпитальные дни. Обходы, перевязки, ожидание перемен в лучшую сторону.

Первые дни он все боялся уснуть и потерять контроль над собой, очень не хотелось выдавать себя. Уснет и кричит от невыносимой боли, а врачи передумают и ногу все же отрежут. Нога толстая как бревно. Иногда ему удавалось заглядывать под бинты, не продвигается ли линия гангрены к бедру, но понять трудно.

Ежедневно его возили в перевязочную, накачивали ногу кислородом. Однако разговоров об ампутации уже не слышно было. Больше месяца тревоги и страха прошло. Дела его пошли на поправку.

Приносят завтрак. Я ем с аппетитом, пью какао, меня радует и удивляет, что меня кормят, за мной ухаживают, хотя я ничего не сделал и ничем не заслужил такого обращения.

Дальнейший путь был нелегкий. Он встал на ноги, с помощью костылей научился ходить заново.

Из госпиталя его выписали и отправили в запасной полк. Всеми правдами и неправдами, он попал в родную дивизию. Получил приказ о назначении командиром орудия артиллерийского полка. Командир полка майор Васильев И. Ю. принял у себя, и объявил, что за прошедшие бои был представлен к награждению медалью «За отвагу».

Весна. Солнце уже по-настоящему пригревать стало и подсохло немного. А дивизия шла по широкой украинской степи, все вдали от сел и городов. Другие части освобождали города, и им присваивались названия этих городов, дивизия почему-то воевала все где-то сбоку. И сами себе присваивали звание: непромокаемая, непросыхаемая дивизия. Бои были все, какие-то незначительные. Немцы очень аккуратно от нас скрывались, мы никак не могли их догнать.

Первый боевой экзамен расчету пришлось держать в боях за деревню Никулино. Настырно немцы рвались к господствующей высоте. Задача была такая: вместе с пехотой задержать продвижение немцев, чтобы дать возможность другим частям дивизии занять более выгодные позиции и на них закрепиться.

Орудия поставили на ржаном поле. Удобная тут была позиция: от неприятельских глаз она скрытная, а расчету хорошо видна местность, простирающаяся до дороги, что протянулась пепельной лентой сразу за желтеющим ржаным полем. В бинокль командир видел движущиеся по проселку немецкие танки.

Подошел комбат. Спросил:

— Что вы там наблюдаете?

— Наблюдаю за немцами, ответил командир орудия. — Двигаются по дороге, как у себя дома. Шлепнуть бы по ним из орудий.

— Желание похвальное, — сказал комбат. — Но пока стрелять нельзя. Нам приказано замаскироваться, приготовить данные для стрельбы и ждать.

— Чего там ждать?.. Пока все немцы на машинах проедут?

— Ждать танков. Не исключено, что именно на нашем участке они бросят их в атаку...

Верно, танки появились вскоре. Их было четыре. Они прошли метров триста по дороге, потом сошли с нее и медленно поползли в сторону батареи и пехотинцев, окопавшихся впереди артиллеристов. Три танка шли в одну линию, четвертый метров на пятьдесят вырвался вперед. Похоже, что он был головным. За танками жиденькой цепочкой, хотя и быстро, но осторожно двигались солдаты.

Комбат заторопился на командный пункт, на ходу бросил:

— Качалов, ваш танк головной...

Танки двигались и стреляли. Василий ясно видел, как выплескивалось розоватое пламя из стволов танковых пушек. Снаряды вздыбили несколько мутных султанов правее от батареи.

Шли секунды. Грузные, тяжелые машины приближались. Уже невооруженным глазом можно было рассмотреть редкую цепочку немцев, бегущих за танками. Уже поймал в перекрестке прицела головную машину сам командир орудия.

— Подпустим поближе, есть еще время.

Сказал так командир, а у самого по щекам бусинки пота, на сердце холодок, и колотилось оно в груди.

Он сделал выстрел, когда до головного танка осталось метров триста. Гроыхнул выстрел, орудие и всех, кто находился возле него, обдало рыжей песчаной пылью.

Едва она улеглась, артиллеристы увидели, что головной танк остановился, а затем от него потянулся вверх, медленно покачиваясь, черный шлейф дыма. К нему подскочил наводчик Николай Есин, крутанул его за плечи, озорно закричал:

— Подбили!... Василий подбили? Готовьте шрапнельные, по пехоте...

В душе Василий отлично понимал состояние расчета, он и сам готов был плясать от радости, от первой боевой удачи, от первой победы.

Два немецких танка подбили другие расчеты, а четвертый круто развернулся и уполз назад, к дороге. Шрапнельным огнем батареи смяло и пехоту противника. Так орудийный расчет Качалова выполнил свою задачу и успешно выдержал свой первый экзамен под командованием нового командира.

Сколько их было еще потом, этих нелегких испытаний. И не проходили они бесследно. В августе того же года во время дуэли батареи с немецкими пушкарями погиб наводчик Николай Есин, который посмертно был награжден орденом Красной Звезды.

Год спустя, орудийный расчет Василия держал, пожалуй, самый жестокий для них экзамен. В январе сорок четвертого года наши войска форсировали реку Неман, захватили плацдарм и удержали до прихода основных сил дивизии.

Плацдарм пехота заняла, но им оставалось главное — удержать его. Усердно, до седьмого пота окапывались стрелки на левом берегу реки, на правой стороне торопливо занимали огневые позиции артиллеристы. На них возлагались большие надежды. Батарея, в состав которой входил расчет Качалова, ставилась на прямую наводку. Объясняя это решение старшего начальника, комбат сказал:

— Немцы будут стараться сбить солдат с плацдарма. Танки против них бросят. А у нашей батареи противотанковых средств маловато. Надежда на вас, мои пушкари. Ком-

бат распорядился: — Готовясь встретить танки, не забывайте и о вражеской пехоте.

Василий понял эти слова как приказ: стал готовиться к бою, приготовил к бою осколочные и шрапнельные снаряды.

Первый день артиллеристы осваивали свою позицию. Василий, наблюдая в бинокль за левым берегом, тщательно изучал подступы к плацдарму со стороны немцев. Конечно, те накапливаются сейчас в синеющем вдали лесочке. Удобно там сосредоточиваться скрытно, а потом и ударить по плацдарму. Размышлял Василий об этом, хотя и не ведал о том, что в лесу уже подготовились к атаке немецкая танковая рота и батальон пехоты, что ведут последние приготовления к артиллерийскому обстрелу батареи противника.

Однако первый день на плацдарме прошел спокойно. Лишь изредка с обеих сторон постреливали из пулеметов, будто ощупывали оборону друг друга. Ночь прошла спокойно. Конечно, относительно спокойно, потому что немцы постреливали и в это время, и почти всю ночь над окрестностью висели осветительные ракеты. Все это держало людей в томительном, нервном напряжении. Хотя по опыту Василий знал, что фашисты небольшие любители ночных наступлений, однако считал предосторожность на войне делом далеко не лишним. Отправив расчет передохнуть в укрытие, сам он всю ночь просидел возле пушки, так и не сомкнув глаз.

Утро выдалось тихое. Василий сказал наводчику Алексею, наверное, десятый раз осматривающему затвор пушки:

— Скоро начнется. Все с чисто немецкой аккуратностью: отоспались, позавтракают и пойдут, как по расписанию.

Но он ошибся. Фашисты начали штурм плацдарма не утром, а в полдень. Начали с артподготовки. Наша артиллерия молчала, чтобы не обнаружить себя перед противником раньше времени.

Вскоре, когда улеглась на поле пыль от разрывов немецких снарядов, Василий увидел в бинокль танки: один, второй, третий... Он насчитал их семь. Они, подминая кустарников, двигались к левому флангу окопов, которые занимала наша пехота. За танками, стараясь от них не отставать, катилась густая цепь солдат.

И как всегда, теперь расчету Качалова предстояло уничтожить головной танк. За прицелом стоял молодой наводчик

Алексей Егоров, прибывший с пополнением для дивизии. Василий обучил его всем секретам стрельбы по пушкам.

Василий стоял теперь рядом с наводчиком, покусывал в нервном напряжении губы и выжидал. Возле двух танков уже плеснули языки разрывов снарядов.

— Чего торопятся? — неодобрительно подумал Василий о тех, кто выстрелил. — Попусту бухнули. Немцев не подбили, а себя обнаружили.

Точно в подтверждение его мысли, на позиции батареи громыхнули несколько снарядов. Это стреляли танки.

Качалов подал команду «Огонь!», когда выстрел поставленного напрямую наводку орудия был неотразим и наверняка точен. Танк загорелся. Это был один из трех танков, которые зачтутся в боевой актив расчета, о чем будет сделана соответствующая отметка на щите их пушки.

К слову надо сказать, что за эти бои весь расчет Василия был награжден: командир орденом Красной Звезды, расчет медалью «За боевые заслуги».

Это будет потом. Пока же чадил черным дымом немецкий танк, а вскоре на поле боя еще две стальные махины, подбитые другими орудийными расчетами. Остальные танки повернули назад. Немецкая пехота залегла. Наступило затишье...

— Кажется, мы выстояли, — облегченно вздохнул командир, встряхнул песок от пилотки. — Ребята, давайте уберем от орудия пустые гильзы...

Затишье было недолгим. Фашисты, потеряв три танка, не отказались от попыток сбросить наших бойцов с плацдарма. Вскоре две роты гитлеровцев ринулись в атаку. Шли нагло, шли в полный рост, пьяные что-то горланили.

— Нагло идут, — сказал наводчик Алексей Трубников, наблюдая за немцами в прицел орудия.

— Ну эту спесь их мы собьем, — зло отозвался командир орудия. — Только бы пехота наша не подкачала...

Опасение командира орудия было оправданным. Стрелковые подразделения уже понесли потери, а им первыми пришлось встретить немцев огнем из винтовок и автоматов. В их торопливую, суматошную стрельбу вливался отрывистый стук пулемета. Однако немцы шли. Шли все так же, в полный рост.

Обстановка, которая складывалась на плацдарме, ничего хорошего не принесут. Это поняли, конечно, и на КП дивизиона. Там, наверное, даже яснее его разумели, что может произойти, если гитлеровцы сомнут наших стрелков. Сейчас, именно сейчас, артиллеристы должны были не допускать этого, не дать немцам достичь траншей, которые занимала пехота батальонов своей дивизии. Получен приказ — открыть огонь по немецким автоматчикам. Шесть орудий первого дивизиона обрушили на противника осколочные снаряды. Всплески их разрывов метались в цепь фашистов, и она вскоре поредевшая, изломанная, попятилась назад.

— Сволочи, не нравится!... Побегали!.. — не скрывая своей радости, воскликнул Алексей.

Когда фашисты откатились назад, он приказал расчету стрелять шрапнельными снарядами. Команды его четки. И после каждого выстрела вздрагивало тяжелым корпусом орудие, словно было живым, и после каждого выстрела со звоном падала стреляная гильза. После каждого выстрела появлялось над бегущими назад немцами мутноватое облако, из которого, точно град, секла вражескую пехоту шрапнель. Спасаясь от этого смертоносного града, фашисты отпрянули к лесочку. Отпрянули и залегли. Тотчас у лесочка громыкнули их пушки, словно в отместку.

Следующие снаряды уже разметывали землю на позиции дивизиона. Сейчас бы в укрытие, спрятаться в щели и там переждать смерч артиллерийского огня немецких батарей. Но кто тогда прикроет стрелков? Кто поможет им отбить новую атаку фашистов? И расчет Качалова, как и другие расчеты, под огнем вражеских батарей стоял у орудия и стрелял прямой наводкой по атакующей пехоте противника.

Охрипшим голосом, поминутно сплевывая изо рта сухой песок, Василий отдавал команды. Поднятая ею пыль смешалась с пылью и дымом, поднятыми разрывами немецких снарядов. Он, кажется, всего этого и не замечал, а лишь видел перед собой поле бегущих по нему чужих солдат, которых надо было остановить, рассеять, уничтожить.

Он отдавал команды и стоял на своем месте, будто вкопанный. Зная его спокойный характер, согнувшись у пушки, работали наводчик, заряжающий. И только подноски снарядов метались мимо старшего сержанта от снарядных ящиков с зарядами к пушке.

Продвигался расчет орудия Качалова вперед по дорогам войны, в котором, как и прежде, он был командиром орудия, только два раза побывавший после ранений в медсанбате.

Наводчиком уже был новый парень из Сибири, такой же сообразительный, как и прежний, стал отличным солдатом, мог выполнить любую работу вовремя, мог заменить командира.

Остались в расчете всего два человека с первых дней войны, они получали ранения, но не уходили с поле боя. Егор Егоров был дважды награжден медалями «За отвагу», а у командира на груди сверкали ордена Красной Звезды, Отечественной войны 1 и 2 степени, две медали «За боевые заслуги». Командир к этому времени был представлен к награждению орденом Славы 3 степени. Командир полка Кнутов И.А. писал: «Качалов Василий Петрович, старший сержант, командир орудия отдельного артиллерийского дивизиона, в бою при отражении атак за плацдарм, огнем своего орудия подавил и разбил три огневые точки противника и прямой наводкой поджег два танка неприятеля. Точной стрельбой уничтожил наблюдательный пункт врага, при этом уничтожил прислугу штаба».

Расчет шел до конца войны, оставаясь верным делу, во имя которого в июле сорок первого года оставил отчий дом и ушел на фронт. Ушел не от опасности, а навстречу ей.

В бою под Орлом, под Варшавой,
В жестоком огне батарей
Я чувствовал слева и справа
Поддержку окопных друзей.
Тогда я узнал, что такое
Священный, почетнейший долг.
— За мною! — взмахнувши рукою,
Скомандовал громко парторг.
И как бы там смерть ни косила,
И что б ни грозило вдали,
Земная партийная сила
Меня поднимала с земли.
На трудном пути каменистом
Смотрел я вперед, а не вниз, —
И стал потому коммунистом,
Что вел меня в бой коммунист.

Война — жестче нет слова.
Война — печальней нет слова.
Война — святее нет слова
В тоске и славе этих лет..
И на устах у нас иного
Еще не может быть, и нет...
А. Твардовский.

Предлагаю читателям военные воспоминания Каткова Евгения Васильевича, который прошел войну с первого до последних дней. Правда, с перерывами излечения в госпиталях.

«Восстановлено в памяти все, как было. Готовилось наступление, это самое. Во что бы то ни стало, требовалось достать «языка». Разведчики каждую ночь ходили в поиск, но безуспешно. Оборона стабилизировалась, нигде никакой лавейки. Фашисты стали умнее. Всю ночь они то и дело строчат из пулеметов, пускают ракеты, стреляют трассирующими пулями.

Зрелище это очень приятное. Вот вспыхнула желтая, или зеленая, или оранжевая капля света, а потом, как бы подумав, начинает наливаться, набухать и медленно и плавно не летит, а как бы взбирается выше и выше, и ночная тьма раздвигается, убегает все дальше и дальше. Вот капля рассыпалась фонтаном огней, и видишь в таинственном освещении молчаливую и как будто безжизненную землю, кусты, ямы, каждый бугорок. Или трассирующие пули.

Когда видишь, как они летят, ни за что не подумаешь, что это пули, смерть. В общем, красиво ночью на войне, конечно, если все спокойно. Фейерверков можно насмотреться на всю жизнь. Разведчикам делать свое дело почти невозможно. Мне рассказывали, как захватили одного «языка». Он уже засыпал, а все же давил на гашетку пулемета. Но это было давно. В то время, про которое я рассказываю, достать «языка» совсем не удавалось. Лейтенант Кунин, командир разведроты, каждый день кричал разведчикам: «Трусы, расстреляю!» Об этом рассказывал старшина Орлов, но он старшина по званию, а не по должности.

В нашем окопе он появился неожиданно к концу дня и наделал переполоху! Только что принесли обед, и солдаты,

примостившись, кто как с котелками, приготовились кушать. В это время на бруствер с той стороны обороны, где начинается другой мир и оттуда, мог появиться только враг, выполз человек, как из земли вылез.

Представьте: вы сидите дома, как ни в чем не бывало, и вдруг видите, что к вам кто-то лезет в окно. А тут ведь не дома. Не успели солдаты схватить автоматы и винтовки, как он оказался в окопе, шутливо поднял руки, сказал усмехаясь:

— Не убивайте, братцы славяне, я еще кушать хочу, живот совсем пустой.

Солдаты побросали котелки и обступили его. Он шутит:

— Вас тут всех в плен можно было забрать, — И не говорит, кто он и откуда.

Я подошел к нему. Он неторопливо ловким движением обеих рук провел по себе сверху вниз, поправив пилотку, заправив гимнастерку и отряхнув пыль, встал и с небрежным щегольством и едва уловимой усталой насмешкой козырнул:

— Старшина Орлов, разведчик.

Тогда все вспомнили о том, что два дня назад по окопу передавали, что пропал кто-то из разведроты, и приказали быть осторожными, чтобы не пристрелить его, если он приползет. Но об этом уже забыли, считали, либо он давно вернулся, либо погиб. И вот этот неведомый разведчик оказался живым стройным загорелым парнем, который стоял перед нами и устало усмехался.

— Откуда?

— Оттуда.

— Как же тебя боевое охранение не заметило?

— Их спросите.

— А что же ты там долго делал?

— Прогулка небольшая, вышла. — А в усталых глазах говорило многое: «Извините, конечно, что шучу, но я имею на это право. И зачем спрашивать, когда и так все ясно?» — Давайте покушать сначала, товарищ лейтенант. Двое суток не ел.

Принесли ему кашу, он достал из голенища ложку, обер ее об брюки и стал кушать жадно. Мы глядели на него, как на чудо.

Герой, торопливо утолив первый голод, стал, есть по-медленнее, со вкусом, и с полным ртом каши рассказывал:

— В общем, оторвался далеко, увлекся, отошел от своих окопов. Пулеметчик, и на отшибе. Вот я и охотился за ним. Потом засекли, отрезали. Пришлось целый день покойником лежать. Зато отоспался немного. Потом пришлось петлять. Когда осмотрелся, вижу, что не туда гребу, пришлось назад.

— Как же ты без еды и питья?

— Нормально...

Он поел, попросил воды, напился и стал оглядываться, довольно отдуваясь. Внезапно нагнулся, легким кошачьим движением перехватил у солдата только что свернутую цигарку, которую тот подносил ко рту, и сказал:

— Спасибо!

Вышло это очень забавно, словно солдат заготовил цигарку специально для него. Все засмеялись, а солдат заморгал, покраснел, но не решился разозлиться. Покурив с наслаждением, Орлов придавил сапогом окурки, беззаботно проговорил:

— Не бросай — попьем, не выливай — покурим. — Все, разрешите, товарищ лейтенант? Теперь надо идти доложиться. А то ночью будут снова разыскивать, у нас в разведке закон такой — даже мертвого надо вытаскивать. Ох, и глотничать сейчас будут! Но, ничего на полый живот, выдержу...

Я отвлекся. Разведчикам никак не удавалось достать «языка». Тогда ребята и придумали шутку. Взять «языка» на передовой, когда оборона стабилизировалась, дело почти невозможное. Эту мысль высказал рядовой Павлов. Но тогда-то у меня и мелькнуло: если невозможно взять на передовой, то надо...

Готовились мы с неделю. Нам достали немецкую форму, проделали проходы в минных полях. И вот темной ночью наша артиллерия сделала отвлекающий артиллерийский налет, и мы поползли, используя как рельеф, местность. Надо признаться, однажды я порядочно струхнул, даже замер от страха.

Мы вползли в заброшенную траншею и, пригибаясь, осторожно пошли по ней. Только мы высунулись, как только сразу за поворотом, на фоне неба, чернела фигура человека в каске и с автоматом. Я едва не столкнулся с ним. Конечно, затаил дыхание, а Орлов молча тянет за руку. Я упираюсь, толкаю его. А он шепчет мне на ухо:

— Это мертвый.

Мы всю ночь шли по занятой врагом территории. Между окопами был проход, который показал Орлов, и мы ползли по нему, удаляясь от слышимой рядом незнакомой речи, все дальше уходили от переднего края вглубь, в тыл.

До мельчайшей подробности изучили распорядок генерала, его характер и привычки, когда он уезжал и приезжал, когда от него уходит адъютант, и он оставался один.

Вот однажды, при закате солнца, мы подъехали к дому на машине. Мы вышли из машины, показали часовому документы и прошли в дом. Орлов вошел первым, отчетливо щелкнул каблуками, блестящий немецкий офицер, затем вытащил пистолет!

Короче говоря, мы взяли «языка» ни кого-то, а самого генерала Миллера.

Нам с Орловым дали орден Славы 3 степени...

После ранения, я с Орловым больше не встречался, не знаю его судьбу после войны.

Случилось непредвиденное. Один из выхода на поиск, я был ранен в ногу. Отправили в тыл, через три месяца я уже был в запасном офицерском полку. Ждал пока назначение, познакомился с подполковником, который мне предложил ехать с ним на будущее место службы. Повезло мне, этот подполковник был заместителем начальника штаба дивизии. Так я снова оказался в разведке.

Тут еще приходит приказ на переформирование, уводят на пять километров в тыл.

На переформировке мы пробыли две недели. Приняли пополнение и окончательно сформировали подразделения. После этого оказалось, что в нашем полку не четыре батальона, как это было раньше, только три.

Однако мне недолго пришлось воевать на разведке. После сильных боев в ротах не оставались командиры роты, выбывали по ранению.

Вызвали меня в штаб полка и назначили командиром стрелковой роты.

Веселые, возбужденные, все собрались на лужайке. Построились. Тут я впервые увидел всю свою роту. В ней осталось человек двенадцать. Вдруг с улицы деревни разда-

лась короткая автоматная очередь. Строй разрушился, все загалдели: кто стрелял, откуда? Я и несколько солдат кинулись на улицу по направлению стрельбы. Но улица безлюдна, и никто больше не стреляет. Мы постояли и вернулись на лужайку.

Сзади затарахтело, вылезли штук пять наших танков, и встали в стороне. Раздалась команда комбата:

— Командиры рот, ко мне!

Я вместе с тремя офицерами подбежал к месту вызова. На марше я понял, зачем комбату батальонные разведчики. Он стройный капитан с загорелым, несколько простоватым, но красивым и веселым лицом, с живыми блестящими глазами и с орденом Красной Звезды и медалью «За оборону Сталинграда» на безупречно заправленной гимнастерке.

В одном из боев под Яссой был ранен. Началось скитание по медсанбатам, госпиталям...

Я вспомнил все, что было со мной, и теперь совсем ясно понимаю весь ужас, что случилось в то время. Я догадывался о нем всегда и поэтому старался не думать, ничего не вспоминать.

Ко мне снова пришел врач. И снова он долго сидит и говорит, убеждая согласиться на ампутацию. Сегодня он пришел более подготовленным. Он начинает доказывать от противного.

— У вас очень плохое ранение, — говорит он. — В чашечку колена, нерв перебит, так что даже если бы вы и остались с ногой, она бы никуда не годилась. В колене не гнулась. Раздробленную чашечку у вас уже удалили. Чашечка играет важнейшую роль. С такой ногой толку мало, а главное у вас газовая гангрена. Ноги у вас, по существу, уже нет, она омертвела и может заразить весь организм. Так что речь идет уже не о ноге, а о вашей жизни.

Он долго стоит надо мной, человек в белом халате, и не знает, что делать. Он хочет спасти мне жизнь, и не понимает, почему я отказываюсь. Понял одно: без моего согласия они не понесут меня на операцию. Это успокаивает...

Я все думаю об одном.

На войне надо убивать врагов, подбивать танки и самолеты, брать деревни и города.

Мы первыми приняли на себя пули и снаряды, которые предназначались всем. Значит, мы защитили и спасли кого-то, кто мог бы оказаться на нашем месте.

Мы приняли удар на себя, но другие ответили на него. Таково разделение труда на войне. Война — дело коллективное.

На мою долю выпало все будничное. Однако в словах санитары оказалась еще одна правда. Быть раненым, тоже дело, и не из легких. Не знаю, сколько мужества, сил и терпения требует подвиг, но госпиталь — это жизнь на пределе возможного, а иногда и за пределами...

Таково мое участие в войне. Оно короткое, но не очень легкое, я помню, что я в неоплатном долгу перед санитарам, докторами, которые лечили в госпиталях.

Но, значит, я вспомнил не напрасно, значит, и во всем есть смысл. Значит, надо жить! Я хочу жить!

— Санитары! Несите меня в операционную!..

Шел смертный бой.
Земля в огне кипела.
Был сужен мир до прорези прицела.
Но мы, полны решимости и веры,
Ему вернули прежние размеры.

ЭТОГО НАМ НИКОГДА НЕ ЗАБЫТЬ...

Еще живы ощущения торжеств, которыми наш народ, все прогрессивное человечество отметило шестидесятилетие Великой Победы над фашизмом. Ее лучезарный свет не померкнет в веках. Все, что выстрадано в борьбе за честь и независимость нашей Отчизны, навсегда сохранится в благодарной памяти потомков, которым отцы и деды отстояли право на свободную и счастливую жизнь.

Обращаясь к истории, мы стремимся извлечь из нее уроки. О минувшей войне немало написано и сказано. И о горечи первых неудач, и о радостях побед. Но в нашем сознании прочно отложилось определение, высказанное писателем К. Симоновым. Героизм на войне, подчеркивал он, проявлялся во все ее периоды. Но, пожалуй, наивысший подвиг народного духа связан с наиболее трагическим периодом войны. И не будь проявлен этот героизм тогда, в сорок первом, мы бы не вошли в Берлин в сорок пятом.

Нет, не до седин, не до славы,
Я век свой хотел бы прожить.
Мне б только до той вон канавы,
Полмига, полшага прожить...

Повествование написано на фактической основе. В нем действуют реальные персонажи, а война видится не с большого командного пункта, а из окопов, из гущи солдатских масс, и создано оно непосредственным участникам описываемых событий, развернувшихся летом сорок первого года на юго-западных приграничных рубежах нашей Отчизны.

Из множеств фактов и поступков бойцов пятой армии на правом фланге Юго-Западного фронта, где фашистские полчища наносили главный удар на киевском стратегическом направлении.

Враг напал вероломно, но наши бойцы и командиры не дрогнули перед испытаниями, лишениями и невзгодами. Они храбро противодействовали численно технически превосходящему врагу, дали возможность развернуться в глубине страны нашим главным резервам.

Все-таки общее положение на советско-германском фронте в начальный период складывалось не в нашу пользу.

Однако враг не достиг на киевском направлении поставленных перед собой целей. В этом признаются сами гитлеровцы. Бывший начальник германского генштаба генерал Гальдер назвал сражение под Киевом «величайшей стратегической ошибкой в восточном походе», а генерал Бутлар рассудил еще откровеннее: «За битвы на киевском направлении немцы потеряли несколько недель в подготовке и проведении наступления на Москву, что, видимо немало способствовало его провалу». немцы

Значит, не напрасно была пролита кровь наших павших героев. Те, кто остались в живых, пройдя всем смертям назло сквозь огонь и грозы, вновь заняли места в боевом строю — на трудовых фронтах.

22 июня сорок первого года
Не танцуйте сегодня, не пойте.
В предвечерней задумчивый час
Молчаливо у окон постоите,
Вспоминайте погибших за нас.
Им нельзя задержаться, остаться —
Их берет этот день навсегда,
На путях сортировочных станций
Им разлуку трубят поезда...

Наше курсантское житье с первых дней учебных занятий было тревожным и изнуряющим. Еще не успели обновить обмундирование, как вдруг объявили общее построение. На плац вышел весь личный состав. Выступая на митинге, начальник училища комбриг Николаев сказал:

— Все больше и больше, товарищи, вторая мировая война становится фактом. Государство надменных шляхтичей разваливается на глазах. Бездарные польские правители бросили свою страну и свой народ на произвол судьбы, на растерзание захватчикам. На востоке Польши двадцать лет гнули спины на панов миллионы наших единокровных братьев — украинцев и белоруссов, отторгнутых белопольскими шляхтичами от своей родимой земли. Теперь к ним идет освобождение. Красная Армия выступила в поход за освобождение народов Западной Украины и Западной Белоруссии!

Комбриг переждал, пока стихнут дружные аплодисменты, продолжил:

— Вместе с тем нельзя не учитывать обстановки, которая складывается на западе, на нашей новой границе. Мы должны быть всегда начеку, оберегать свою родную страну. Особенно обращаюсь к молодым курсантам. Легких дорог не ищите — их на воинской службе не бывает. Каждый должен быть всегда готовым открыть артиллерийский огонь по буссоли 15.00 или 45.00.

Это он о наводке основного артиллерийского прибора в сторону опасных очагов войны — фашистской Германии и империалистической Японии, угрожавших мировым народам. Он ни словом не обмолвился про договор о ненападении между нашей страной и Германией, который был заключен менее месяца назад, и о котором еще ходили разные толки.

На другой день стало известно, что мы ежедневно будем заниматься по двенадцать часов, не считая времени на самоподготовку.

Пришла зима. Труднее стало солдатам на занятиях в поле. И вдруг — война с белофиннами. Заговорили о «линии Маннергейма», неведомой до сих пор. Узнали, что в гарнизонном госпитале появились первые раненые и обмороженные.

Младшими лейтенантами, какими были соседи пехотинцы, мы на финский фронт не попали.

События на Карельском фронте, как известно, положили свой неизгладимый отпечаток на всю армейскую жизнь. Наше училище, например, перешло на подготовку командиров корпусной артиллерии. К нам на вооружение поступили 152-миллиметровые гаубицы-пушки и 122-миллиметровые гаубицы.

Отбыл на новое место службы начальник училища генерал-майор Николаев. Назначен на новую должность, с большим повышением. Жалко расставаться с ним, строгим и энергичным командиром, внимательным и общительным, наделенным острым умом и недюжинными способностями. Вспоминаю, как новички заглядывались на ромбы комбрига в петлицах и золотые галуны на рукавах, ордена Красного Знамени и Красной Звезды, знак депутата Верховного Совета РСФСР.

Сразу после первомайских торжеств по училищу разнеслась весть, что мы отправляемся в летние лагеря.

На полигоне сплошной грохот. Выстрелы орудий и залпы батарей. Вдали, у целей, встают фонтанами разрывы. Курсанты проходят главный экзамен — боевые артиллерийские стрельбы. И настал мой черед. Волнуясь, выслушал поставленную задачу. Ориентируюсь по карте, перенес цель на планшет, подготовил исходные данные, подаю команду: «По реперу!». Словом, пристрелку провел в установленные сроки и указанным числом снарядов.

Следует вводная: «Готовясь к атаке, противник открыл артиллерийский огонь у развилки дорог в квадрате... Подавить!»

Командую, кажется, не слышу своего голоса: «Батарея, к бою!» «По батарее противника!» Залп — и впереди встает стена огня и пыли. За спиной слышу: «Что ж, неплохо!» Это говорит полковник Малин. У него на груди поблескивает Золотая Звезда Героя. Он приезжал в наше училище раньше на проверку.

Меня поздравил капитан Кирин — наш командир батареи.

К вечеру возвратились в лагерь, и тут нас ошеломила неожиданная весть. Правда, сначала разнеслась она по «курсантскому телефону». Боевые стрельбы — экзамен, но это оказалось правдой. Через час на вещевом складе нам начали выдавать командирское обмундирование. Узнали, что на завтра назначено торжественное построение, где будет объявлен приказ о присвоении нам лейтенантских званий и о назначениях в войсковые части.

Поехали на вокзал, попрощались с друзьями. Засыпаю под стук колес. Очнулся и вижу, что мои друзья на ногах. За окном ясно и солнечно, подъезжаем к Москве.

В Москве долго не задерживаемся, поезд на Киев ушел через два часа, времени — в обрез. У железнодорожных касс — толчея, всюду наши сверстники-лейтенанты в новеньком обмундировании, в скрипучих ремнях.

За ночь мы доехали до Брянска. К вечеру — до места назначения. В полку нас встретил наш бывший командир роты Коновалов. Он уже майор, начальник штаба полка! Усадил нас в своем кабинете, расспросил об училище, затем кратко ознакомил с частью.

В апреле, наш 445-й корпусный артиллерийский полк дислоцировался на Украине. Полк входит в стрелковый кор-

пус, который заканчивает свое формирование. Пополнение призывников-запасников поступает из окрестных мест, и с ними надо заниматься, чтобы стали они полноценными солдатами.

Я был назначен на должность командира взвода управления. Начальник штаба повел нас в артиллерийский парк. Там под навесами теснились зачехленные артиллерийские системы.

Принял нас полковник Кириллин в своем кабинете. Он познакомился с каждым, разрешил сесть. Сам разговаривал стоя, поглаживая бритую голову. На гимнастерке командира полка серебром и алой эмалью отливала медаль «20 лет РККА».

— Знаю ваше училище. Хотя оно, кажется, довольно молодое, но хвалили. Надеюсь, поддержите такую честь? Знаком и с генералом Николаевым. Хороший командир, заслуженный! Что ж, втягивайтесь, привыкайте, осваивайтесь в полку. Обстановка, скажу прямо, сложная, даже опасная.

— Есть, Иван Васильевич, что-либо дополнительное к предстоящему отъезду? — спросил Коновалов.

— Как ни доказывал, ни настаивал на выдаче материально-боевых запасов, начальство не разрешило. Уедем, стало быть, с пятнадцатью караульными патронами на брата, черт побери! — полковник досадливо поморщился. — Значит, весь расчет прежний. Командиры и замполиты батарей и дивизионов с взводами управления, инструментальная разведка и хозвзвод. Вы, майор, останетесь со вторым эшелонном. Да, погодите, возьмем, пожалуй, нашу молодежь, полковник кивнул на нас. — Им такая стажировка на пользу пойдет.

— Выезжаем под Ковель, в артиллерийские лагеря, — повернулся к нам командир полка. — Будьте готовы к отбытию, товарищи лейтенанты!

Над верхушками сосен грузно проплыл огромный черный самолет. Едва он скрылся, унося за собой звенящее эхо, по лагерю разнеслись голоса дневальных: «Подъем!». И сразу вслед призывно:

— Боевая тревога!

Когда в разум неожиданно врывается сумятица, наш рас-судок и взор обращаются к старшему по званию. Они нас

мудрее. Они знают жизнь и надо следовать их примеру. И теперь мой взгляд невольно обратится к штабным полкам.

Сквозь черную мглу увидел крупную фигуру командира полка. Полковник Кириллин, одетый по форме, подтянутый, держа руку на кобуре пистолета, стоял возле своей палатки. К нему подходили, подбегали, коротко перебрасывались с ним какими-то фразами и также энергично отправлялись с поручениями.

А вокруг, под деревьями, деловито копошились бойцы, младшие командиры. Одни спешили к «козлам», забирали свое оружие, другие надевали ранцы и шинельные скатки.

В просторной палатке, где собрались командиры, был командир полка. Тихо поздоровался, начал говорить:

— До границы отсюда, товарищи, совсем близко. Здесь, в нашем районе, могут случаться всякие неожиданности. Их самолеты и раньше появлялись. Надо полагать и иное. Из корпуса по телефону я успел узнать, что восточнее Ковеля высаживается некий парашютный десант. Нам приказано его блокировать. Связь вдруг прервалась. На радиоволнах — сплошные помехи. Данные о десанте подтверждает наше охранение. Докладывают, что слышат перестрелку.

Была создана группа захвата десантников под руководством капитана Каменева. В его группу дополнительно придано людей, добавлено патроны. Задача: разведать, окружить и пленить вражеских парашютистов. Окажут сопротивление — уничтожить!

В кровавых сполохах занималась утро 22 июня 1941 года...

Пройдут годы. Десятилетие за десятилетием будут наслаивать пласты времени. Но, вглядываясь в дали уходящего, историки каждый раз будут возвращаться в тот черный день, залитый болью и бедами. В сущности, еще не зная, что их ожидает, бойцы, оказавшиеся на огненной пограничной черте, действовали, подчиняясь законам мужества и дерзости. Выполняя свой святой долг перед Отчизной, они опирались на крепость духа и недюжинные силы, которые до сих пор берегли и накапливали в свих тревожных предчувствиях...

На повороте дороги из кустарника вынырнул мотоцикл, на котором сидели два человека в запыленных плащ-палат-

ках и командирских фуражках. Идем с Ивановым к ним на встречу. Не сходя с машины, они кричат:

— К нам на выручку, товарищи?

— Еле держимся, надо спешить!

Развернули свой мотоцикл и понеслись назад. За ним, петляя по узкой полевой дорожке, устремились наши полуторки. Едкая пыль запорошила глаза. Вихрем летим к лесу, откуда раздавалась частая стрельба. Выпрыгнули солдаты из кузова. Даю команду:

— Козлов! Бери разведчиков — в цепь и вперед! Вместе с ними пошел мой друг по училище лейтенант Погодин, беря карабин на изготовку.

От задней машины спешит политрук батареи Иванов М. Через некоторое время мы вышли на небольшую поляну, где сизым огнем догорал наш истребитель. Пламя пожирало разбитую хвостовую часть, и в огне, непрерывно стреляя, рвались патроны.

— Надо быстрее исправлять ошибку. — Наше счастье в правильных расчетах.

К объекту мы прибыли вовремя. Несмотря на малочисленность, охрана складов стойко отразила первый удар парашютистов-десантников, когда те намеревались овладеть складами с ходу.

Однако, используя передышку, готовились к решающему штурму. Вскоре они открыли ожесточенный огонь по пулеметной вышке, желая отвлечь внимание от своей атаки на основном направлении. И это время по врагу ударили с тыла наши бойцы. Били из карабинов, забрасывали гранатами. Отчетливо слышали недалекий бой и изо всех сил спешили на помощь своим товарищам. Впереди показалась низина, за которой на взгорье располагались склады, опоясанные колючей проволокой. По долине навстречу нам бежали фигуры в незнакомых зеленых мундирах с закатанными по локоть рукавами и с автоматами в руках. Их каски поблескивали на солнце.

— Рассредоточиться и залечь» — приказал политрук. — Огонь открыть сразу, как дам очередь из пулемета. Стрелять только наверняка. Основная надежда — на гранаты. По местам!

Вот и незванные гости! В прорезь прицела ловлю солдата с погончиками и крестом на френче, не иначе как офицер.

Резко ударил пулемет политрука, и сразу загремели залпы. Будто переломившись пополам, падают зеленые фигуры. Одна, вторая, третья... Враги опешили от неожиданности, потом открыли ответный огонь. Пули проносятся над нашими головами.

— В атаку, вперед! Ур-ра!

Через минуту все перемешалось, переплелось. Стокнулись грудь в грудь, сцепились между собой. Резкие возгласы, стоны, тупые удары. Орудует штыками и прикладами, как нас учили.

Что-то сильно ударило меня в живот, и на какое-то время оказываюсь вне свалки. Едва перевел дух, как железные пальцы фашиста сомкнулись на моем горле. Задышавшись, вижу в упор зверский взгляд, ощеренные зубы. Это видение, однако, вдруг опрокидываясь, исчезает. Передо мной — Козлов с винтовкой в руках. Штык в крови. Помкомвзвода бросает: «Вставай, лейтенант!» И вновь бросается в драку...

Солнце поднялось высоко. Группа собирается у складских помещений. Есть и убитые, немало раненых. Сидят ребята усталые, в рваной одежде, с кровоподтеками, синяками, рваными ранами. Неподалеку, на обрыве, бойцы роют братскую могилу павшим товарищам.

К нам подошел кто-то из охраны складов.

— Извините, товарищи, что без внимания вас оставляем. Некогда. Из районов боевых действий прибывают за боеприпасами. За выручку сердечное спасибо. Очень жалко ребят ваших, очень!...

Замполит прервал его своим голосом:

— Это наш общий долг. Ты вот что, дружище, подкинь нам патроны и гранат, а? Да, побольше. Неизвестно, что еще нам предстоит...

Он кивнул на запад, где продолжало грохотать и ухать, перевел взгляд на свежевырытую могилу.

— Сейчас хоронить будем, а у нас даже на прощальный залп дать нечем. Так что выручай, лейтенант...

Лагерь словно вымер. Лишь караульные, настороженно озираясь, расхаживали по расположению. Подхожу к дежурному по нашему подразделению:

— Почему тишина?

— Война, товарищ лейтенант! Германия напала на нас. Было по радио правительственное сообщение...

Все стало на места. Значит черные самолеты, десант и канонада, что не прекращается до сих пор — не какой-либо пограничный инцидент.

Люди окапываются, отрывают щели, оборудуют блиндажи, укрывают автомашины. На наше возвращение мало кто обратил внимание. Если расспрашивают, то больше о погибших. Медики отправляют тяжелораненых в госпиталь.

Замполит и комбат сумели заполучить на складах десятков пулеметов, полную автомашину патронов и гранат. Командир охраны складов расщедрился вконец:

— Берите, товарищи, сколько можете. Своим защитникам не откажем!

Едва покинули склады, как на них налетели бомбардировщики с крестами.

Замполит и комбат отправились на доклад командиру полка. Вернувшись, комбат собрал всех командиров батареи, где нам рассказал об обстановке. Телефонная связь бездействовала, хотя на восстановление прорывов высылались группы. Радисты старательно возились у своей аппаратуры. Эфир был забит немецкой гортанной речью в перемежку с бравурной маршевой музыкой. Одному из них удалось выйти на нужную волну. И тогда прозвучало ошеломляющее сообщение.

Окопы и блиндажи не понадобились. Вечером часть покинула свое расположение. Перед выходом на марш у автоколонны выстроились на митинг. На нем все говорили о войне. С гневом осуждали вероломство фашистов, растоптавших пакт о ненападении и совершивших вторжение в пределы нашей страны. Звучало, как клятва:

— Мы свято выполним приказ, отданный Родиной, разобьем разбойников, которые напали на Отчизну. Для германского фашизма эта война будет последней. Враг будет разбит. Победа будет за нами!

Команда: «По машинам!» Выежаем на большак, ведущий к Ковелю, по которому лишь два дня назад следовали на летние лагеря. Деревья по сторонам настороженно высятся сплошной глухой стеной. Впереди, как подкрашен-

ный, розовеет ночной небосклон. Бесконечно полыхают зарницы, и грохочет, как гром, канонада. Мы ехали навстречу войне.

...На рассвете противник крупными силами нанес удар по погранзастам, начал переправу через Западный Буг. Одновременно с артиллерией расположение корпуса бомбила и авиация. Ковель фашисты бомбили весь день. Наши зенитчики стойко отражали налеты, в городе немало разрушений и жертв.

Одна из дивизий нашего корпуса ведет тяжелые бои, и сдерживают противника на подступах к Любомолю. Особенно тяжелая обстановка сложилась на левом фланге, где враг прорывает оборону сильным танковым клином совместно мотопехотой, рвется на Владимир—Волинский и Луцк. Не исключено, что противник может ударить во фланг корпуса с северной стороны, под Брестом.

Командир полка получил задачу на рубеже Роща — Конкино занять оборонительный рубеж по реке Стирь.

Добраться до цели удалось лишь через сутки. Большак и параллельные полевые дороги буквально забило воинскими обозами и вереницами повозок с беженцами. Они медленно двигались с частыми остановками и в то же время старались обогнать друг друга, создавая заторы и неразбериху. Громкие, сердитые возгласы ездовых перекликались с причитаниями женщин и плачем детей.

В предрассветном сумраке наша автомашина следовала по каменному покрытию, подпрыгивая на частых ухабах и рытвинах, то и дело съезжая на дорожную обочину для обгонного маневра. Там попадались воронки, разбитые повозки и автомашины, убитые лошади.

Под утро свернули в густой лес, выставили охрану. Углубились в заросли и неожиданно услышали справа и впереди приглушенные крики. Бросились туда и скоро увидели жуткое, потрясающее зрелище.

Близ палаток медсанбата, стоявших под развесистыми елями, люди в красноармейской форме высоко вскидывали руки, в которых поблескивали ножи. Было очевидно, что переодетые диверсанты добивали наших раненых.

— Подберемся без шума, брать по возможности живыми. Быстреей!

Перебегая от дерева к дереву, мы бросились вперед. Сержант Тимофеев, шедший рядом со мной, вдруг рванулся в сторону. Я видел: присев на пенек, какой-то человек хлопотал над небольшим ящичком. Это был радист.

Неподалеку от палаток четверо фашистов распластали на земле двух девушек, видимо медсестер. Те яростно отбивались. Одна из них, увидев нас, закричала: «Спасите, товарищи, родненькие!» Это ж фашисты.

Медлить было нельзя ни секунды! Бойцы бросились на убийц. Фашистов били прикладами, свалив на землю, душили, кололи штыками. Завязался свалка. Тимофеев, связывая радисту руку за спиной, приговаривал: «Со своим Берлином больше не будешь говорить!».

Вновь мы в пути. Высоко в небе в наш тыл косякам плывут грузные фашистские бомбовозы. Им не до нашей автомашины одинокой.

Вечером, словно муравейник, всполошился наш небольшой лес. Скрип повозок, крики, брань, рев моторов, плач детей и женщин — все смешалось в сплошной тревожный гул. Толпы людей, телеги со скрабом, автомашины беспорядочной массой выбирались на дорогу, ведущую к переправе.

Утром наша часть переправлялась на восточный берег реки. Над рекой стался туман. Он помог нам укрыться в заречных лесах. Позади, совсем недалеко, грохотала артиллерийская канонада, слышалась ружейно-пулеметная стрельба.

Через день противник сравнительно крупными силами повел наступление на нашем участке. Замыслы фашистов, однако, быстро разгадали. Как только стрелковые части вышли на рубеж обороны, в тыл врага направились разведчики. Они в соседних деревнях обнаружили сосредоточение танковых, моторизованных подразделений противника. Это заставило ускорить оборудование переднего края, быстрее и выгоднее разместить огневые точки, создать надежное прикрытие в предполье, обеспечить противовоздушную оборону и охрану тыла.

Вставало солнце. Оживал лес. Эту приятную картину летнего утра вдруг нарушил тяжелый гул. Шли самолеты. Девятка пикировщиков закружила карусель над нами.

Такую бомбежку мне довелось испытать впервые. С визгом и завыванием самолеты кидались вниз. Дрожала земля, окопы трясло и раскачивало, уши, словно заткнуты.

Всю прошедшую ночь мне пришлось вместе с связистами прокладывать проводные линии, соединяя командный пункт полка с нашими подразделениями, которым было поручено вести борьбу с возможным десантом противника. Связисты действовали осмотрительно, умело, несмотря на рельефные трудности: болотистую, сильно пересеченную местность.

Поздним вечером, когда на переднем крае установилась тишина, я выехал на огневые позиции, чтоб ознакомиться с личным составом батареи.

Отблески пожарищ, бушевавших вокруг, багровым светом далеко озаряли окрестности. Ночью было видно, как днем. Шофер Иван Семенов легко вел автомашину по полевой дороге через посеы и перелески. Я размышлял, как нелегко будет управляться с грузом сложных обязанностей, что неожиданно легли на мои плечи в неполные двадцать лет. Наша батарея — это четыре 152-миллиметровые гаубицы, шесть тракторов-тягачей с двумя грузовыми прицепами, четыре автомашины-полупотрки, около 150 бойцов и командиров по штату. Половину бойцов составляет пополнение, недавно призванное из запаса, которое надо в ходе боевых действий наставлять и подучивать.

К машине подошел политрук, здороваясь, обнялись, интересовался, как к боеприпасами.

В это время в сопровождении санинструктора дивизиона подошла девушка в красноармейской форме с двумя квадратиками на зеленых петлицах. Ее невысокую фигуру плотно облежала гимнастерка. Под пилоткой прятались русые косы, уложенные короной. Военное обмундирование на таких девушках, может, в какой-то мере скрадывает их внешнюю привлекательность. Но затмить красоту души ничем невозможно. Простое и вместе с тем серьезное лицо с ямочками на щеках, острый взгляд лучистых глаз сами по себе, привлекали наше общее внимание.

Утром противник яростно атаковал наш передний край. Волна за волной налетали бомбардировщики, надоевший «костыль» беспрестанно и нудно гудел в небе. Неистово хлопали наши зенитки, заливаясь огнем крупнокалиберные пулеметы. Но, как и прежде, не было наших истребителей, и вражеские бомбардировщики, наглей, завывали над самими головами.

Пронеслась девятка «юнкерсов», направляясь в расположение огневых позиций. Будучи ночью на батарее, отметил, как искусно замаскированы окопы с орудиями, погребки для снарядов, ровки и щели, в которых урывались расчеты.

Но все ли предусмотрено, чтобы быть неуязвимыми для воздушной разведки?

Враг, по всей видимости, теснил наши передовые части. Бой гремит совсем близко, в каком-то километре. Уже выполнила батарея заявки стрелкового полка — подавила фашистскую минометную батарею, рассеяла сосредоточение пехоты.

В ночь на 20 августа наши войска, оставляя Коростеньский укрепрайон, начали отходить на северо-восток, к Днепру. Пятеро суток — без сна, без отдыха. Дни — в укрытиях, под постоянным воздействием вражеской авиации, и ночи, взбудораженные пожарами и бои с передовыми отрядами противника. Справа от нас сражение шло с особой силой. Противник старался, во что бы ни стало, перерезать наши пути на днепровское левобережье.

Когда уже заканчивалась разведка местности, я увидел, как из леса на небольшой высоте вынырнули два немецких самолета. Они приближались к переправе. Отрывисто захлопали наши зенитки. Фашисты успели бросить одну единственную бомбу. Как вскоре выяснилось, она нашла свою цель. Взорвалась, кромсая на дамбе каменное перекрытие.

Политрук успел заслонить девушку своим телом. Осколки изрешетили парню весь бок. Он лежал в кузове. Машину часто встряхивало на ухабах, и политрук открывал глаза, пытаясь, видимо, что-то сказать, но лишь еле шевелил исхошимися, посиневшими губами. Валентина бережно поддерживала голову раненого. Она, конечно, понимала, что тот умирал, и, касаясь рыжеватых полос политрука, молча рыдала, роняя слезы на пепельно-бледное лицо любимого.

Политрук до госпиталя не доехал...

Мы, живые, шли навстречу новым боям. С кровью и безвозвратными жертвами, в лишениях и муках, в конечном счете, с нашим неистощимым стремлением к победе.

За два дня перехода, наш полк совершил семидесятикилометровый марш и сосредоточился у Лоева, на правом крыле Юго-Западного фронта. Путь пролегал через лесные

массивы, но все равно пришлось тщательно маскироваться, двигаться главным образом в ночное время. С тех пор, как пятая армия начала свой отход за Днепр, вражеская авиация, господствуя в воздухе, бдительно следила за каждым нашим шагом.

Шли по разбитым песчаным дорогам. На тихоходных тягачах, буксирующих тяжелые орудия и прицепы со снарядами, докрасна раскалялись выхлопные трубы. Трактора нутужно ревели. Автомашины нередко застревали по ступицы колес в глубоких колеях. И тогда бойцы, командиры вытаскивали грузовики, доверху нагруженные имуществом и снаряжением, под бесконечное и привычное: «Раз, два, взяли!».

Лоев — это небольшой белорусский городок, разбросанный по берегу крутояром. Сейчас нас и город разделяет Днепр — широкий, светящийся утренней синевой. Могучая река в величавом спокойствии несет свои воды. Косяки черных самолетов висели над нашими головами. Железнодорожный мост, по которому наши части переправлялись, фашисты не трогали, рассчитывая, что он пригодится им самим.

В полдень, очевидно, полагаясь на безнаказанность, фашисты задумали, наводить понтоны, солдаты. Я позвонил в дивизион. Вражескую переправу дивизион сорвал, разметал огнем. Как только фашисты спустили на воду штурмовые мостики и крикливой ордой бросились по ним, сильный огневой шквал накрыл скопище на берегу, оборвал цепочку мостиков, и поплыли они вниз по течению.

Вскоре над нашими боевыми порядками появился самолет-разведчик. Снижаясь до верхушки деревьев и снова взмывая, «костыль» выискивал расположение наших батарей. Но тщетно — они надежно укрылись в лесной чаще.

Просачиваясь и опрокидывая боевые порядки наших ослабленных стрелковых частей, противник обтекал с флангов наши колонны, образуя огневой мешок, чтобы потом стремительным ударом вырваться к Ладинке — селу, где командование армии заранее готовило переправу через Десну.

Мы двигались по тесному, шириной в километр, промежутку, который пристреливался с обеих сторон оружейным, а в некоторых местах и пулеметным огнем врага. Скоро стало ясно, что огневые атаки справа носят отвлекающий

характер. Основная опасность была слева, с северной стороны.

Требовалось огромное мужество выставленных по боям заслонов, безостановочное, строго организованное движение тех, кому приказано было уходить за широкую водную преграду, способность и стремление к гибкому маневру всех частей и подразделений и, наконец, личная самоотверженность каждого бойца и командира перед лицом превосходящих сил непрерывно и яростно атакующего противника.

Новый политрук батареи Никонов сам вызвался возглавить передвижение огневых взводов. Он сновал от орудия к орудию, шутками подбадривая усталых огневику и особенно опекал трактористов. Под дождем окончательно раскисла дорога, и все тракторы чаще застревали в колдобинах.

По узкому коридору в огненных тисках следовали автомашины, обозы с ранеными и снаряжением, пешие колонны. Мы шли и шли, не ведая, что с нами станет через час, через минуту, может в ближайшее мгновение...

Нам было неизвестно, что на северо-востоке, у Конотоп, и ближе, под Черниговым, в наш глубокий тыл прорывается армада немецких танков с дивизиями мотопехоты. Чуть ли прямо перед нами, южнее Чернигова, фашистам удалось форсировать Десну, и они устремились на юг, растекаясь по левому берегу этой большой реки, чтобы в упор встретить наши разрозненные и уставшие части на предстоящих переправах. Пока вражеские диверсанты и разведчики, просачиваясь в наши боевые порядки, шныряли рядом, нанося хоть незначительные, но болезненные удары.

К вечеру дивизион двинулся дальше, выходя к Десне. У села Ладинки, действовал наплавной мост. В дневное время он разводился, понтоны прятались в прибрежных берегах. Вечерами переправа возобновлялась.

В шуме моторов и людском гомоне, мы не сразу не поняли, что по нашим колоннам бьют вражеские танки. Подбегая ко мне, командир дивизии Балабанов в сердцах воскликнул:

— Или ослеп, комбат?! Развертывай батарею влево!

Огневики, и управленцы кинулись к орудиям. Во время движения, который день наши тяжелые гаубицы в боевом снаряжении, готовые в любой момент вести огонь по врагу.

Деловито, без суеты захлопотали расчеты. Команда: «По танкам, прямой наводкой!».

Оглушали выстрелы, ослепило на миг пламенем. Впереди, у кромки леса, встали разрывы. Кажется, мимо, танки маневрируют.

— Ребята! — вмешался Барабанов. — Следите за вспышками выстрелов. Фиксируйте и наводите через каналы стволов!

— Первое — выстрел! Второе — выстрел! Третье — выстрел! — отрывисто слышится у орудий.

— Ну, сволочь, горишь! — торжественно кричит сержант Демидов, показывая на яркий костер, вспыхнувший вдали. Слышится дробно грохочущий перестук. Это в подбитом танке рвутся снаряды.

Батарей свертывалась, чтобы следовать дальше — к спуску на переправу. Но неожиданно появляется броневилок, из которого вылезает командарм. Я сначала растерялся, узнав командарма, шагнул рапортовать. Он энергично махнул рукой.

— За танк спасибо! Но эти танки — только начало. За ними — орава фашистских автоматчиков, их надо сдержать, иначе тонуть нам в Десне. Понял, лейтенант?

Помню, мы бросились на фашистов, шедших в полный рост, поливавших нас автоматным огнем. Рукопашную возглавил командир дивизиона, объединивший остатки всех бойцов со всего полка. Коренастый и еще сильный, несмотря на тяжелую рану, он встал перед нами с винтовкой в руках:

— В атаку, товарищи! Его повторно ранило, он пошатнулся, но удержался на ногах. Крикнул:

— И смертью своей бейте фашистов!

И упал, обливаясь кровью, на руки бойцов, не выпуская винтовки из слабеющих рук. Фашисты, однако, брали верх. Их было больше, они прижали нас к реке, рассеяли на группы. Многие спаслись в одиночку.

В ночной мгле трудно было сориентироваться. Я плыл через реку, держась за плащ-палатку, набитую сеном. Ноги сводили судороги, иногда казалось, что я не выдержу, скроюсь в холодной пучине.

Почти бесчувственного, обессиленного меня прибило к берегу, заросшему кустарником. Спотыкаясь, я вышел на тра-

вянистый берег. Вытащил на всякий случай пистолет. Пробираясь через кусты, услышал голоса. Прислушался, чужие, гор-
танные! Враг! Скорее назад, в реку!

И снова плеск холодных волн, плащ-палатка с сеном в зачочневших руках. Плыл, кажется, целую вечность. Течением сносил вниз, в конце концов, прибил к понтонной переправе. Кто-то окликнул, кто-то взял за руки, вытащил на зыбкий мост. Вот он, знакомый голос, как на счастье:

— Бог мой! Никак наш комбат? Вот тебе и загадочный предмет на воде!..

Это Николаевич, мой помкомвзвода, а рядом с ним Ермолаев, Дементьев, мои подчиненные! Кто-то из них подает фляжку: «Согрейся!». Я постепенно оживаю. Спрашиваю: «Как с орудиями, где они?» — «Их повел политрук. С ними — порядок!»

Утром, после нудных затяжных дождей показалось солнце. Оно то выглядывало, то снова скрывалось в белесых облаках.

Не без усилий наша часть собралась в одном месте, и всюду слышались разговоры о понесенных потерях: поредел наш полк, потерялись в суматошной ночи орудие и трактор-тягач вместе с людьми. В нашем дивизионе разбита вторая батарея. И самое беспокойство: почти не осталось снаря-
дов, горючее на пределе.

Прошли четыре километра. Едва головное подразделение выбралось на крутой пригорок, как навстречу резанули пулеметные очереди — одна, другая, третья! Раздались резкие, отчаянные голоса. Рои пуль посвистом, один за другим, невидимо проносились над нашими головами.

По кювету, прогибаясь сильно, к нашим передним машинам пробирался командир полка Николаев. Поворачиваясь к нам, он приказывал: «Разворачивайтесь вправо! Впереди засада! Не задерживайтесь!»

Выстроившись на ходу, двинулись вперед. С огневи-
ками остался командир полка. До нас долетели пули: сзади, завязывался бой наших, которые поставили перед противником заслон.

Не смолкла пулеметная пальба, коротко и резко ухали наши пушки. Увидел, как слева в атаку пошли наши артиллеристы, с винтовками на перевес. Я рванул вперед. Но в ноги

ударило тупым, тяжким, перед глазами все померкло, лицо опалило жаром. Сознание мое померкло...

Очнулся я от режущей боли и сразу не мог понять, что происходит. Я с огромным усилием поднялся на локти и увидел: какие-то люди стаскивали с меня сапоги. Но один из фашистов вскочил и ударил меня сапогом в живот. Другой, орудуя большими телефонными плоскогубцами, сильно дернул сапог с левой ноги, я закричал от боли, проваливаясь в беспомощность...

На имя моей матери в деревню пришло такое извещение: «Главное управление кадров НКО СССР на ваш запрос сообщает, что ваш сын в списках убитых, раненых, пропавших без вести, не значится»...

...Овчарки лают, кричат охранники. Нас выводят из вагонов, строят в ряды. По булыжным мостовым гулко печатаются наши шаги. Вошли в широкие ворота. У ворот темнеет сторожевая будка. Приближаемся к просторному плацу. В бешеном лае захлебываются огромные овчарки. Стоим под холодным дождем час, другой, третий. Промокли до нитки. Моя раненая нога одеревенела. Еще вчера в вагоне один из наших товарищей — военврач, осмотрев мои раны, успокаивал: «Делаешь, как советовал, примочки с мочой». Но сейчас под холодным дождем нога, кажется, болит пуще.

Очередное издевательство немцев — это «санобработка». Ледяная вода из шлангов окатывает с головы до ног, довольные фашисты орут во все горло: «Рус, вши не будет!»

Физические силы истощались. Мы ощущали постоянные головные боли, общее недомогание, угасающее сердцебиение. Все чаще ложились на пол, чтобы уснуть, забыться.

При помощи советских солдат, я убежал из концлагеря. Побыв ночь у местных жителей, я вновь ушел в лес, с надеждой найти партизанов.

Я уходил за Днепр, вовсе не думая о том, что в скором времени вновь возвращусь в здешние места. Уже в новом качестве — партизаном...

Пробыв в партизанском отряде год, я снова вернулся в ряды армии.

После краткого перерыва, я вновь стал командовать батареей в одном из артиллерийских полков резерва Главнокомандующего...

ГДЕ ВОЕННАЯ ЮНОСТЬ ПРОШЛА...

*Комбату приказали в этот день
Взять высоту и закрепиться.
Он может умереть на высоте,
Но прежде — на нее подняться.*

Конец июля 1943 года. Юго-западнее от нас в семидесяти километрах село Прохоровка. Лето жаркое. Ни единого облака, ни капли дождя. Полк с утра до вечера на тактических занятиях. Учим молодое пополнение, чему научились на поле боя.

Мы уже знали все характеристики «тигров», «пантер», «фердинандов» и других танков и самоходных пушек. Наши артиллеристы получили новые противотанковые пушки, способные пробивать 200-миллиметровую броню «тигров». Новые самоходки со 151-миллиметровыми пушками также способны пробивать любую броню. Пехота имела надежную противотанковую «артиллерию» и в достаточном количестве: все стрелки и автоматчики носили при себе противотанковые гранаты, в обозах было достаточно бутылок с горючей смесью.

На занятиях учились кидать бутылки с горючей смесью, противотанковые, тяжелые и очень мощные гранаты ударного действия.

Наша дивизия до начала Курской битвы стояла во втором эшелоне боевого порядка наших войск. Сплошным танковым строем фашисты сумели взломать нашу оборону, и передовые части в первый день отступили, то уже к рассвету 6 июля 1943 года, мы с марша вступили в бой.

Наша 76-мм пушка. Стеляя хлестко и оглушительно, пушка эта прыгает, а от струи из дульного тормоза выворачивается земля, взлетая направо и налево. Снаряд этой пушки прошивает насквозь «тигр», у которого лобовая броня 200 миллиметров.

В небе тоже целыми днями идут воздушные бои. Осколки и пули осыпаются градом, но это ничего, а смотри в оба, чтобы не накрыло тебя падающими самолетами! Каждую ночь мы получаем подкрепление — новые маршевые роты свежих сил. Однажды утром солдаты из маршевых рот, не видавшие еще войны близко, были поражены картиной вчерашнего

наступательного боя с задачей вернуть позиции. Они увидели, что земля укрыта трупами наших и фашистов.

Наступило 12 июля 1943 года. С раннего утра фашисты первые начали артобстрел нашего переднего края особыми снарядами, которые при ударе о землю разбивались, выделяя густой белый дым. Мы очень перепугались, решив, что немцы начали применять отравляющие вещества. Ветер сносил дым вдоль фронта, но мог в любой момент повернуть на нас.

Советские танки через наши головы успели проскочить сплошной стеной и на сумасшедшей скорости. Не думая сворачивать в сторону, они идут ...на таран! Нервы у фашистских танкистов оказались слабее: стараются крутыми выражами уйти от таранного удара. Но это выгодно нашим танкистам, так как ударом в бок легче опрокинуть танк!...

Целый день бушевал и грохотал смертельный бой людей и машин, а к ночи внезапно стих, и все замерло, как будто все танки у обоих противников сгорели, и теперь нечем воевать будет, быть может, фашистским генералам уже можно закончить бессмысленное сопротивление?

На фоне кровавого вечернего заката затухают догоревшие мертвые остовы «тигров», «пантер», «фердинандов». Хлебное поле дымит искореженное железо. Оживет ли оно когда? Оживет, будет родить хлеб. В следующую весну очистят от металла, сравняют, вспашут и посеют хлебшек.

А сколько погибло молодых парней и мужиков! Быть бы им всем отцами и мужьями, если не эта война...

Снова пришло пополнение из глубокого тыла, снова ищу своих земляков. Опять спросы и допросы о житье-бытье, все интересует молодых.

После жестоких сражений и своего поражения и Прохоровки, гитлеровцы отступали податливее, но решили сжечь все после себя. Горели села и поля. Горело все, что могло гореть. Немцы пунктуально выполняли приказ фюрера: «после себя оставлять выжженную зону». Мы двигались в сплошном дыму.

Левобережная Украина. Как мы ни старались помешать фашистам, все же они успели сжечь много деревень, хуторов, сел, городов. Всюду пепел, уголь, дым. Стоят одни гли-

нобитные печи на месте домов. Обгорелые деревья. Полная разруха. Много надо будет теперь украинскому народу потрудиться, чтобы возродить и вернуть к жизни этот красивый край.

Перед нами широченный Днепр. Тысяча сто метров ширины! Как будем переправляться? На соломенных снопах, вплавь через Днепр?

Что тебе предстоит, Иван, опять судьба пытаться будет? Хорошо, если еще не вся твоя судьба прожита. А если уже нет ее? Сколько ты смертей видел в упор, скольких ты положил в братские могилы! Не иссякли золотые запасы в казне твоей судьбе?

3 октября 1943 года, ночью в районе деревни Власовки, чуть выше Кременчуга, дивизия начала переправу с высадкой на острове Песчаном.

Остров довольно большой — пять квадратных километров, совершенно плоский, на уровне с водой, ни травинки, ни кустика, серый мелкий песок...

Пять дней — с 29 сентября по 3 октября 1943 года — наша дивизия готовилась к форсированию Днепра. Каждый солдат должен соорудить для себя «плавсредство». В плащ-палатку заворачивали снопы соломы и зашивали суровыми нитками. Получалась большая подушка. Испытывали ее на воде и убеждались, что за нее можно держаться в расчете, не утонуть.

Остров этот разделяет Днепр на два рукава — левую и правую протоки. Наша левая протока — семьсот метров ширины, а правая, со стороны немцев, — триста — четыреста. И вдобавок узкая протока мелкая — по ней давно пробрались на тот край острова фашисты и подготовились встретить нас в хорошо укрепленных и оплетенных под цвет песка траншеях. Но мы еще не знали этого...

Спуск на воду — тихо, без шума и разом — все батальоны осуществили намеренно выше по течению, с поправкой на снос течением. Фашисты не обнаруживали себя пока ничем. В нашем батальоне я был назначен замыкающим. Никого не осталось на берегу, и я вошел в холодную воду. Вода черная. Ночь тоже, хоть глаза выколи. На небе ни одной звездочки. Вообще-то, для переправы лучшего состояния в природе и не надо.

Поплыл, тяжело, но плыть надо. Семьсот метров да плюс снесет метров четыреста. Ничего, выдержим, прикидываю, что уже меньше половины расстояния осталось...

В этот миг лопнуло небо, знакомо завывали мины и снаряды, полетевшие в нас с правого берега. Водопад обрушился на меня сверху вместе с поднятым вверх всем, что держалось на воде. Мои ноги натыкаются на всевозможные предметы то на небольшие, то что-то массивное и мягкое. Стараюсь грести сильнее и сильнее, чтобы успеть выбраться на остров, но меня ударами волн крутит во все стороны.

Наконец, я почувствовал ногами дно и встал. Дно полугое. Вспышки взрывов освещают фигуры солдат, бегущих от берега вглубь острова. Взрыв! Еще взрыв! Песок вокруг меня, с неба падают какие-то куски, то куски человеческих тел...

Фашисты долбят и рвут остров. Не дают никакой передышки. Что же делать дальше? Наши автоматы не работают — затворы заклинило песком.

Рассвело. Фашисты усилили артобстрел. Им выгодно-го правого берега реки хорошо видно, своих и чужих на светлом фоне песка. Бьют безнаказанно. На небе ни самолетка. Куда делись наши самолеты? С нашего левого берега и артиллерии не слышно!...

Впечатление такое, что мы брошены на произвол судьбы.

Фашистские снаряды бьют и бьют, но никак не могут перебить всех нас. Делая пятиминутные паузы, вновь и вновь возобновляют артиллерийский налет.

Собственно, приказ оставить остров ниоткуда не поступал, но мы с отдельными солдатами с разных рот тихо вошли в воду и поплыли обратно к левому берегу Днепра.

Никто не стреляет. Тишина.

Вышли на берег, стали раздеваться наголо и полоскать одежду. Развели костер. Сушимся. Все молча, без разговоров, как после похорон. Ни чести, ни славы ждать нам не приходится, ведь приказа бросать остров не было...

Решили, надо найти какое-то начальство и доложить.

Идем гуськом человек двадцать. Впереди скопление вокруг чьей-то походной кухни. Пшенная каша с растительным маслом! Накормили и нас.

И не верится всем, что остались живыми...

Немногие остались в роте живыми после форсирования реки...

Пополнение на этот раз было у нас не совсем обычное. В самый короткий срок со дня освобождения мобилизовали все способное владеть оружием население. Новое пополнение прибыло в своих гражданских одеждах, и полк в те дни был с виду похож на большой партизанский отряд.

Фашисты снова контратаковали. На одном из участков под Знаменкой нам пришлось в течение одного дня дважды выбивать немцев из одних и тех же окопов.

Когда отбили окопы в первый раз, обнаружили в одном из них молоденького фрица. Он сидит, понунив голову, почти мальчик: «тотальная мобилизация». Рыжий, в очках с толстыми стеклами — близорукость большая. Пальцы тоненькие, руки худые.

В тот день мы дважды ходили в атаку и дважды были отброшены назад. В ротах оставалось по пять-десять стрелков и автоматчиков. Фашисты заметили нашу малочисленность и решили контратаковать, но сначала открыли артиллерийский огонь. Били точно. На моих глазах взрывами срезало брустверы КП нашего батальона, и показалось, что комбат погиб. Я кинулся в траншею на высоту КП. Комбат был жив, но ничего не слышал — контузило.

С нашего КП, конечно, несравнимо четче просматриваются позиции, чем из окопа. И вдруг замечаю фашистских автоматчиков, которые под прикрытием своего артиллерийского огня перебежками продвигаются поближе к нашим траншеям еще до начала настоящей атаки, чтобы захватить нас врасплох, как только кончится артиллерийский налет. Ведь с высотой, как им кажется, они покончили. Из-за сильного огня противника наши солдаты головы не высовывают из траншей.

Роты открыли огонь по автоматчикам, мы начали бросать гранаты, и фашисты пока залегли. По связи попросил передать комбату, чтобы срочно затребовал патроны и гранаты, которые у нас на исходе. Через минут двадцать солдаты получили запас патронов и гранат.

Гитлеровские автоматчики еще продвинулись, они теперь на самом краешке зоны артиллерийского огня.

Черная фигура фашиста, стоявшего на коленях, покачнулась и свалилась ничком вперед, подмяв сухие кукурузные стебли.

В этот момент сзади со страшным треском разрывается крупнокалиберный снаряд. Чувствую, что меня поднимает в воздух и отбрасывает в одну сторону...

Меня, раненого, подобрала санитары, уложили на повозку, отправили в медсанбат.

Подъехали к санбату, нас перегрузили на носилки, положили на твердую землю. Санитары понесли к операционным столам, которые были установлены в брезентовых палатках.

Хирург предупредил, что наркоза не будет. Всех оперируют «на живое». Меня уложили на операционный стол вниз животом и быстро примотали к столу бинтами руки, ноги. Казалось, что хирург не резал, а тянул и рвал на части мое тело, чтобы достать глубоко сидевший осколок. Я орал, чтоб заглушить жуткую боль в теле, в котором орудует ножом хирург.

Жгучая боль стала общей и равной. Потом прогремел упавший осколок. Потом комариные укусы иглы. Потом перевязка широким бинтом. Там я пробыл неделю. Потом был глубокий тыл. И тут новая забота. У меня открылась зажившая рана. Оказалось, еще один осколок. Через пару дней, меня вновь отправили в операционную.

— Подготовить для спинномозговой анестезии!

Медсестры попросили меня согнуться как можно ниже. Я согнулся, они, орудуя бинтами, зафиксировали меня в таком положении.

— Надо теперь сшить седалищный нерв, который перерезан осколком. Так положено...

По земле шел апрель 1944 года. За те пять месяцев, что я провалялся в госпиталях, наши войска полностью освободили Правобережную Украину. Бои шли теперь за окончательное освобождение нашей Родины от гитлеровских захватчиков.

Врачи не стали разговаривать со мной про мое возвращение на фронт. Медицинская комиссия уволила меня в запас из армии инвалидом третьей группы. Сняли с моей раны наклейку, и я увидел шрамы двадцать на четырнадцать сантиметров вдоль и поперек. Клеймо было заметно. Клеймо войны!..

ЗАГЛЯНУЛ ПО ПАМЯТИ СВОЕЙ

*Я по дорогам пройду,
Как знакомою стежкой,
По дорогам тяжелых боев,
Вспоминая погибших парней...
Год сорок первый, июль.
Возле маленькой станции бомбежка,
Дым, пожар, стоны раненых,
Мы входили войну от вагонов.*

Хочу рассказать простую и в то же время не совсем обычную историю о судьбе человека, который прошел все круги войны.

Когда началась война, Семену шел семнадцатый год. За плечами было педагогическое училище и первый год комсомольской юности. Впереди его ожидали солнечное лето, заманчивые планы и надежды. И все это перечеркнула война. Сознание плохо привыкало к будоражащим сигналам воздушной тревоги и тревожным сводкам Совинформбюро...

Что делать дальше? Этот вопрос встал перед ним во всей своей конкретности и неотвратимости. Он пошел в военкомат. Вернулся сияющий:

— Все в порядке! Мама, готовь вещички, собирай сына в дорогу. Он в сентябре простился с родными и ушел на фронт. Учеба шесть месяцев по сокращенной программе. С удовольствием прикрепил к петличкам по одному «кубарю».

В начале 1942 года младший лейтенант Данилов прибыл на фронт. Дивизия, в которую он попал, занимала оборону в районе деревни Липовка.

Прошел месяц, Семен оказался на передовой в качестве командира взвода пулеметчиков, в нем было три расчета станковых пулеметов «максим» и двадцать бойцов.

Начальник штаба батальона капитан Жизнев. Он был строг, сух и нелюбезен. То ли строгость напускал на себя специально, то ли бессонные ночи, непрерывное мотание по переднему краю сделали его таким. В сущности, капитан был прав. «Свеженький», необстрелянный младший лейтенант понимал это. И суровость капитана принимал как должное, надо было заботиться о бойцах батальона.

Место было открыто — позицию заняли на пустом колхозном поле. Впереди слева зеленел небольшой лесок. Здесь

был стык с соседями, сюда был посажен взвод с тремя пулеметами. Стык между подразделениями всегда соблазнителен для противника, очень опасно, кто сидит в окопах обороняющихся. Отсюда вытекал неизбежный вывод: рассчитывать надо на худшее. Батальон закопался в землю.

Как-то на позицию пришел начальник штаба. Зашел спереди, потом глянул с флангов. Пригласил командира взвода к себе:

— Что сам скажешь, какую оценку поставишь?

Данилов внимательно осмотрел свою позицию:

— Думаю, все нормально, Взвод укрыт надежно.

— А что это торчит над окопом?

Данилов не смутился:

— Пулеметный щит, товарищ капитан. Наша броня.

— Броня-то броня, — хмуро сказал капитан, — да только щит хорошо виден, позицию демаскирует.

— Куда его денешь? На дно окопа пулемет не поставишь.

— Значит, щит необходимо снять!

Они подошли к траншее. Капитан прыгнул вниз, высунул голову, покрутил ею, уперся локтями о бруствер. К ногам посыпалась земля. Капитан попробовал подняться наверх. Получилось это не сразу, вырыли глубоко, а ступеньки для выскакивания на случай контратаки не сделали. Опять разбор недостатков и категоричные указания:

— Смотри, Данилов, если не успеешь сделать все как надо — кровью людей заплатишь, — сказал Жизнев, уходя с позиции.

Первый бой Данилов принял в начале июля. День только занимался, над полем лежала легкая дымка, над траншеей гулял легкий ветерок. От земли веяло теплом, таким мирным, довоенным...

И вот эта земля застонала, стала вырываться из своих всемогущих и извечных связей и взлететь в воздух с грохотом, ревом и стоном. Прямым попаданием разнесло батальонную кухню вместе с поварами. Снарядом разворотило соседний со штабом землянкой дом. Траншеи и окопы засыпало землей, взрывами перепахивало укрытия, и их срочно приводили в порядок. Во взводе Данилова один боец был убит, двое получили ранения.

После артиллерийской и авиационной обработки нашего переднего края гитлеровцы перешли в атаку. Впереди ползли танки. Данилов насчитал двенадцать машин. Их коробки зловеще покачивались на неровностях местности. По силуэтам командир взвода определил: «тигры». Они двигались ломаной линией и вели огонь на ходу. Вспышки выстрелов глухо, через грохот и завесой пыли.

Удар танков пришелся левее позиции пулеметчиков. Данилов бросился к телефонисту, доложил обстановку начальнику штаба батальона.

— Танки прорвались! — кричал он в трубку. — Прошли левее нас!

Жизнев спокойно передал:

— Тихо, Данилов. Танками займутся другие. Сейчас на тебя пойдет пехота. Будь внимателен. Подпусти их ближе и ударь, как следует. У вас три пулемета — сила. Любой ценой удерживай позицию. Докладывай обстановку. Держись, взводный!

Из окопа Данилов увидел, как из леса высыпали вражеские автоматчики. Короткими перебежками они приближались к позиции взвода. Немцев видели и остальные пулеметчики.

Со стороны противника все громче доносились голоса приближающихся фашистов.

— Взвод, внимание... — протяжно начал Данилов, продолжая вести наблюдение за противником. Простым глазом хорошо просматривались каски и лица фашистов.

— Огонь!

Одновременно заговорили пулеметы. Они разорвали напряжение, и Данилову с его бойцами стало легче. Пулеметы захлебывались от огня. Казалось, что и они чувствуют ненависть к врагам. Длинные очереди не прерывались. Командир и бойцы видели, как падают фашисты. Не удержался, в возбуждении крикнул:

— Свинец-то наш — не сладкий! Молодцы, ребята, коси гитлеровцев!

Наткнувшись на плотный пулеметный огонь, вражеская пехота откатилась назад. Автоматчики залегли и открыли беспорядочную стрельбу. Вскоре, подгоняемые своими командирами, они поднялись и снова пошли в атаку. Снова враг встретил разящий огонь наших пулеметчиков. И опять

дрогнула, не выдержала вражеская цепь. Но прошло несколько минут, фашисты пришли в себя и возобновили атаку. Теперь они двигались более осторожно.

— Огонь! — вновь раздался голос командира взвода. Атаки продолжались несколько часов. Когда была отбита пятая атака, из леса по взводу ударили фашистские минометы. Мины ложились густо, огонь велся прицельно, казалось, от него не было спасения.

— Ложись на дно окопа! — крикнул Данилов, плотнее прижимаясь к неровной сыпучей стенке. Он вел наблюдение за полем боя.

И опять шли гитлеровские автоматчики, поддерживаемые минометным огнем. Им, наверное, казалось, что в окопах уже никого не оставалось в живых. Но взвод жил и продолжал бой, несмотря на потери.

Теперь уже сам командир стоял за пулеметом, сменив тяжело раненого первого номера соседнего пулемета. Пальцы крепко сжимали рукоятки пулемета, глаза ясно видели цель — новую волну оголтелых фашистов.

— Да сколько же там этой нечисти? — с бешеной злобой вопрошал подносчик патронов Сизов. Он увидел, как от кожуха стали отлетать струйки пара.

— Сизов! Собери всю воду из фляг, слей в ведро и неси к пулемету! — приказал командир подносчику.

Налив воду в ствол, пулемет начал вновь стрелять фашистов. Сзади слева чадили подбитые артиллеристами танки. Это прибавило сил, поднимало дух пулеметчиков.

Пыль, дым, грохот, крики — все смешалось в нескончаемый рев боя. Такого ада Данилов даже в мыслях представить не мог. Не заметил, как в траншею шлепнулась мина. Правую ногу обожгла боль. В сапоге почувствовал теплое и липкое. «Надо перевязать, а то потерю много крови, — подумал Семен. Он сел на дно окопа, стал снимать сапоги. Нечего не вышло. Подбежал солдат — пожилой, черный от гари пороха. Достал нож, осторожно разрезал голенище. Снял сапоги и портянку, стал бинтовать...

За лесом садилось тусклое, будто обессилевшее солнце. Поле перед лесом тоже пожухло, потускнело. На темном фоне виднелись серо-зеленоватые бугорки — трупы вражеских солдат. Не прошел враг!

Волоча раненую ногу, опираясь на палку, младший лейтенант двигался по траншее. Он обходил расчеты, радуясь первой победе и горько переживая понесенные утраты. Боевую задачу взвод выполнил, но цена, цена...

Рана оказалась неопасной. В медсанбате из ноги вынули пять осколков. Утром Семена с группой раненых отправили на машине на железнодорожную станцию, там посадили в вагон. И Данилов поехал лечиться...

Машина свернула с шоссе, проехала метров пятьсот по песчаной дороге, идущей между высокими гладкоствольными соснами, и остановилась у двухэтажного деревянного барака, чем-то напоминавшего списочный коробок.

— Добрались, — облегченно вздохнула сестричка.

Из дверей вышел высокий, в очках с черной оправой, военврач первого ранга. На его пояском ремне висели пистолет, подсумок с патронами для винтовки, флажка и граната «лимонка». Этот человек скорее был похож на строевого командира с передовой, чем на врача.

— Сестрица! «Полостные» есть?

— Да доктор, двое «полостных» и два «черепа».

— Всех четверых отвезите прямо в операционную, разгрузите там, остальных сюда, — распорядился доктор, открывая задний борт машины.

Носилками с тяжелоранеными заставили первые этажи пяти длинных бараков военного городка. Тех, кто мог сидеть, разместили на втором этаже и даже на лестничных площадках. Раненые нуждались не только в медицинской помощи, но и в срочном обогреве. Потери крови и промокшая насквозь одежда вызывали озноб и усиливали боль ран.

Рана, как объяснил доктор, не опасна для жизни, но его надо эвакуировать в госпиталь. И поехал Семен Данилов в глубокий тыл...

Прошло три месяца в госпитале, его выписали на фронт. Ногу подлечили, можно было ходить без костылей. Вместе с ним из госпиталя вышел старший лейтенант Алексей Шулёпов, из соседней дивизии. Он был ранен в ногу, хотя нога не совсем зажила, его тоже выписали, упросил врачей выписать его вместе с Даниловым. Ходил он с палочкой.

И они двигались: где на машине, где на поезде. Дорога их вела по украинской земле, только что освобожденной от оккупантов.

Фронтовое чутье и расспросы вели друзей верным путем в их дивизию, которые вышли к Днепру. Но свою дивизию Данилов не нашел на месте: после длительных боев ее, сильно потрепанную, отвели в тыл на переформирование.

Друзья решили, не дело идти в тыл, Данилов согласился вместе с другом остаться в его дивизии. К вечеру они разыскали штаб гвардейской стрелковой дивизии, и Шулепов все уладил насчет Данилова.

Семена назначили командиром пулеметного взвода в учебный батальон дивизии, который в это время находился на правом берегу Днепра, на плацдарме.

Они пошли на переправу. По пути им встретились указатели. На придорожном щите большие буквы призывали: «Далее, Киев!». На перекрестках ловко орудовали флажками фронтовые регулировщицы. К переправе двигались танки, артиллерия, шла пехота. В этот нескончаемый поток влились и Данилов с Шулеповым.

Первое время Семен и Алексей служили в одном батальоне, потом Шулепова перевели в другую часть. Они изредка встречались, узнавали друг о друге все, что можно было узнать. Потом они потерялись в военной суматохе...

На правом берегу Днепра, Данилов разыскал свой батальон. Комбат ввел, прибывшего офицера в обстановку. Сказал, что батальон, как и другие части дивизии, ведет боевые действия, одновременно готовит для дивизии сержантский состав. Разговор закончил словами:

— Вы попали, можно сказать, в «полевую академию». Служить будете в пулеметной роте старшего лейтенанта Козлова. Взвод принимайте сегодня же. Ваш бывший командир из строя выбыл по ранению.

От комбата Данилов направился туда, откуда раздавался многоголосый гул боя. Семен уже слышал такое раньше. Полученное боевое крещение подготовило молодого командира к последующим суровым испытаниям.

На плацдарме шли непрерывные бои. Первые эшелоны начали форсирование севернее Кременчуга на ночь 3 октября, тогда занять не удалось западный берег. Были захвачены отдельные острова.

Здесь, на острове, дивизия попала в трудное положение. Песчаная часть острова, захваченная бойцами дивизии, была совершенно открытой. Она хорошо просматривалась и простреливалась врагом. Окопы, вырытые в песчаном грунте, от частых разрывов снарядов и мин осыпались, наполнялись подпочвенной водой. В боях на острове подразделения понесли немалые потери...

Части дивизии вели бои за удержание и расширение плацдарма, готовились нанести удар по врагу с захваченного рубежа. Нарастающий гул боя и слышал Данилов, направляясь в роту. Он нашел ее на только что оборудованных позициях. Младший лейтенант разыскал ротного, доложил о своем прибытии.

Познакомились, он кратко рассказал о себе.

— Пойдемте во взвод. Представляю вас бойцам.

Так у Семена Данилова началась новая страница его фронтовой биографии — служба в дивизии, с которой он шел до конца войны. Но до этого конца, до Победы, было еще так много дней и много испытаний...

Дивизия шла с боями на запад, освобождая Кировоградскую землю. Да, на фронте потери неизбежны. Такой закон войны — жестокий, неумолимый. Был и другой закон: людские потери быстро пополнялись.

В январе 1944 года в учебный батальон дивизии пришло очередное пополнение. Трое новичков прибыли и в мой пулеметный взвод. Познакомившись с каждым в отдельности, приступили к занятиям.

Батальон после боев был выведен во второй эшелон. Появилась возможность передохнуть, привести себя в порядок, заняться с молодым пополнением.

Командир взвода провел занятия с солдатами по изучению станкового пулемета. Занимались в окопе, у замаскированного под снег «максима». Он встал рядом с пулеметом, положил правую руку на его затыльник, поиграл пальцами на полированной рукоятке и как можно торжественнее сказал:

— Прошу любить и жаловать. Станковый пулемет образца тысяча девятьсот тридцатого... Он был в полушубке и валенках. Шапка с поднятыми вверх ушами сидела на голове прямо. У нижнего края шапки светлели русые волосы, невысокий лоб был виден чуть. Он был молод и симпати-

чен, что имело немаловажное значение для занятия. Замечено, что если учитель симпатичен, то его урок запоминается лучше.

Он долго говорил о пулемете, как о человеке, как о своем личном друге. Он вспоминал свой первый бой — как его пулеметный взвод с тремя «максимами» весь день отражал яростные атаки фашистского батальона и не сдал занимаемую позицию, в голосе пробились нежная нотка, словно подснежник вззошел на весенней проталинке...

Потом были учебные стрельбы. Для этой цели Данилов выбрал глубокий овраг. Взвод брал пулеметы, коробки с учебными и боевыми патронами, мишени. Весь день в расположении батальона слышались пулеметные очереди. «Полевая академия» работала напряженно, без отдыха и давала первые результаты.

— Лежи без напряжения, расслабься, не опирайся на землю. Командир с удовольствием показывал своим молодым солдатам приемы стрельбы из пулемета, мягко и неназойливо подсказывал:

— Спокойно дыши. Ставь прицел, открепи механизм тонкой вертикальной наводки и рассеивающий механизм. Левый глаз зажмурь, правым наводи. Лучше, точнее, стукни ладошкой по рукояткам затыльника. Хорошо. Надо уметь за мишенью видеть врага, которого, кроме тебя, никто другой не уничтожит.

— Огонь!

В руках задрожали рукоятки, в ушах забила резкая, частая дробь. И в этом радостном, приятном слуху звуке он слышал, как внизу, под вертлюгом, постукивают о мерзлую землю стреляные гильзы, и как младший лейтенант сказал, что молодец, а потом — «стой!»

Южные теплые ветры пригнали дождевые облака. Без того сырая земля, после стаявшего снега набухла, как тесто на дрожжах. Прошли дожди, вода смешалась с черноземом, и почва превратилась в непролазную грязь. Колесные машины встали, забуксовали и гусеничные вездеходы. Даже повозки не двигались, несчастные лошади рвали постромки, вылезали из упряжи, но ни они, ни ездовые ничего не могли сделать, чтоб сдвинуть с места, увязшие в грязи повозки.

Распутица, бездорожье стали серьезными препятствиями на пути наших войск.

В полосе боевых действий дивизии наступило короткое затишье. Части готовились к новым боям, пополнялись людьми, техникой, наскоро устраивали свой фронтовой быт.

Днем Данилова и других офицеров батальона вызвали к комбату. Майор Палкин объявил:

— Получен приказ, сменить стрелковый полк на переднем крае. Смену произвести скрытно, ночью. До позиции полка двенадцать километров. Идти придется пешком, готовность к маршу — в 16.00.

В указанное время батальон начал движение. Бойцы несли на плечах и на спинах пулеметы, минометы, противотанковые ружья, винтовки и автоматы, патроны, мины, гранаты и продукты. На каждого пришлось больше пуда, а грязи — по колено. Она засасывала обувь так, что при резком движении от сапога отрывалась подметка. Пожилые, умудренные опытом солдаты, предвидя это, привязали сапог и ботинок проволокой.

Шли по пересеченной местности. Ночь была не сырая и не холодная. Дорога привела в лесок, стало темно. Двигались медленно, ориентируясь по видневшемуся над головой просвету, прислушиваясь к чуть слышным впереди голосам людей и поскрипыванию тележных колес. Данилов знал, что впереди идет первая рота, а за ней — «хозяйство» начальника штаба батальона.

Семен шел впереди. Время было около четырех часов утра. За спиной слышались шаги, пулеметчики тихо переговаривались. Он стал «клевать носом». Ноги шли, выбирали дорогу, обходили ямки, поворачивали в сторону, как поворачивала дорога. Данилов с трудом понимал, где он и что с ним происходит, а потом и совсем перестал понимать и чувствовать себя и окружающую действительность. Сколько такое продолжалось — несколько секунд, минута, две? Вдруг его голова стукнулась об что-то твердое, и он проснулся, открыл глаза. Да, Семен уснул и какое-то время шел во сне, пока не наткнулся за задний борт стоявшей на дороге машины...

Быть сутками на ногах — обычное состояние на фронте. Ежечасное физическое напряжение, изматывание сил хуже

болезни, вредней и опасней голода. Когда плечи наливаются свинцом, спина огнем горит от натуги, к ногам, кажется, привязаны тяжелые гири, и конца пути не видно.

Уже стемнело, когда батальон прибыл на место. Передний край проходил за деревней, охватывал ее справа, и представлял собой систему траншей и окопов, вытянутых по фронту и в глубину. До первой траншеи немцев было около четырехста метров. Жителей в деревне осталось мало. Они прятались, отсиживались в погребах и подвалах.

Ночью, без шума, батальон сменил подразделения, находившиеся в траншеях. Данилов расположил взвод в указанном ему месте, расставил пулеметы, приказал командирам расчетов все приготовить для ведения огня, нести непрерывное дежурство у пулеметов и наблюдать за противником.

Распутица не позволяла подойти к переднему краю, нельзя было ничего подвезти, полк оказался в трудном положении, особенно плохо обстояло дело с боеприпасами. Бойцам был дан приказ: без крайней необходимости огня не открывать, экономить каждый патрон. Фашисты поняли это, стали вести себя нагло. Они открыто ходили по своему переднему краю, спускались вниз к ручью за водой. Строго соблюдая приказ, бойцы не открывали огня, руки чесались, чтобы как следует проучить обнаглевших фашистов.

Батальон просидел в траншеях и окопах двое суток. Днем хорошо просматривался передний край противника. Фашисты действительно уверовали в свою безнаказанность и открыто ходили по переднему краю...

В ночь на 31 августа 1943 года передовые части дивизии форсировали реку Псел, зацепились за вражеский берег и завязали бои за удержание плацдарма. Работник политотдела находился в полках первого эшелона. Со стороны всем казалось, что этот энергичный, всегда жизнерадостный и бесстрашный командир роты Семен Данилов. Он везде поспевал и всегда был там, где надо быть командиру, коммунисту.

Короткая передышка — всего несколько минут. Не успеют остынуть стволы пулеметов, автоматов, противотанковых ружей — и снова в бой. И те короткие минуты командир успевал сказать главное. Он воодушевлял бойцов, рассказывая им об одержанных победах, и звал вперед, на выполнение очередных боевых задач.

Впереди был Днепр. Об этой величавой, воспетой поэтами могучей реке Семен мог рассказывать часами.

29 сентября части дивизии подошли к Днепру южнее Кременчуга. Полки вели жестокие схватки с врагом, очищая прибрежные леса. Отличившихся в этих боях принимали в ряды коммунистов. В батальоне заместитель начальника политотдела дивизии в присутствии бойцов вручил кандидатскую карточку командиру пулеметного взвода Нагаткину М., со словами:

— Поздравляю и надеюсь, что вы на деле оправдаете звание будущего коммуниста. Желаю вам и всем пулеметчикам вашего взвода новых побед в борьбе с фашистами.

На рассвете надувные резиновые лодки бесшумно уходили от левого берега. В одном из них отплыли пулеметчики во главе с Даниловым. Они прошли сквозь огненный смерч и бросились на тот берег. Враг обрушил на горстку бойцов всю мощь огня. Станковые пулеметы косили фашистов, отбрасывали их назад. Лейтенант Данилов уничтожал врагов из своего автомата и гранатами. Когда вражеская пуля сразила одного из расчетов, командир роты сам лег за пулемет.

В этом бою на днепровском плацдарме, как и в других местах, Данилов сражался отважно, показывая образцы стойкости и отваги. За эти бои лейтенант Данилов был представлен к медали «За отвагу».

...Широкая река покрылась красноватыми водяными смерчами от разрывов снарядов и мин, тысячами фонтанчиков от пуль. Вода вспенилась, застонала, хороня гибнущих и устрашая живых. Солдаты все сильнее нажимали на весла. Вот и берег! В решительном порыве бойцы бросились на него: они целовали мокрый песок, обнимали остывшую за ночь землю, стремительно поднимались, словно влив в себя ее силу, и неудержимой лавиной шли на врага, отвоевая метр за метром дорогой и такой нужный плацдарм.

В общей сложности батальон в те дни отбил шестнадцать контратак фашистов...

В одной из атак, командир роты был контужен, находился на излечении в медсанбате дивизии, через месяц вернулся на свое место, бойцы обрадовались своему командиру.

Комбат встретил его с радостью, сказал при этом, что за бои награжден орденом Красной Звезды.

Дивизия, прикрывавшая фланги наступавших на Киев соединений, вела бои южнее города — на кировоградском направлении, гнала фашистов дальше на запад. Теперь все фронтовые дороги вели наших солдат на запад...

Отшумели вешние воды сорок четвертого года. Семен после контузии окреп. Командир роты прикрепил на свои погоны еще по одной звездочке. Командир взвода пулеметчиков Котов М.Б. получил звание сержанта.

В апреле пришел приказ: лейтенанта Данилова откомандировать в стрелковый полк. Семен сдал свои обязанности по должности, явился командиру батальона с докладом. Тот не стал слушать:

— Честно скажу, жаль расставаться с тобой, Семен. Да ничего здесь не попишешь, приказы, сам знаешь, не обсуждают, а выполняют...

Семен ушел в полк. Стал командиром роты пулеметного батальона, комсоргом батальона. Командир батальона майор Сенчугин сразу внес ясность:

— Мне много говорил ваш комбат, хвалил, поэтому мы выпросили вас у командира дивизии.

Данилов был не в курсе, что утром в полк прибыло пополнение, и в штабе людей распределяют по батальонам. После обеда в роту прибыло новичков человек двадцать. В основном были украинцы из только что освобожденных районов.

Показывая на группу прибывших парней, сказал:

— Вот из этих парней выбирай себе в роту.

Взводный построил их в одну шеренгу, так что всех было хорошо видно. Ребята молодые, примерно такого же возраста, как взводный. Одеты кое-как: кто в фуфайке, кто в стареньком пальтишке.

Взводный распределил расчет по номерам, построил бойцов в таком же порядке и скомандовал:

— Взвод, равняйся! Смирно!

Так весной 1944 года в жизнь Семена Данилова вошли новые люди, стал привыкать к новым людям, стал готовить их к боям, которые ожидали расчеты рядом, где-то в трех километрах от этого сырого, нахмурившегося леса, в котором дивизия принимала пополнение.

15 апреля батальон закрепился на плацдарме. Отбив несколько контратак противника, она к вечеру оборудовала позиции, а теперь, с наступлением сумерек, совершенствовала их в инженерном отношении.

На ночь комбат решил выслать от роты боевое охранение.

— Кого думаешь послать? — спросил майор Сенчугин.

— Подумаем, сказал ротный.

— Пошли надежных людей, со станковым пулеметом. Думаю, лучше всего подойдет сержант Козлов.

Девять вечера командир роты вызвал к себе Козлова.

— Как настроение, командир? — спросил у него Семен. — Поужинали?

— До утра можно жить, подзаправились.

До утра надо еще дожить. Непокойным будет оно завтрашнее утро. Иди сюда, к карте. Лейтенант показал то место, куда расчет должен скрытно выдвинуться с пулеметом, занять позицию с задачей не допустить внезапного удара противника по позициям роты.

— Выдвигаться будете с наступлением полной темноты, ни звука. Займите позицию, заройтесь в землю, приготовиться к круговой обороне. Запомните то, что вы одни. Завяжете бой — держитесь подольше, сковывайте как можно больше сил противника. Отход по сигналу ракеты.

Прошла ночь. Утром фашисты начали выдвижение к реке. По их данным, до передовых подразделений советских войск было не менее трех километров. Поэтому гитлеровцы шли открыто, без опаски. Они не успели принять боевой порядок, сосредоточиться — неожиданно, как из-под земли, ударил пулемет. Враг заметался, поднялась паника...

Вечером сержант Козлов не только в точности исполнил приказ командира роты, как это делал всегда, действовал по обстановке. За ночь расчет отрыл один основной окоп полного профиля и три запасных. Пулеметчики соединили их переходами на случай маневра.

Снизу от реки веяло сыростью, она пробиралась под шинель, вызвала неприятный озноб. Сержант посоветовал:

— Не подпирайте стенки окопа, прижимайтесь друг к другу. Грейтесь, пока солнце поднимется.

— Ничего, немцы пойдут, будет жарко, — сказал второй номер Забаров.

три обмотки, да покрепче. Приготовьте вот эту коробку — там лента с зажигательными пулями. Как только я перейду шоссе, вы бросите мне конец обмотки. К другому концу привяжите коробку, я буду тащить ее через дорогу. Все ясно?

Николай развязал обмотку на ноге, снял ее и оба конца крепко завязал к хоботу пулемета. Образовалась ляпка. Проверил, крепко держалась ляпка. Он лег к пулемету, просунул голову в ляпку и повесил ее себе на шею. Опустился на четвереньки — хобот пулемета поднялся до уровня его головы. Упираясь головой в деревянные рукоятки, сержант начал выкатывать пулемет на дорогу так, чтобы щит был направлен в сторону огня противника. Огонь велся фронтальный, поэтому толкать пулемет пришлось не поперек дороги, а под углом. Медленно продвигался Николай по открытому шоссе под вражеским огнем. Щит звенел от пуль. Они били, словно крупные градинки по железной крыше. Ливень свинца, обтекая щит, проносился дальше, но в этом ливне не было мертвое поле, его ширина и высота равнялись размерам щита, и в этом не простреливаемом поле оказался сержант, ползший на четвереньках и толкавший головой свой «максим».

Он преодолел это огненное шоссе, ведущее к городу.
— Бросайте!

Он взял камень, отвязал конец обмотки и сильно потянул за него. Взяв коробку с патронами, тут же стал пробраться по картофельному полю на бугор и занял огневую позицию. Установил пулемет, вставил ленту и изготовился к стрельбе. С высоты он хорошо видел копну, откуда фашисты вели огонь по шоссе. «Сейчас они получают у меня!» — подумал Козлов. Он тщательно прицелился и дал очередь. Копна вспыхнула. Из нее выскочили два фашиста с крупнокалиберным пулеметом. Николай сразил их. Огневая точка была подавлена. Он встал и радостно замахал руками, давая знать своим, что дорога свободна.

К вечеру рота, затем и весь полк завязали бой на улицах города. Среди них был пулеметный расчет сержанта Козлова. Метким огнем он прокладывал путь своей пехоте. Вскоре город был освобожден.

Вскоре в городе Совет фронта провел слет кавалеров ордена Славы. Туда был приглашен сержант Козлов. Ему вручили орден Славы 3 степени.

Почти весь август, не затихая, шли бои на плацдарме. Расчет старшины Козлова не раз показывал в них свои отвагу и мастерство, за что командир был награжден орденом Славы второй степени. Не остались без наград члены его расчета: получили медали рядовые Орловский, Махминов, Сергеев, командир роты Данилов.

Наступление наших войск началось 12 января 1945 года. Почти два часа содрогалась земля от тяжелых разрывов. Залпы тысячей орудий слились в громовой грохот...

На своей территории фашисты дрались с отчаянием обреченных. Ожесточение боев нарастало и достигло наибольшего накала на рубеже реки Одера. Река Одер была серьезной водной преградой на пути к Берлину.

Ломая сопротивление противника, полки дивизии шли к реке. Началось форсирование. Река здесь была покрыта тонким, ненадежным льдом. На отдельных участках шла шуга. Не одному солдату пришлось искупаться в ледяной воде. Такая участь постигла и Семену Данилову. Недалеко взрывной волной опрокинуло плот, и бойцы шли по грудь в воде, неся на поднятых руках автоматы и станковые пулеметы.

Накануне командира роты вызвали в штаб батальона. Там получил задачу: войти с расчетом в состав группы майора Попова. На группу возлагалось особое задание: форсировать Одер южнее участка полка, закрепиться на западном берегу и отвлечь на себя внимание вражеских сил.

Группа переправлялась через Одер в пять часов утра. В этот предрассветный час было сыро, холодно. С реки дул колючий ветер, с неба сыпала мокрая снежная пурга. Плыли на плотках без шума, без разговоров. Противник, видно, не ждал здесь наших бойцов, а когда, осветив ракетами реку, обнаружил на ней плоты, помешать им уже не смог. Солдаты переправились без потерь, с ходу захватили небольшой плацдарм, заняли оборону и начали закрепляться. Попов торопил бойцов: гитлеровцы могли в любую минуту атаковать.

Над рекой медленно растекалась мгла. Попов связался по радиации с комбатом и доложил, что группа захватила и закрепилась и готова к отражению вражеских атак.

— Вы не ждите, когда немцы начнут атаковать. Начинайте сами. Открывайте огонь, отвлекайте на себя как можно больше сил противника, — приказал майор Васнецов.

Вражеские мины ложились все гуще и гуще на позиции солдат группы. Несколько бойцов было ранено. В пулеметном расчете Козлова осколок мины сразил Махминова.

Он бросился к нему, оттащил от пулемета, расстегнул шинель, хотел перевязать, но было уже поздно.

Командир лег за пулемет Махминова.

— Приготовились... — предупредил лейтенант подчиненных. Он установил прицельное кольцо на нужное деление, совместил целик с мушкой, придал стволу нужное направление, наведя его на середину фашистской цепи. Крепко сжимая рукоятки затыльника, Николай хладнокровно выжидал, подпуская врагов на близкое расстояние. Казалось, в его груди все замерло, и только сердце стучало все сильнее и сильнее.

«Огонь!» — скомандовал себе Николай и нажал на спусковой рычаг. Он дал длинную очередь. Отпустил гашетку, перевел ствол чуть вправо, уточнил наводку и снова нажал на спуск. И еще длинные очереди, более глухие и более короткие. Это вели огонь бойцы Попова. В прорезь прицела Николай видел, как падали солдаты врага, как редела ряды атакующих, как они остановились, залегли...

Наступила передышка. Пошел снег — мелкий, колючий. Острые крупинки падали на лица, падали и на ствол пулемета. Николай видел, как они таяли, едва прикоснувшись к нагревшемуся металлу.

Передышка длилась недолго. Внизу послышались крики, стрельба — гитлеровцы поднялись и вновь ринулись на наши позиции. Враг, видимо, получил подкрепление, и теперь ударит сильнее. Так и получилось. И снова заговорил «максим», застрочили из автоматы. Из окопов, в ряды наступающих полетели гранаты. Николай опять вел огонь сам, вместо наводчика. Быстро кончилась первая лента. Помощник наводчика Орехов достал из коробки новую, вставил наконечник в окно приемника и только стал протягивать ленту влево, как вражеская пуля ударила солдата в грудь. Орехов присел и замер навсегда...

— Миша, крикнул командир, все еще не веря в случившееся. Над безжизненным телом склонился Ямкин. Приложив к груди ухо, он с минуту помолчал, а потом сказал командиру:

— Все, командир, отвоевался...

Боль за товарищевой и злость на врага пронзили сердце командира. Уже двое погибли на этой высоте, на этом плацдарме...

Не одну атаку пришлось отбивать бойцам Данилова. Внизу, по дороге появились четыре танка. Это уже страшнее. Развернувшись, танки ринулись вперед, прикрываясь броней, вражеские автоматчики побежали вслед за ними. Возле наших позиций стали рваться снаряды. Они ложились все ближе и ближе, ряды защитников редели.

Положение все более осложнялось. Но десантники не отступали.

— По танкам, гранатами — огонь! — скомандовал Попов.

Тяжелые связки гранат летели из окопов и рвались перед танками. Расчет перетащил пулемет на запасную позицию, оттуда ударили по вражеской пехоте, отсекая ее, от танков. Те уже вплотную подошли к нашим окопам. Один из них остановился с перебитой гусеницей, через несколько секунд вспыхнул другой.

Перед ними разорвался снаряд. Николая оглушило, пошла кровь из рта. Помощник не пострадал, бросился к командиру, тряхнул его за плечи:

— Николай, жив?

Пулемет снова ожил. Николай с трудом удерживал его в руках. Голова у него кружилась, уши болели, в них стоял тупой шум. Лицо его было в крови и в грязи. Но глаза видели хорошо, он продолжал разить фашистов.

Фашисты все лезли и лезли. Их танки изрыгали огонь из пушек и пулеметов. В наших окопах оставалось всего двенадцать бойцов вместе с Поповым. Казалось, участь этой горстки солдат была предрешена, и спасти их уже ничто не могло.

Убит капитан Попов, многие солдаты были ранены, контужены...

Командование группой принял старший лейтенант Данилов. Но противник вдруг повернул назад. И это не было

чудом. Это полки дивизии, переправившись через Одер, пришли на помощь товарищам, ударили по врагу с тыла...

Вернувшись в свою роту, старший лейтенант Данилов попросил командира пополнить его взвод, но людей не было, и его просьбу не удовлетворили.

— Вам и самому следовало бы подлечиться, — сказал командир полка. — Отправляйтесь в полковой медпункт, там врачи посмотрят, решат, что нужно делать.

— Нет, — решительно отказался командир роты. — У меня еще есть силы держать оружие, за своих боевых товарищей должен отомстить.

Пулеметчики отличились и в последующих боях за овладение польскими городами и населенными пунктами. Они всегда все время находились в рядах атакующих. Как только путь пехотинцам преграждал огонь засевших в домах немецких пулеметчиков или гранатометчиков, расчет пулеметчиков роты Козлова выкатывал вперед станковый пулемет и меткой стрельбой подавлял вражеские огневые точки.

В одном из боев батальон понес большие потери. Вышли из строя все командиры взводов, получили ранения командиры роты. Старший лейтенант Данилов принял на себя командование подразделением и продолжил руководить боем. Задача была выполнена.

За мужество и отвагу, проявленное в боях на Одере, старший лейтенант Данилов был награжден орденом Красного Знамени. Об этом он узнал в медсанбате.

Вернувшись из медсанбата, Данилов продолжал воевать командиром роты в родном батальоне. Пулеметчики заметили перемену в командире, порадовались за него. Старшина Козлов от имени роты сказал:

— Семен Михайлович, примите наши поздравления. В первом же бою отсалютуем пулеметами в честь такого дела...

А они отсалютовали в честь командира раньше, чем предполагал Козлов. Западнее Бреслау штаб дивизии расположился на ночь в брошенном немцами доме. Взводу Козлова комбат приказал выдвинуться на восемьсот метров к лесу, занять там позиции и быть на чеку. Примерно до середины ночи все было спокойно. Вдруг со стороны леса послышался несильный шум, он стал нарастать, приближался. Командир прислушался. Сомнений не было, идет

группа людей. Он пригнулся и на фоне неба различил серую колыхавшуюся массу. Тут же передал команду: готовиться к бою.

Бойцы заняли места у пулеметов. Фашисты приближались, уже отчетливо слышалась немецкая речь. Он решил выждать еще несколько минут. Он был уверен, что противник вот-вот наткнется на пулемет Гудкова, тот откроет огонь, гитлеровцы бросятся в стороны, побегут назад, к лесу. И тут ударят остальные расчеты. Так и есть, враг наткнулся на окоп Гудкова. Тут же ночную тишину разорвала пулеметная очередь. Длинно и гулко били «максимы» роты, фашисты замесались, началась паника. Она и днем страшна, а ночью втройне. Фашисты опрометью бросились назад прямо на пулемет Козлова. Они бежали густой массой.

— Огонь! — крикнул командир и выпустил ракету, которая ярко осветила мечущихся фашистов. Командир лег на бруствер правее пулемета и полоснул фашистов автоматной очередью. Слева и справа били пулеметы. Ракета погасла, лежащая местность провалилась в темноту, глаза запомнили, знали, куда целить, да и истошные крики вражеских солдат служили хорошим ориентиром стрелявших из окопа.

Правее ударил третий пулемет взвода. Теперь куда бы ни шарахались перепуганные фашисты, всюду они наскакивали на кинжальный огонь «максимов». Командир выпустил вторую ракету, потом еще одну. Уцелевшие гитлеровцы бежали к лесу. Очевидно, это была вышедшая из окружения под городом Бреслау группа, пытавшаяся уйти на запад.

Утром солдаты полюбовались на результаты своей работы. Местность была усеяна трупами врагов...

— Смотрите, товарищ капитан, сколько уложили, — сказал Гудков, радуясь исходу боя.

— Хорошо поработали, молодцы, — отозвался комбат, — не дали фашистам уйти.

В дивизии сразу все узнали о подвиге пулеметчиков, поздравляли. В те дни немало вражеских групп, больших и малых, оказывались в тылу наших войск. Они нападали на тыловые подразделения, на штабы, медсанбаты и жестоко громили их.

За этот бой все бойцы были удостоены медалей «За отвагу» и «За боевые заслуги».

Командир взвода был награжден орденом Славы 2-й степени.

Командир роты награжден орденом Красного Знамени, и ему был вручен еще орден Отечественной войны первой степени, за бои на плацдарме на Днестре. Орден затерялся, где-то в штабах, все же нашел своего хозяина.

Военные дороги приведут еще куда, что еще нужно им увидеть? Разве их мало отгремело над их жизнями?

Разве мало их отгремело?
Глухой удар. Земля куда-то
Вдруг провалилась впереди.
Врачи. Палата медсанбата.
Тупая боль в руке, в груди,
От сильной жажды сохнут губы,
Бросает в жар. Холодный пот.
Вдруг слышу, чей-то голос грубый
Меня с собою в бой зовет.
Шинели серые. Окопы.
Кустарник. Красный свет ракет,
Закувыркалось... Уж много лет
Прошло с тех пор, но раны ноют,
Друзей утрата горло жжет.
Вот потому то пережитое
Так долго память бережет...

Таллеров Петр Пантелеймонович родился 11 декабря 1936 года в деревне Нюргечи Комсомольского района ЧАССР в семье колхозников. Окончил Ленинградский политехнический институт по специальности инженер-металлург литейного производства.

Работал на различных предприятиях города Чебоксары (Чебоксарский агрегатный завод, завод электроизмерительных приборов, завод электроизмерительных механизмов).

С 1986 года — на заслуженном отдыхе, но до 1994 года продолжал работать на предприятиях г. Чебоксары.

Краеведением начал заниматься более 40 лет назад, изучал историю родного края, свою родословную, культуру чувашского народа.

П.П.Таллеровым издано 13 книг на основе собранных материалов: «Время выносит приговор», «Алатырь. Безымянные могилы», «Уголок моей души», «Сказание о деревне Нижние Хыркасы», «Поклонитесь солдатскому подвигу», «Атаки яростные те», «Солдаты, вы помните свои дороги» и другие.

По его инициативе были открыты четыре музея: «Музей боевой и трудовой славы д. Нюргечи» в 1981 г., «Музей боевой славы 139-й стрелковой дивизии» в школе N 5 в 1986 г., музей «Политбоец» в лицее N 12 города Чебоксары в 1990 г., «Музей солдатской славы» в школе N 59 города Чебоксары.

Ему присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры ЧАССР» (1990).

Народный академик с 2000 г.

Действительный член Чувашской народной академии.

СОДЕРЖАНИЕ

Я был солдатом Отчизны	3
Каждого помнить поименно.. ..	15
Судьба войной подкатила под ноги.. ..	26
Жизнь короткая, но память вечная.. ..	42
Мы были пехотой.. ..	58
Судьба, оборванная войной	73
Стоять насмерть.. ..	90
За танками — прямо по дымному снегу.. ..	103
Годы не смогли сравнять	107
Солдатские окопы.. ..	107
Разрыв — травой, травую повиликой.. ..	113
За спиной четыре года.. ..	116
Война — жестче нет слова.. ..	147
Этого нам никогда не забыть.. ..	153
Где военная юность прошла.. ..	171
Заглянул по памяти своей.. ..	177

ТАЛЛЕРОВ

Петр Пантелеймонович

ЛЕГЛА НА ПЛЕЧИ...

Издается в авторской редакции

Технический редактор *А.В.Сорокин*

Корректор *Г.И.Алимасова*

Верстка *И.О.Михайлова*

Подписано в печать 12.10.2005.

Формат 60х84/16. Бумага офсетная.

Печать оперативная. Гарнитура Прагматика.

Физ. печ. л. 12,5. Тираж 50 экз. Заказ N 94.

Отпечатано в типографии издательства «Новое время».
428005, г. Чебоксары, ул. Ломоносова, 2. Тел.: 60-00-22.

120²